

164939

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКАГО

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

1839—1842.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

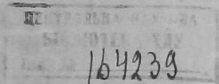
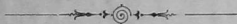
ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКАГО

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

1839—1842.

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ КАРТЫ.

398

Г. 45

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ	V.
Письмо 1-е (17 сент. 1839)	1
» 2-е (20 сент. 1839)	2
» 3-е (23 сент. 1839)	3
» 4-е (30 сент. 1839)	8
» 5-е (1 окт. 1839)	10
» 6-е (7 окт. 1839)	14
» 7-е (15 окт. 1839)	18
» 8-е (22 окт. 1839)	21
» 9-е (1 ноября 1839)	27
» 10-е (10 ноября 1839)	32
» 11-е (14 ноября 1839)	37
» 12-е (19 ноября 1839)	42
» 13-е (28 ноября 1839)	45
» 14-е (10 дек. 1839)	49
» 15-е (1 янв. 1840)	57
» 16-е (29 янв. 1840)	59
» 17-е (4 февр. 1840)	62
» 18-е (11 февр. 1840)	65
» 19-е (23 февр. 1840)	68
» 20-е (марта 13 нов. ст. 1840).	71
» 21-е (16 марта 1840)	74
» 22-е (2 апр. 1840)	76
» 23-е (7 апр. 1840)	79
» 24-е (26 апр. 1840)	81
» 25-е (4 мая 1840)	86
» 26-е (10 мая 1840)	89
» 27-е (14 мая 1840)	92
» 28-е (28 мая 1840)	97
» 29-е (9—10 июня 1840)	104
» 30-е (17 июня 1840)	111
» 31-е (26 июня 1840)	118
» 32-е (25 июля 1840)	122
» 33-е (6 авг. 1840)	129
» 34-е (10 авг. 1840)	132
» 35-е (23 авг. 1840)	134
» 36-е (6 сент. 1840)	141
» 37-е (20 сент. 1840)	144
» 38-е (26 сент. 1840)	147

	стр.
Письмо 39-е (19 окт. 1840)	159
» 40-е (28 окт. 1840)	163
» 41-е (31 окт. 1840)	166
» 42-е (1 ноября 1840)	169
» 43-е (2 ноября 1840)	172
» 44-е (1 янв. 1841)	181
» 45-е (23 янв. 1841)	185
» 45-е а (11 февр. 1841)	350
» 46-е (26 февр. 1841)	188
» 47-е (20 марта 1841)	194
» 48-е (2 апр. 1841)	198
» 49-е (9 апр. 1841)	202
» 50-е (2 мая 1841)	206
» 51-е (3 мая 1841)	211
» 52-е (11 мая 1841)	211
» 53-е (16 июня 1841)	217
» 54-е (7 июля 1841)	224
» 55-е (4 авг. 1841)	236
» 56-е (18 сент. 1841)	243
» 57-е (1 окт. 1841)	249
» 58-е (1 ноября 1841)	261
» 59-е (дек. 1841)	265
» 60-е (4 янв. 1842)	269
» 61-е (4 марта 1842)	279
» 62-е (22 апр. 1842)	285
» 63-е (12 мая 1842)	294
» 64-е (8 июня 1842)	309
» 65-е (1 авг. 1842)	323
» 66-е (30 авг. 1842)	331

Дополненія.

Вариантъ письма 35-го	335
Вариантъ письма 37-го	341
Варианты письма 39-го	346

Приложенія.

Перечень мѣстъ, посѣщенныхъ И. И. Срезневскимъ въ 1839—1842 гг.	357
Указатель личныхъ именъ.	363

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневскаго, появляющіяся въ настоящее время отдѣльнымъ изданіемъ, ранѣе напечатанныя въ журналѣ «Живая Старина» за 1892 и 1893 гг., писаны ихъ авторомъ во время его ученаго путешествія по западно-славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. Измаиль Ивановичъ былъ посланъ въ славянскія земли министерствомъ народнаго просвѣщенія для приготовленія къ занятію каяедры «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій» одновременно съ другими тремя русскими учеными; учрежденная еще съ 1835 г., но не замѣщавшаяся до конца 1830-хъ гг. во всѣхъ русскихъ университетахъ кромѣ Московскаго (гдѣ ее занималъ драхлѣй въ тѣ годы Каченовскій), каяедра эта нуждалась въ молодыхъ и умѣлыхъ силахъ. Лучшимъ средствомъ для приготовленія преподавателей славяновѣдѣнія министерство считало ознакомленіе ихъ съ языкомъ, исторіей и литературой западныхъ славянъ на мѣстѣ; занятія будущихъ славистовъ должны были производиться отчасти при помощи и руководствѣ туземныхъ ученыхъ, особенно же путемъ личныхъ наблюденій, посредствомъ (приводимъ слова инструкціи, данной И. И. Срезневскому) «не столько заимочнаго, сколько самодѣятельнаго и самопроизводящаго способа». Такое направленіе работъ инструкція оправдываетъ тѣмъ, что съ одной стороны «предметъ изученія славянскихъ нарѣчій, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ»; съ другой—«весьма не много можно встрѣтить ученыхъ, которые по призванію посвятили бы себя этому важному предмету»; наконецъ «рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій, а каяедры, учрежденныхъ по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находятся». Въ виду такихъ условій инструкція обращаетъ особое вниманіе путешественника на личное практическое изученіе славянскихъ нарѣчій и очень тщательно подчеркиваетъ этотъ способъ, гдѣ только возможно. «Путешествуя по какойнибудь странѣ», говорится въ инструкціи, «онъ (т. е. путешественникъ) долженъ прежде всего стараться пріобрѣсть вѣрную и подробную карту оной

и раздѣлить свое путешествіе сколь возможно систематически, по направленію рѣкъ, горъ и т. п., и по этимъ направленіямъ преслѣдовать все, могущее характеризовать эту страну. Почему онъ имѣетъ обратить вниманіе на физическое положеніе оной, на ея климатъ, на ея изобиліе или скудость въ дарахъ природы, на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и т. п., потому что всѣ эти воззрѣнія имѣютъ весьма важное значеніе въ опредѣленіи характеристики каждаго народа. Сверхъ того, онъ вникнетъ въ діалектическія свойства, отличающія языкъ или нарѣчіе этой страны отъ языка или нарѣчія другой; онъ вслушается въ смыслъ и духъ народныхъ пѣсенъ и въ мелодію ихъ напѣва; соберетъ преданія и сказки; замѣтитъ фizioномію племени. При такомъ условіи наблюдательности, само собою разумѣется, нашъ путешественникъ долженъ совершать свои ученныя экскурсіи пѣшкомъ, избирая для сего благопріятное въ году время: иначе, завися отъ тягостныхъ условій почты и дилижансовъ, онъ перепорхнетъ, такъ сказать, черезъ города, села и деревни, тщательное обозрѣніе которыхъ могло бы доставить обильную пищу его любознательности. Къ тому же изъ числа странъ, составляющихъ предметъ его изученія, есть и такія, посѣщеніе которыхъ нашъ путешественникъ и безъ того, по необходимости, долженъ будетъ совершать не иначе какъ пѣшкомъ, и минованіе которыхъ лишило бы его важныхъ пособій къ достиженію предположенной цѣли въ отношеніи къ практическому изученію своего предмета. Посему лѣтнее время года онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселяннина, сдружиться съ нимъ душой и бесѣдой и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славяннина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза, ибо, исключая собственно русскія и польскія страны, слова поселяннина и славяннина значатъ почти одно и то же. Изъ наблюденій этого рода путешественникъ составитъ любопытныя записки и отмѣтки. Зимнее же время, какъ наименѣе благопріятное къ подобнымъ путешествіямъ, онъ постарается проводить въ такихъ городахъ, пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно. Тамъ съ помощью бібліотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами, онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугъ приведетъ въ порядокъ и систему собранныя имъ матеріалы». Способы наблюденій, предложенные въ этой инструкціи, были вполнѣ примѣнены И. И. Срезневскимъ, примѣнены вѣроятно даже съ большою тщательностью и большою любовью, чѣмъ это рекомендовалось инструкціей: Измаиль Ивановичъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ обращаться съ простымъ людомъ, всю юность пропутешествовавъ по Украинѣ въ поискахъ за остат-

ками старины, и умѣлъ легко и попросту сходитья со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія—способность, сохранившаяся у него до послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Путешествіе Измаила Ивановича длилось три года: 17 сент. 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23 сент. 1842—вернулся. Въ эти три года И. И. посѣтилъ Пруссію, Саксонію, Чехію, Моравію, Лузацію, Хорватскія земли, Славонію, Черногорію, Сербію, Венгрію, Галицію и Польшу. Зимы, согласно инструкціи, онъ проводилъ въ городахъ, изучая славянщину чрезъ посредство ученыхъ ея представителей, разбирая матеріалы, собранныя въ теплое время года, лѣта, весны и осени—въ путешествіяхъ то съ кѣмъ нибудь изъ друзей-славянъ, то въ одиночку, по большей части пѣшкомъ, изрѣдка верхомъ, на почтовыхъ, въ лодкѣ.

Время путешествія И. И. Срезневскаго было временемъ широкаго развитія панславизма на славянскомъ западѣ. Срезневскому не разъ случалось въ глухихъ приходахъ словацкой земли, въ домахъ у священниковъ и крестьянъ встрѣчать портреты русскихъ царей Петра Великаго и Николая, не разъ случалось въ горахъ испытывать эхо кликомъ «да здравствуетъ русскій императоръ» и пить круговую чару за возрожденіе славянскаго народа. Пѣсня «Bože, živi sve slaveni» распѣвалась тогда по всему югу, сонеты Яна Коллара изъ «Slávy dcera» были на устахъ у всѣхъ и въ одно цѣлое, въ одну Всеславію соединялись всѣ земли

«Od Carigradu k Petrovu...

Ode Prahy k Moskvě, Kyovu»...

Путешествіе И. И. Срезневскаго было радостно привѣтствовано заграничными славянами; они были счастливы тѣмъ, что встрѣчаютъ въ путешественникѣ представителя русскаго племени, которое въ то время рисовалось въ глазахъ западныхъ собратій въ ореолѣ славы и, казалось, сулило имъ лучшую будущность подъ общимъ славянскимъ знаменемъ. Въ путешественникѣ видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго одни лишь научныя цѣли, но хотѣли придать его дѣятельности болѣе свѣжую, современную, иногда политическую окраску; о его путешествіи оповѣщали въ газетахъ за долго до проѣзда его по той или другой мѣстности, его встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, какъ перваго русскаго, рѣшившагося пройти пѣшкомъ по родной ему землѣ, находящейся въ подчиненіи у иноземцевъ, много ему говорили о братствѣ, о великомъ русскомъ народѣ. Крайне любопытно было бы знать, какъ самъ Измаилъ Ивановичъ относился къ этимъ увлеченіямъ

панславизмъ, былъ ли у него чисто романтическій интересъ къ славянской старинѣ или крылась въ его чувствахъ къ славянамъ какая-нибудь болѣе современная струя. Хотя прямого отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ ни въ перепискѣ, ни въ ученыхъ трудахъ Измаила Ивановича, изъ нѣкоторыхъ намековъ, встрѣчающихся въ его письмахъ, видно, что онъ былъ врагъ всякой «политики», избѣгалъ политическихъ разговоровъ, всегда сердившихъ его (это было и въ Чехіи, и въ Польшѣ), и вообще держался правила „почитать власть политическую“. Но, признавая неприкосновенность этой власти, онъ высоко ставилъ уваженіе къ народности и считалъ обязанностью государства охранять духовную самостоятельность каждаго подчиненнаго ему племени. Пройдя шагъ за шагомъ славянскія земли, узнавъ про перенесенныя славянами невзгоды и несправедливости со стороны мадьяръ и нѣмцевъ, увидѣвъ, а иногда и испытавъ на себѣ тягость положенія угнетенныхъ племенъ, теряющихъ свою народность подъ давленіемъ властвующаго племени, онъ проникся непріязнью къ этому племени: это чувствуется въ его письмахъ, не смотря на то, что онъ и не любилъ это высказывать. Можно отсюда заключить, что литературно-научное увлеченіе Измаила Ивановича стариною славянъ, ихъ языкомъ, нравами и бытомъ, стремленіе его къ воскрешенію этой старины, не было чистымъ романтизмомъ: всѣми силами сторонясь политики, Измаиль Ивановичъ въ то же время невольно поддавался общему теченію; желая литературной самостоятельности славянъ, открыто высказывая это, онъ глубоко сочувствовалъ ихъ тяжелому положенію, мечталъ объ улучшеніи печальной дѣйствительности и невольно увлекался мыслью объ ихъ племенномъ возрожденіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Измаила Ивановича къ матери его Еленѣ Ивановнѣ, которой писаны письма, объ отношеніяхъ, придавшихъ письмамъ особый характеръ сердечности и простоты. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова; † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ Измаила Ивановича его единственнымъ и воспитателемъ, и другомъ; Измаиль Ивановичъ послѣ смерти отца — проф. Харьковскаго университета по каедрѣ красноорѣчія — Ив. Евс. Срезневскаго († 1819), оставшійся семилѣтнимъ ребенкомъ, выросъ почти исключительно на ея рукахъ, ею былъ подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. «Передъ нею», писалъ Измаиль Ивановичъ въ 1870-хъ гг., «не было у меня ничего затаеннаго», она «объятіями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Она была бы несчастна, если бы принуждена была затаить въ себѣ свое чувство и мысль;

а высказаться вполнѣ она могла только мнѣ: братъ былъ далеко, да съ нимъ она и не жила такъ долго и такъ постоянно, какъ со мною. Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ не было между нами невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы всетаки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждого изъ насъ вставало свѣтлое солнце». Чтобы сохранить точнѣе и правдивѣе образъ матери И. И. Срезневскаго я приведу отрывокъ изъ замѣтокъ, записанныхъ по воспоминанію, со словъ Измаила Ивановича, отрывокъ довольно ясно ее характеризующій. «Е. И. Срезневская принимала горячее участіе въ дѣлахъ своего мужа и вотъ между прочимъ какъ умѣла помочь ему въ его служебныхъ обязанностяхъ. Иванъ Евсѣевичъ былъ инспекторомъ студентовъ университета; должность эта въ то время стояла гораздо выше чѣмъ теперь, и инспектору приходилось непосредственно сноситься съ каждымъ изъ студентовъ и на своихъ плечахъ выносить всѣ безпорядки, невзгоды и недоразумѣнія, возникавшія въ ихъ средѣ. Елена Ивановна постаралась приблизить къ себѣ студентовъ и съ позволенія И. Е. завела обычай, по которому каждое воскресенье къ инспектору собиралось обѣдать человѣкъ пять студентовъ по очереди. Послѣ обѣда Иванъ Евсѣевичъ уходилъ спать; разговоръ между тѣмъ продолжался; Елена Ивановна умѣла возбудить въ молодыхъ людяхъ довѣріе къ себѣ, искренность, разспрашивала ихъ объ ихъ житіѣ-бытіѣ, объ ихъ нуждахъ, товарищахъ; они разсказывали ей чистосердечно многое такое, чего никому другому не сказали бы, даже сами стали приходить къ ней за совѣтомъ, наставленіемъ, съ жалобой, съ просьбой,—и она каждого успокаивала, обнадеживала и, сколько могла, всѣмъ помогала. Она сдѣлалась посредницей между студентами и инспекторомъ, другомъ ихъ, и, благодаря ей, улаживалось многое такое, что въ прежнее время возбуждало сильныя волненія молодежи, которая дѣлала инспектуру дѣломъ не только безпечнымъ, но даже опаснымъ. Бывало прежде, что вечеромъ на письменный столъ къ инспектору являлся съ улицы брошенный неизвестной рукою камень съ осколками вышибленнаго имъ стекла, угрожая такимъ же разрушеніемъ и головѣ бѣднаго блюстителя порядка. Прежніе инспекторы за благовременно принимали мѣры предосторожности противъ такихъ случайностей жизни; но Иванъ Евсѣевичъ ни за что не хотѣлъ отставить свой столъ отъ окна, не смотря на всѣ просьбы Елены Ивановны, которая сначала очень боялась за своего мужа. Измаиль Ивановичъ въ это время былъ крошечнымъ ребенкомъ и во время студентскихъ посѣщеній сдѣлался баловнемъ университетской молодежи. Всѣ угоды, благодарности, которыя неловко было дѣлать Ивану Евсѣевичу и Еленѣ Ивановнѣ, сыпались на него съ братской любовью». Та-

ковы рассказы Измаила Ивановича о его матери, приблизительно записанные съ его словъ въ 1870-хъ годахъ. Отношенія между Еленой Ивановной и Измаиломъ Ивановичемъ, такъ хорошо очерченныя въ его замѣткѣ, написанной имъ исключительно для самого себя, рѣзко выказываются и въ длинномъ рядѣ его писемъ—съ 1829 г. по конецъ 1840-хъ. Эти отношенія дають письмамъ, вошедшимъ въ настоящее собраніе, совершенно особенный характеръ—характеръ скорѣе дневника, чѣмъ писемъ; Измаиль Ивановичъ зналъ, что пишетъ свои письма такому человѣку, который съ нимъ ближе всѣхъ, что кромѣ этого человѣка письма будутъ прочтены только людьми, ему наиболѣе дорогими, которые остались послѣ его отъѣзда ближайшими друзьями его матери. Поэтому онъ не скрывался, писалъ, какъ говорилъ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ, собиравшемся по вечерамъ на квартирѣ Елены Ивановны; благодаря этому письма Измаила Ивановича дають ясный его обликъ; всѣ его взгляды, мысли, желанья высказывались въ нихъ прямо и безхитростно, часто наскоро, неполно, будто только для памяти, чтобы потомъ, по пріѣздѣ домой въ семейномъ кружкѣ точнѣе и подробнѣе рассказать длинную повѣсть долгаго трехлѣтняго странствованія.

При печатаніи писемъ И. И. Срезневскаго редакція сохранила ихъ въ томъ совершенно видѣ, какъ они написаны. Исключеніе можетъ представить лишь возстановленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ мѣстъ, гдѣ предполагаемое чтеніе поставлено въ скобки []. Вслѣдъ за письмами подъ заглавіемъ «варіанты» помѣщены недоконченныя передѣлки трехъ писемъ, отчасти дополняющія ихъ содержаніе. Для удобства пользованія письмами приложенъ указатель личныхъ именъ, а для наглядности общаго хода путешествія—маршрутъ его и карта западно-славянскихъ земель съ обозначеніемъ дороги путешественника.

I.

№ 1. ¹⁾ 17 Сент. 1839. Липцы. 8 часовъ вечера. ²⁾

Какъ бы я желалъ, милая, добрая моя Маменька, хоть разъ еще поцѣловать Вашу ручку, хоть разъ еще. Но—судьба надолго разлучила меня съ Вами. И 28 верстъ, отдѣляющія меня отъ Васъ, такъ-же грозны, какъ и тѣ тысячи, которыя долженъ я мчаться все далѣе, далѣе отъ Васъ. Мое путешествіе до сихъ поръ кажется мнѣ сномъ. Будто нѣсколько шаговъ стоитъ пройти мнѣ, чтобы снова быть подлѣ Васъ. Будто!—Да сохранить милосердый Господь Богъ Ваше здоровье! Никогда не молился я такъ усердно, какъ теперь—въ продолженіе этой тяжелой станціи. Чѣмъ болѣе не вѣрилъ дѣйствительности моего отъѣзда, тѣмъ болѣе слезы капали невольно. Я плакалъ и молился. Въ молитвѣ была для меня единственная отрада. Чувствую, что причина моей разлуки съ Вами не какой-нибудь капризъ, чувствую въ себѣ и силы и ревность исполнить назначеніе,—и съ этимъ чувствомъ не мирится другое чувство, и болѣе тревожное и болѣе требовательное, чувство родственной любви. Одно время, или, лучше сказать, одна надежда, что счастье наше еще будетъ, можетъ примирить эти чувства одно съ другимъ. Прощайте, прощайте, Маменька-душенька. Будьте здоровы, покойны.

Я опять пишу очень дурно. Пишу не своимъ перомъ, и спѣшу; при томъ же надобно смотрѣть и какъ переключиваются съ воза на возъ, а потому нельзя и не спѣшить. Какъ ѣхалъ я, можете судить изъ того, что только въ 8 часовъ вечера добрался до Липецъ. Ёхалъ большею частію шагомъ.

Пока было видно все разсматривалъ виды, припоминалъ, гдѣ останавливались мы ворочаясь изъ Вѣлгорода,—и гдѣ арбузы ѣли, и гдѣ пѣшкомъ шли по песку, и гдѣ нашъ ямщикъ, нашъ Яшинъ—охъ—болѣлъ. Горькія воспоминанія! Горькія потому, что все это прошлое и можетъ быть надолго невозвратное.

Отъ всей души благодарю добрую, почтенную Марѳу Ивановну ³⁾ за участіе, которое она приняла такъ усердно въ нашей разлукѣ. Марья Ѳеодоровна ⁴⁾ и

¹⁾ ММ на письмахъ принадлежатъ И. И. Срезневскому; они иногда не точны, но удержаны нами, такъ какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ письмахъ онъ говоритъ о прежнихъ, обозначая ихъ ММ-ми. Настоящій, нами данный счетъ писемъ, обозначается Римскими цифрами.

²⁾ Сверху написано рукою Е. И. Срезневской: «получено 19-го».

³⁾ М. И. Фидлеръ, жена Г. Г. Фидлера, бывшаго въ Харьковѣ аптекаремъ.

⁴⁾ М. Ѳ. Питра, мать Адольфа Сам. Питры, вносѣдствіи профессора ботаники и ректора Харьковскаго университета, и Альберта Сам. Питры, впол. проф. судебной медицины въ Харьковскомъ унив.; семья ихъ отца С. Питры, бывшаго лаборантомъ въ Харьковскомъ унив., была близка съ семьей Срезневскихъ.

Аннѣ Ѳедоровнѣ благодарное сердце мое хранить на всегда чувство неизгладимое. Спасибо и моимъ добрымъ друзьямъ. Побратски проводили они меня. Спасибо и Ивану Петровичу. Прощайте.

Прощайте, Маменька. Лошади готовы. Цѣлую ручку вашу.

Покор[ный] сы[нъ] Вашъ Из. Срезнев[скій].

II.

№ 2. 20-е Сент. Половина 10-го послѣ полудня. Курскъ ¹⁾).

Только что воротился—Вы, милая Маменька, не угадаете откуда. Изъ Коренной Пустыни. Она лежитъ въ 27 верстахъ отъ Курска. Мы, съ Григоріемъ Ивановичемъ Рыльскимъ ²⁾, нанявши извозчика за 4 рубля, отправились сего дня въ 2 часа послѣ обѣда,—и теперь уже дома. Въ какіе нибудь 7 часовъ съ небольшимъ проѣздили 54 версты, и успѣли тутъ же обозрѣть монастырь и ярморочную площадь и даже снять видъ монастыря. Мѣстоположеніе прекрасное. Монастырь лежитъ на полугорѣ почти въ лѣсу, и тянется къ рѣкѣ Тускари. Близъ мѣста, гдѣ найдена икона Знаменія Божіей Матери построена церковка, и въ ней посрединѣ колодезь чистѣйшей воды. За этой церковкой и остатки вяза, на корнѣ котораго найдена икона. Къ этой церковкѣ идти надобно съ горы по лѣстницѣ въ 150 ступеней, прекрасно обдѣланной въ родѣ той, какою всходишь въ домовую Архіерейскую церковь въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ. Выше маленькой церковки среди двора стоитъ главная церковь съ старинной колокольной. По сторонамъ дома архимандрита, келейный, трапезный съ теплою церковью и въ связи съ главными воротами зимнія кельи архимандрита очень старой постройки, разрисованные иконами снаружи сверху до низу. Еще выше по горѣ расположены линіями балаганы, занимаемы[е] во время ярмарки лавками: всѣ онѣ сосредоточиваются на площади круглой, вокругъ которой каменные ряды, прекрасно выстроенные. Лавки занимаютъ огромное пространство. Ярмонка начинается въ 9-ю пятницу послѣ пасхи. Въ этотъ самы[й] день чудотворная икона несется изъ Курска въ Коренную на особенныхъ носилкахъ въ кіотѣ, и сотни тысячъ народа провожаютъ ее. Когда принесутъ, начнется ярмонка. Послѣ ярмонки икона остается въ Коренной до 18 сентября. Богъ дастъ, милая Маменька, мы съѣздимъ съ Вами въ Курскъ во время Коренной ярмарки, и увидимъ торжественный ходъ.

Впрочемъ я не сказалъ вамъ еще ни слова какъ я добрался до Курска. Въ Липцахъ, за неимѣніемъ почтовыхъ лошадей, я нанялъ вольныхъ и ѣхалъ такъ до Медвянки. Проѣхалъ Вѣлгородъ ночью и на другую ночь, то есть

¹⁾ Сверху написано рукою Е. И. Срезневской: «получено 24-го».

²⁾ Г. И. Рыльскій, впоследствии преподаватель ариеметики, физики и естественной исторіи въ Тамбовской гимн. и Александринскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

18 Сентября пріѣхалъ въ Курскъ. Вотъ уже два дня я тутъ. На силу справился со всѣмъ, что хотѣлось увидѣть. Я былъ и на могилѣ Богдановича, и въ Лазаретскомъ саду, прекрасно обдѣланномъ Демидовымъ и у астронома Семенова, и въ гимназіи, и въ монастырѣ Знаменскомъ, и въ Сергіевскомъ Соборѣ, и весь городъ объѣздилъ и обходилъ и т. д. Спасибо Рыльскому: онъ былъ всюду моимъ путеводителемъ. Курскъ прекрасный городъ. Мостовыя впрочемъ гадки, несносны для ѣзды, хоть и прочны.

Я, слава Богу, здоровъ. Яшка спитъ, ни о чемъ не заботясь, и уже успѣлъ потерять свитку.

Сегодня ночью предполагаю выѣхать изъ Курска съ тѣмъ, чтобы завтра поспѣть въ Орель.

Прощайте, милая Маменька.

Из. Срез.

III.

№ 3. Мценскъ. 7-й часъ утра. 23 Сент. 1839 ¹⁾.

Я только что во Мценскѣ, еще въ 130 верстахъ отъ Тулы, еще далеко до Москвы,—и дай Богъ ко вторнику быть въ Москвѣ. Но сами посудите, милая Маменька: выѣхавши въ среду ночью изъ Курска, я ночевалъ въ четвергъ на пятницу въ 23 верстахъ отъ Орла съ тѣмъ чтобы утро провести въ Орлѣ; выѣхалъ вчера послѣ обѣда изъ Орла и на ночь пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, что бы хоть нѣсколько часовъ утра провести здѣсь, что бы осмотрѣть все любопытное. Если Богъ дастъ выѣду отсюда часу въ 11-мъ, то на ночь опять пріѣду въ Тулу и надобно будетъ провести хоть утро завтрашнее въ Тулѣ. Вы видите, милая Маменька: медленность моего странствованія не отъ меня, а отъ разстоянія городовъ, черезъ которые проѣзжаю. Сказать-ли же Вамъ что нибудь объ Орлѣ? Орель, если подѣзжать къ нему изъ Харькова по проселочной обводной дорогѣ, мимо кирпичныхъ заводовъ, имѣетъ по виду сходство съ Харьковомъ, когда на него смотришь изъ за кирпичныхъ заводовъ: только нѣтъ такой колокольни, и церковей въ Харьковѣ гораздо менѣе. Въѣдете въ него,—и Васъ встрѣчаютъ—гадкая мостовая, по которой скачешь, какъ сумасшедшій, нечистота и толпы народа, движущагося туда и сюда, какъ на ярмаркѣ. И такъ по всему городу, между тѣмъ какъ есть въ Орлѣ полицмейстеръ и нѣтъ и не бываетъ никогда ярмарки. Пріѣхавши на станцію, я напился чаю, и пошелъ къ извозчикамъ; взялъ одного, и велѣлъ везти себя по городу. Лучшія улицы Болховская и Московская: на Болховской болѣе выѣсокъ, на Московской болѣе лавокъ, тутъ же и гостинный рядъ и базаръ,—

¹⁾ Сверху надписано: «получено октб. 10.»

и крикъ, и шумъ, брань, хохотъ, ѣдутъ телѣги, кибитки, коляски, дрожки, инженерный офицеръ, гусаръ, губернаторша, идутъ съ яблоками, арбузами, виноградомъ, калачами, тряпьемъ. Гостиницы пропасть: есть и Берлинъ и Лондонъ, и Саратовъ, и Вѣнская, и для прїѣзжающихъ, и Европа, и чуть-ли даже не Австралія. Изъ лавокъ я замѣтилъ болѣе всего овощныхъ и стеклянныхъ. Лавчонокъ маленькихъ столько же сколько яблокъ, которыя въ нихъ продаютъ. Я сказалъ, что лучшія улицы—Болховская и Московская; впрочемъ не по красотѣ вида; мнѣ лучше нравится Садовая, гдѣ передъ каждымъ дворомъ широкій палисадникъ, а на площади бульваръ (=Липки) и за бульваромъ къ Окѣ городской садъ, довольно большой, не совсѣмъ чистый, но на чудесномъ мѣстѣ. Дома большею частію деревянные, обитые тесомъ и выкрашенные желтокирпичною краскою, а каменные большею частію уродливы, какъ курицы-безхвостыя: лучший домъ есть домъ дворянства. Что до церквей, то между ними есть многія стараго покрою, а нѣкоторыя отличаются изяществомъ архитектуры наружной и внутренней. Лучшая по красотѣ—Архангела Михаила, въ которой есть и чудотворная икона Божіей Матери страстной, усыпанная жемчугомъ и драгоценными камнями. Лучшій видъ на городъ съ колокольни церкви св. Никиты. Самая занимательная колокольня—при церкви Покрова. Въ мужскомъ монастырѣ, гдѣ и Архіерейскій домъ, девять монаховъ, а на кладбищѣ тутъ же памятникъ Барону Корфу, бронзовый на гранитномъ пьедесталѣ. Въ женскомъ монастырѣ до 200 бѣлицъ, занимающихся разною работою. Что же еще сказать? Цѣна извозчикамъ въ часъ 60 коп., какъ и въ Курскѣ; кички у бабъ съ рожками на переди подобраны вверхъ, между тѣмъ какъ въ Курскѣ рожковъ нѣтъ, и кромѣ кичекъ новоянки, покрытые платками, распущенными сзади по спинѣ въ родѣ мантильи, чего нѣтъ въ Орлѣ; калачи, которыхъ не видѣлъ по дорогѣ до Орловской губерніи, хороши, только отзываются дегтемъ; отсюда и отсюда слышите вы на каждомъ шагу; и т. д.

Только что собрался было идти по Мценску, какъ дождь—первый дождь, какой я вижу въ дорогѣ. Теперь-то пригодится мнѣ моя бурка и башлыкъ, хоть впрочемъ башлыкъ много потерпѣлъ, какъ и вообще все, что у меня было клѣнчатого. Впередъ буду умнѣе: надобно сверхъ клѣенки еще какую нибудь наволоку изъ толстаго полотна или чего нибудь подобнаго: тогда клѣенка не будетъ ломаться и рваться. Впрочемъ не подумайте, милая Маменька, что мнѣ придется ѣбдовать; ни мало—и вообще—что будетъ далѣе, то Богъ дастъ, а доселева все было хорошо. Мало по малу привыкъ къ страннической жизни и нахожу ее довольно удобною. Мальчикъ мой спитъ, ѣстъ, чиститъ мнѣ сапоги, бережетъ мои вещи, когда я отлучусь. У него на рукахъ или лучше сказать въ рукахъ мѣдныя деньги,—и когда я однажды захотѣлъ ихъ взять у него соннаго, то онъ и мнѣ не далъ: спитъ, а деньги

держитъ вѣрѣнко. Иногда онъ мнѣ мѣшаетъ, но мало, и то только когда ѣдемъ; но вѣдь добро не безъ худа.

Дождь—сказалъ я, помѣшалъ мнѣ гулять по Мценску. Впрочемъ не надолго. Не смотря на небольшую слякоть, я довольно удобно побывалъ всюду, гдѣ могъ надѣяться найти что нибудь для себя замѣчательное, даже снялъ въ Мценскѣ 4 вида. Мценскъ стоитъ на Зупѣ и Зуша вся покрыта барками, и народу пропасть. Большая улица довольно чиста, украшена хорошенькими домиками, не хуже Болховской въ Орлѣ, только чище, а мостовая такая же гадкая. Предъ нею бульваръ. Другія улицы грязны, можетъ быть потому, что дождь шелъ. Дѣятельность народа подобная Орловской, видно, что городъ Русскій, городъ населенный народомъ, играющимъ цѣлую жизнь роль хозяевъ и гостей гостинницы на большой дорогѣ. Церкви всѣ или прекрасныя, или старинныя. Соборъ стоитъ на горѣ и занимаетъ собою съ погостомъ всю верхушку горы, на которую есть только одинъ взѣздъ, а то все тропинки, очень крутыя. Выстроены превосходно и очень велики. Покамѣсть готова только паперть съ двумя придѣлами. Въ этомъ соборѣ есть чудотворный образъ Св. Николая, рѣзной изъ камня, чудный и даже можно сказать страшный, и кромѣ того животворящій крестъ, тоже каменный. Сказываютъ, что и образъ и крестъ приплыли по Зупѣ и остановились у колодца подлѣ горы. Церковь тогда была деревянная. Образъ поставили было въ ней, а потомъ перенесли черезъ рѣку въ Воскресенскую,—что же: на другое утро образъ самъ собою очутился въ Николаевской. И такъ было нѣсколько разъ. Въ прежнее время носили образъ по домамъ; теперь запрещено. Носить было тяжело, камень огромнаго размѣра, но угодникъ—говорать—помогалъ, и было легко. Самыя старинныя церкви во Мценскѣ—Петра и Павла и Михайловская. Кромѣ того, есть еще очень старая часовня съ образомъ Кирика и Улиты, въ день ихъ служить въ часовнѣ молебень, на который собирается все духовенство крестнымъ ходомъ изъ монастыря, лежащаго у самаго города.

Ѣду. Прощайте, Маменька,—до Тулы.

Тула, 25-е Сент.

Вчера утромъ очень рано я пріѣхалъ въ Тулу: ѣхалъ все послѣ обѣда и всю ночь. Остановился въ гостинницѣ Сиеина и плачу по 70 коп. за комнату въ день и по 20 коп. за самоваръ. Комната во второмъ этажѣ съ Итальянскимъ окномъ, штукатуренная, раскрашенная, довольно чистая и на лучшей въ городѣ Кіевской улицѣ. — Разтасковавшие и напившие кофе, я отправился въ Петербургскую гостинницу чтобы спросить о Пассековыхъ¹⁾,—и

¹⁾ Вадимъ Васильевичъ и Татьяна Петровна Пассеки. Знакомство ихъ съ И. И. Срезневскимъ началось зимой 1837—38 гг. Съ Вадимомъ Васильевичемъ И. И. С—кій особенно сблизился, благодаря заѣзженному тогда Пассекомъ изданію Очерковъ Россіи, въ которомъ И. И. С—кій принималъ близкое участіе. Весьма интересный очеркъ этого знакомства см. у Т. П. Пассекъ: Пазъ дальнихъ лѣтъ, т. II, 268—270.

засталъ ихъ тамъ. Татьяна Петровна не такъ здорова, Катенька тоже, собираются ѣхать въ деревню къ дядѣ ¹⁾). Кстати сказать, что они ѣхали гораздо скорѣе, такъ что черезъ Очки проѣзжали за три дни до меня; но прохворали въ Орлѣ два дни,—и такъ вышло, что я могъ съ ними встрѣтиться здѣсь. Они платили тутъ по 12 руб. въ сутки: комната лучше моей, но за то и деньги! Съ ними провелъ я цѣлое утро, обѣдалъ, и проводилъ. Они меня приглашаютъ также заѣхать къ ихъ дядѣ; не знаю, можетъ быть и заѣду. Во всякомъ случаѣ предполагаю выѣхать изъ Тулы завтра утромъ — и хотѣлось-бы какъ можно раньше. Мнѣ хочется побывать и въ Веневѣ монастырѣ, лежащемъ въ 32 верстахъ отъ Тулы, это старина 15-го вѣка. — Между тѣмъ я въ Тулѣ. Настоящій Русскій городъ, большой; почти весь каменный, многолюдный, многоцерковный, шумный, веселый. Тутъ уже отзывается Москвою. Когда я это пишу, мимо оконъ гремятъ экипажи и возы, продавцы и прохожіе безъ умолку, а колокола зовутъ къ вечернѣ, и гулъ ихъ раздается со всѣхъ сторонъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. А вчера вечеромъ я долго сидѣлъ на окнѣ и глядѣлъ на городъ: фонари зажжены, кромѣ казенныхъ еще много частныхъ у лавочекъ, у столиковъ съ калачами, у воротъ гостинницъ, и изъ оконъ тоже всюду свѣтъ, и народъ волнуется, шумить, поетъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. — Дѣятельность здѣшняя въ сравненіи съ Орловскою или Мценскою тоже, что великанъ въ сравненіи съ дятлятью. Проходя сегодня изъ квартиры до Кремля, я прошелъ мимо 150 лавокъ, и встрѣтился по крайней мѣрѣ съ 500 народу; шелъ-же не болѣе $\frac{1}{4}$ версты, и Гостинный дворъ въ сторонѣ. У воротъ въ Кремль народъ такъ всегда толпится, что надобно ждать; входишь какъ въ церковь, когда въ нее внесли что нибудь святое. Кремль окруженъ огромною каменною стѣною съ башнями и 4 воротами и занимаетъ очень просторную площадь. Среди площади высокій, массивный соборъ, кажется домикомъ. Кромѣ собора на площади ничего нѣтъ, кромѣ лавокъ у стѣны и лавочекъ, расположенныхъ кое-гдѣ у дорожекъ. Соборъ великолѣпенъ, старой Греческой архитектуры, и внутри весь раскрашенъ и разрисованъ. Вчера, я тамъ прослушалъ вечерню, и потомъ пошелъ по стѣнамъ Кремля, бродилъ, бродилъ, и снялъ видъ собора и площади. Ахъ, Маменька-душенька, зачѣмъ тутъ нѣтъ васъ, зачѣмъ это не Бѣлгородъ! То-то бы весело было. Не наслажденіе то наслажденіе, которое не дѣлишь, съ кѣмъ радъ душою дѣлить все. Что ни вижу, что ни чувствую, все какъ будто въ половину. Такъ языкъ и хочетъ сказать: «Маменька, а посмотрите вотъ на это!» Съ Кремля я пошелъ по городу, захо-

¹⁾ Александру Ивановичу Кучину; о немъ см. ниже.

диль и въ Гостинный дворъ, и на бульваръ, любовался заводскими строеніями, любовался Упой, полузапуженной; воротился на Кіевскую улицу, толкался съ народомъ, торговалъ калачи, торговалъ вамъ ножнички и наперстокъ, ничего не купилъ и пошелъ домой чай пить. Такъ грустно было, что и чай не пилъ. Сѣлъ на окошко, и хотѣлось бы посмотрѣть весело на веселое, да не могло. Все казалось черезъ чуръ веселымъ.—Сегодня я брожу цѣлый день. Поброжу ворочусь домой, а на столѣ у меня разложена бумага и на ней этотъ листокъ; сяду и пишу. Тутъ мое лучшее удовольствіе. Было, правда, и еще одно, смѣшное—отъ скуки: я подслушивалъ. Комната, мною занимаемая, средняя въ домѣ, въ родѣ гостиной; передняя моя отдѣлена отъ другой комнаты тоненькой перегородкой, и съ другой стороны, то-же комната, отдѣленная дверью: и такъ — и съ той, и съ другой стороны у меня сосѣди, Тульскіе помѣщики съ женами и дѣтьми,—и ихъ-то разговоры я подслушивалъ. Толстая барышня—я встрѣтился съ нею на галлерей—рассказывала, какъ она танцевала и какъ у нея газовый шарфъ, новенькій и хорошенькій, зацѣпился за эполетъ офицера, рассказывала и смѣялась; усатый засѣдатель — я видѣлъ его въ шелку—увѣрялъ, что онъ не грабилъ народъ, и имѣетъ водичку на чудо, да готова будетъ не скоро, размалѣванная барыня,—я столкнулся съ нею въ своихъ дверяхъ, когда она не попала въ свои и нечаянно хотѣла побывать у меня въ гостяхъ—спорила, что чепчикъ ея кривъ, а дочка увѣряла, что зеркало криво; и т. д. Ахаютъ и кричатъ, пищатъ и хохочутъ на смерть. Играли сегодня и въ карты. Хлопали и рюмки о стаканы. Ну, да Богъ съ ними.—Въ Тулѣ есть дѣвичій монастырь съ небольшою церковью и до 200 бѣлянокъ. Церквей въ Тулѣ очень много, все каменные (кромѣ развѣ 2-хъ или 3-хъ) и большею частью прекрасныя. Строится новая огромная—каменная. И домовъ строится много. Славный городъ, а все не то, что Ярославль, какъ сказывала мнѣ одна почтенная старушка, мать Сахарова (который издаетъ сказанія Русскаго народа); вотъ тотъ-то городъ такъ славный, и распрекрасный, и старинный, и все старое сохраняется.

Прощайте, Маменька, душенька. Кланяйтесь моимъ добрымъ друзьямъ, кланяйтесь добрейшей Марѣ Ивановнѣ ¹⁾, Марѣ Ѳедоровнѣ ²⁾, всѣмъ, всѣмъ. Прощайте.

Изъ Срезневскій.

Если будете писать прежде 8-го Окт., то пишите въ Москву.

¹⁾ М. И. Фидлеръ ²⁾ М. Ѳ. Питра.

IV.

№ 4 ¹⁾. 30 Сент. 1839 г. Станція Лопасня
въ 62 верстахъ отъ Москвы.

Съ горя буду писать къ Вамъ письмо, милая Маменька. «Что за горе, Измайлуща?» спросите Вы. Горе, Маменька, горе: съ полуночи вотъ до 2-хъ часовъ, сижу на станціи, и жду лошадей, жду и не дожудусь: самъ не знаю, что дѣлать. Какъ не горевать! И отъ этого, подумаешь, мелочнаго горя, все представляется въ такихъ черныхъ краскахъ, что самъ себя не узнаешь. До сихъ же поръ, милая Маменька, какъ взгрустнется, непременно вздумаю о Васъ, и для облегченія души примусь за перо писать къ Вамъ. Вотъ такъ и теперь.

Но я слышу, вы спрашиваете меня: что значить, что я еще не въ Москвѣ. 25-го я былъ въ Тулѣ, 26-го выѣхалъ изъ нея въ Вѣневъ монастырь съ намѣреніемъ оттуда проѣхать къ Кучину, дядѣ Татьяны Петровны; и пробывши часа три въ монастырѣ къ вечеру пріѣхалъ въ Чертовую, гдѣ живетъ Кучинъ. Тутъ надобно было прожить двое сутокъ съ половиною. Вчера ночью я проѣхалъ черезъ Серпуховъ и пріѣхалъ сюда... Вотъ какъ случилось, что я еще не въ Москвѣ.

О Вѣневѣ монастырѣ я писалъ довольно много къ Амвросію Лукіановичу ²⁾. Вамъ напишу о Кучинѣ и его домѣ, но уже не здѣсь, а въ Москвѣ. Наскучивши ждать, я нанялъ вольныхъ до Подольска, переплативъ имъ, сверхъ прогонныхъ 1—80 коп. Что дѣлать! Благо и такъ. Прощайте до Москвы.

Подольскъ. 30 Сент., въ 30 верстахъ отъ Москвы.

И все еще не Москва! Такъ-то тяжелъ приступъ къ Москвѣ. Вотъ уже вечеръ, осьмой часъ. И опять лошадей почтовыхъ нѣтъ, опять надобно нанимать вольныхъ. Явились они, давай торговаться. Насилу выторговалъ за 7—50 к.,—и приходится слѣдовательно снова давать лишку 1 р. 50 к. Что дѣлать! Безъ малаго 125 рублей я долженъ буду издержать по пути изъ Харькова до Москвы. Сверхъ прогоновъ и кушанья, я не издерживалъ почти ничего, и платилъ притомъ большею частью за двѣ лошади. Иногда только, гдѣ считали и Яшку за человѣка, платилъ я за три лошади. Отъ Тулы до Москвы вѣрно пришлось бы платить всюду за три лошади; но я къ

¹⁾ Приписка рукою Е. И. Срезневской: «получено 15-го октября».

²⁾ Метлинскій—въ то время помощникъ бібліотекаря Харьковскаго унив., впоследствии докторъ Славяно-русской филологіи и профессоръ по кафедрѣ Русской словесности въ Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ.

счастію оставили въ Яшку въ Чертовой, потому что Татьяна Петровна предполагает зимовать въ Москвѣ и слѣдовательно, напрасно было бы мнѣ везти Яшку далѣе. Безъ него мнѣ все равно, что съ нимъ. За издержки, которыя я долженъ былъ бы дѣлать для него, я могу въ Москвѣ нанять мальчика; а изъ Москвы предполагаю ѣхать въ дилижансѣ, слѣдовательно онъ былъ бы мнѣ совершенно въ тягость.

Между тѣмъ я общался Вамъ, Маменька, сказать нѣсколько словъ о домѣ Кучина¹⁾. Позднимъ вечеромъ, въ дождь и ненастье я ѣхалъ въ Чертовую изъ Вѣнева монастыря; въ дождь и въ ненастье, позднимъ вечеромъ оставился я у крыльца господскаго дома. Спрашиваю: тутъ ли живетъ Александръ Ивановичъ Кучинъ¹⁾?—Отвѣтъ: «Тутъ. А какъ ваша фамилья?» Срезневскій. «Да Васѣ, кажись, ждали». Вхожу въ переднюю, въ прихожую, въ залу, обставленную лимонными и померанцевыми деревьями и ширмами изъ плюща; выходитъ на встрѣчу Вадимъ Васильевичъ, Татьяна Петровна, дѣти, выходитъ съ ними старикъ въ халатѣ, довольно высокаго роста, сѣдой, мужественной, воинской физіономіи²⁾... Рекомендуемъ, меня принимаютъ радушно, поятъ чаемъ. Тутъ изъ незнакомыхъ встрѣчаю, кромѣ старика и двухъ малютокъ—его дѣтей, еще молодого человѣка, который, какъ оказалось послѣ,—Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ, авторъ многихъ повѣстей и романовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мы съ Вами читали съ большимъ удовольствіемъ; это молодой человѣкъ около сорока лѣтъ, очень моложавый, Тульскій помѣщикъ, и довольно образованный человѣкъ, бывшій въ хорошемъ обществѣ.³⁾ Еще былъ тутъ Ѳедоръ Семеновъ, бѣдный помѣщикъ, старикъ, не имѣющій претензій ни на что кромѣ «да». Вотъ общество, въ которое я попалъ изъ подъ дождя. Разговоръ установился уже къ ужину. Впрочемъ ознакомиться съ моими новыми знакомыми я успѣлъ уже утромъ, проболтавъ почти всю ночь, до 3-го часу, съ Вадимомъ Васильевичемъ. Утромъ я сдѣлалъ новое знакомство; Кучинъ имѣетъ жену—изъ собственныхъ дѣвокъ, и въ ней часто приходитъ гостить дочь священника приходскаго: вотъ мое новое знакомство. Можете судить, какова парочка. Тогда же я познакомился и съ самимъ домомъ. О залѣ я писалъ, прибавить нужно только то, что она вся кругомъ, и по стѣнамъ, и по ширмамъ, и всюду, облѣплена вырѣзанными картинками, и вся кругомъ обставлена клѣтками, между которыми нѣкоторыя чуть не въ сажень, и эти клѣтки тоже обставлены вырѣзанными картинками. Эти вырѣзанныя, наклѣенныя на картонъ картинки чрезвычайно оригинально

¹⁾ Въ подлинникѣ по ошибкѣ: Кучинъ.

²⁾ См. о немъ въ воспомин. Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ», т. I. 14—16 стр.).

³⁾ Сумароковъ печаталъ свои произведенія въ Москвитинѣ и Отечественныхъ Запискахъ. Многія изъ нихъ представляютъ интересъ, какъ мемуары.

характеризуютъ убранство комнатъ: онѣ всюду, даже на печкахъ, даже на ширмахъ. Прибавьте къ этому разговоръ хозяина, вѣчно оживленный военными воспоминаніями, которыхъ не можетъ быть мало у того, кто служилъ подъ начальствомъ Ермолова и получилъ 14 ранъ,—и вы будете имѣть понятіе о домѣ, гдѣ я жилъ весело и прожилъ почти какъ дома почти три дни, такъ долго прожилъ потому, что не пустили. Въ это время я отдохнулъ отъ пути.— Теперь я въ Подольскѣ, и скоро, скоро въ Москвѣ. Прощайте, душенька Маменька—до Москвы.—Тамъ думаю окончить это письмо.

V.

№ 5. 1-е Октября 1839. 11-й часъ по полудни. Москва.

И наконецъ я въ Москвѣ, милая Маменька. Сегодня въ 5-мъ часу утра я дотащился до нея, дотащился не въ пору рано, и потому принужденъ былъ остановиться въ очень дорогой гостинницѣ «Лейпцигъ», на Кузнецкомъ мосту. Плачу по 4 руб. въ сутки за комнату и 1 руб. за прислугу. Прибавьте къ этому, что надобно питаться, издерживаться на извозчика... дорого, дорого! Меня утѣшаетъ одно: если я въ дорогѣ съ издержками на переѣздъ, могъ издержать 125 руб. до Москвы, то авось 250 станетъ на мѣсяцъ, а если станетъ, то и горя мало. Притомъ-же за-границей, говорятъ, все дешевле, слѣдовательно я смѣю надѣяться, что 250 въ мѣсяцъ вдоволь достанетъ.

А между тѣмъ я въ Москвѣ,—и день уже прошелъ. Вотъ какъ прошелъ онъ: утромъ, напившись чаю и обрившись, я направилъ путь къ Лѣшкову ¹⁾, товарищу Семена Семеновича ²⁾, познакомился тутъ со Спасскимъ ³⁾, съ Мецкерскимъ ⁴⁾, пилъ тутъ кофе, обѣдалъ, провелъ время по дружески—спасибо имъ; отъ нихъ пошелъ искать квартиру и сыскалъ комнату по 3—25 коп. съ прислугою на Большой Дмитровкѣ въ Мальцовой Гостинницѣ, близъ Театральной площади, очень близко отъ Кремля и Университета. Потомъ поѣхалъ къ Снегиреву ⁵⁾, въ надеждѣ получить письмо отъ Васъ, душенька Маменька, не засталъ дома, завернулъ къ Цвѣтаевымъ ⁶⁾ и пилъ съ Андрей Львовичемъ чай; съ нимъ отправились мы въ театръ; теперь я воротился домой, и, послѣ

¹⁾ Лешковъ, Вас. Ник.; въ это время былъ адъюнктомъ Юридическаго фак. въ Московскомъ университетѣ.

²⁾ Лукьяновича, впоследствии проф. Харьковского университета.

³⁾ Вѣроятно Мих. Осд., проф. физики въ Моск. университетѣ.

⁴⁾ Можно думать Алекс. Петр. Мецкерскій—извѣстный путешественникъ по Европѣ.

⁵⁾ Съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ И. П. С.—кій ранѣе былъ знакомъ письменно.

⁶⁾ Семья Льва Алексѣевича Цвѣтаева, проф. Московскаго Университета († 1835 г.), бывшего въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Евс. Срезневскимъ, отцомъ И. И. С.—го; у него былъ облаканъ и принятъ, какъ родной, И. И. С.—скій въ 1829 г.—въ первую его поѣздку въ Москву, по окончаніи университетскаго курса.

порціи бифтекса, сѣлъ за этотъ лоскутокъ бумаги. Что-же писать Вамъ о Москвѣ? Огромный городъ; много старины, много народу, дѣятельность кипитъ; всюду Русь—кое гдѣ вчистѣ, кое гдѣ съ приправой иностранства;—но не столица. Она дорога сердцу Русскому болѣе по воспоминаніямъ, и заслуживаетъ вниманіе болѣе потому что въ ней сосредоточивается Русская промышленность—удивительная промышленность. Не скрою однако, что когда я услышалъ, въѣзжая въ Москву, звонъ колоколовъ, зовущихъ къ заутрени, когда увидѣлъ башни Кремля и главы соборовъ, сердце мое затрепетало; мнѣ казалось, что я въ объятіяхъ матери. Брожу по Москвѣ какъ въ лѣсу, но люблю, люблю ее. Два пункта, съ которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ Москву въ нѣкоторой подробности, это: Кузнецкій мостъ, мною обитаемый, и театръ. На Кузнецкомъ мосту и вокругъ него дѣятельность кипитъ какъ нигдѣ болѣе; комната моя на дворъ, но и тутъ трясеніе двери, отзывающейся на громъ экипажей, не смолкаетъ, и слышенъ крикъ, шумъ, свистъ, звонъ колоколичковъ, говоръ Русскій, Французскій, Англійскій, Нѣмецкій; торговцы лѣзутъ въ дверь ежеминутно предлагая все отъ салнаго огарка до книги и отъ яблока въ денежку до мраморнаго бюста въ нѣсколько сотъ, и т. д.; сосѣди мои пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, принимаютъ и показываютъ мнѣ все свои звѣзды, свои жирные эполеты, свои блонды, свои милыя личики,—смотря и на меня, какъ на сосѣда, не безъ почтенія, не зная того, что я нанимаю не отдѣленіе, а малый номеръ, и то вострую лыжи подалѣе, что нанимаю не карету посуточно, а ваньку туда-то или туда-то, что ъмъ, что Богъ послалъ, а не заказываю ни обѣда, ни завтрака у Яра, до котораго отъ меня не болѣе 20 шаговъ. И вотъ входитъ ко мнѣ какой-то богато одѣтый лакей, выглядываетъ изъ за ширмъ, кашляетъ, и на вопросъ мой «что тебѣ надо, другъ мой?», отвѣчаетъ, что Князь Сидоръ Сидоровичъ—что-ли приказалъ Вася спросить, во сколько часовъ вы будете у Княгини Александры Александровны, потому что желаетъ съ вами тамъ встрѣтиться;—что мнѣ отвѣчать?... отвѣчаю: «У княгини Александры Александровны я сегодня не предполагаю быть, а впрочемъ, другъ мой, ты вѣрно обчелся №-омъ—мой 25-й».—«Извините-съ». Потомъ бѣгу я по корридолу въ свой №, бѣгу, бѣгу, а корридолъ нѣсколько тѣменъ,—и вдругъ ко мнѣ на встрѣчу молодая дама или дѣвица въ прелестной шляпкѣ и мантии съ блестящими, не знаю какого цвѣта, глазами—чуть то-же не бѣжать, перезванивая своимъ серебряннымъ голоскомъ: «Ah Monsieur Струйскій, on Vous attend!» Я останавливаюсь, снимаю шляпу—(кстати: я купилъ прекрасную складную шляпу), смотрю, всматриваются и въ меня, и съ пріятной улыбкой на расцѣвъ отвѣчаютъ: «П-з-в-и-и-и-т-е!» Я тоже улыбаюсь, кажется, также довольно пріятно, и вбѣгаю въ свой №. Обращаюсь къ своей шляпѣ: да, я купилъ, потому что въ моемъ пирогѣ рѣшительно

стыдно ходить по Москвѣ; деньги же не пропали—она пойдетъ и за границу, потому что очень удобно складывается въ небольшомъ ящикѣ, и при небольшомъ усилии выпрямляется на пружинахъ, какъ обыкновенная. Теперь къ театру. Давали въ 5-й разъ сряду новую оперу музыки Верстовскаго «Тоска по родинѣ». Фарсъ, а не опера. Нѣкій помѣщикъ влюбляется въ нѣкую дѣвицу, по нѣкимъ признакамъ догадывается, что она его обманываетъ, а влюблена въ другаго; ѣдетъ съ горя въ Испанію, живетъ тутъ два года, внушаетъ къ себѣ любовь жены Губернатора, внушаетъ въ сердце мужа и другихъ Испанцевъ жажду мщенія, хоть и не любитъ жены Губернаторской, напоминаетъ ей ея долгъ, а себѣ родину и Софію, наконецъ изъ подъ кинжаловъ Испанскихъ освобождается русскими матросами, нечаянно приставшими къ берегу, узнаетъ что любовникъ Софіи, его соперникъ не кто иной какъ ея родной братъ—онъ же и командиръ корабля, приставаго къ берегамъ, узнаетъ что Софія любила и все еще любить его—и ѣдетъ въ Россію. Тутъ и Русскія пѣсни, и Испанскія пѣсни, и Русское ура, и болеро, и пестрота костюмовъ, и декораціи довольно великолѣпныя, и шумъ и громъ, и народныя толпы, и знать, все—только отсутствуетъ опера. Все натянуто и музыка очень часто несогласуется со смысломъ словъ. Москвѣ очень нравится эта пьеса: было много хлопанья, и много смѣху—и въ райкѣ, и въ ложахъ даже. Театръ былъ почти полонъ. Пользуясь прекрасной трубкой Цвѣтаева, я подносилъ къ своему носу лице за лицомъ всѣхъ пяти ярусовъ ложъ, и видѣлъ Москву—видѣлъ очень много усовъ, очень много изможденныхъ лицъ подъ чепчиками, очень много бѣлилъ и румянъ, очень мало хорошенькихъ. Теперь лягу спать, и думать, какъ бы уменьшить расходы, и прежде всего раскаиваться, что нынѣшній день много прожилъ, хоть и мало жилъ. Прощайте, Маменька. Покойная ночь! Пошли Вамъ Господь здоровья и спокойствія. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ; напомнимте обо мнѣ тѣмъ, кто забылъ меня. Я же помню всѣхъ ихъ памятью сердца...

3 Октября.

Вотъ и еще двухъ дней нѣтъ, какъ не бывало. Расскажу по крайней мѣрѣ, какъ они сплыли. Вчера утромъ я опять былъ у Снегирева, опять не засталъ, но письмо отъ Васъ получилъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ читалъ я его, съ какимъ удовольствіемъ перечитывалъ! Благодарю Бога, что Онъ сохраняетъ Ваше драгоценное здоровье; благодарю отъ всего сердца Марфу Ивановну ¹⁾, Григорія Григорьевича ²⁾, Марью Ѳедоровну ³⁾, Фанни ⁴⁾ и Маничку ⁵⁾, и всѣхъ моихъ друзей, что они васъ не оставляютъ. Охъ Маменька! Горько было расставаться, горько

¹⁾ М. И. Фидлеръ. ²⁾ Г. Г. Фидлеръ. ³⁾ М. Ѳ. Питра. ⁴⁾ Ф. С. Питра, сестра проф. Питры. ⁵⁾ М. А. Аничкова.

представлять себѣ, что я могу забыть это горе; но всего горше, что Вы страждете отъ этой разлуки. Быть такъ! Вѣдь я же ворочусь, обниму душеньку Маменьку опять, и опять заживу по прежнему съ нею, въ тѣсномъ кругу добрыхъ знакомыхъ. Не плачьте, Маменька! Берегите себя для насъ. Господь Богъ все устриваетъ къ лучшему. Отъ Снегирева я направилъ путь въ университетъ, посѣтилъ библіотеку, познакомился съ Рѣдкинымъ ¹⁾, былъ на лекціи Каченовскаго и послѣ лекціи познакомился съ нимъ ²⁾; отсюда обѣдать къ Цвѣтаевымъ; оттуда опять къ Снегиреву, и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Благодарю Рѣдкина за расположеніе и помощь при обзорѣ библіотеки; Каченовскій читаетъ сухо, несвязно, но дѣльно (читалъ о различныхъ мнѣніяхъ касательно происхожденія Славяноцерковнаго языка); Снегиревъ много рассказывалъ, хорошо рассказывалъ, многихъ бранилъ, стараясь вывѣдать прежде мое мнѣніе, — вообще показался мнѣ во-все не такимъ, какимъ я его надѣялся встрѣтить. — Сегодня утромъ я переселился на новую квартиру: она не такъ великолѣпна, но все-же прекрасная комната съ переднею изъ корридора, съ мебелью краснаго дерева, съ огромнымъ окномъ, украшеннымъ богатымъ драпиромъ, на Большую Дмитровку, и что всего важнѣе — очень покойная, считая не въ счетъ уличный крикъ и громъ экипажей. Перебравшись и убравшись, отправился въ Университетъ, познакомился съ Морошкинымъ ³⁾ и Чивилевымъ ⁴⁾, былъ на лекціи Чивилева (читалъ о горахъ въ Германіи — не лучше какъ въ Харьковѣ читаютъ), видѣлся съ Даниловичемъ ⁵⁾, былъ имъ дружески обласканъ и просидѣлъ два часа на его лекціи (читалъ объ источникахъ Исторіи Законодательства Польскаго въ XII и XIII столѣтіи; читалъ, какъ читывалъ намъ, прекрасно). Обѣдалъ у Лешкова. Вечеръ провелъ у Каченовскаго, разговаривая съ нимъ о Македоніи, Славянищинѣ и т. д. Добрый, умный старикъ, и истинный ученый. И какъ онъ внимателенъ ко мнѣ: будучи самъ членомъ Англійскаго клуба, онъ повезъ и меня туда; мы поѣхали вмѣстѣ и пробыли до 10 часовъ. Англійскій клубъ занимаетъ огромный домъ, великолѣпно убранный. Въ прихожей отбираютъ шинели и шляпы. Комнатъ пропасть: тутъ играютъ въ карты, пьютъ чай, курятъ, тамъ играютъ въ бильярдъ, въ разныя другія игры; тамъ читаютъ молча газеты и журналы; тамъ разсуждаютъ о политикѣ, о Московскихъ новостяхъ, закушивая вѣсти

¹⁾ Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ — проф. Московскаго, впоследствии С.-Петербургскаго унив.; въ то время читалъ въ Моск. унив. энциклопедію законовѣдѣнія и Россійскіе государственные законы.

²⁾ Мих. Трофимъ Каченовскій; до прѣзда въ Москву Н. И. Срезневскій былъ знакомъ съ Каченовскимъ письменно.

³⁾ Фед. Лукичъ Морошкинъ, — проф. Моск. унив. по каф. гражданскихъ законовъ.

⁴⁾ Алекс. Ивановичъ Чивилевъ; въ то время экстраорд. проф. по кафедрѣ политической экономіи и статистики.

⁵⁾ Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, учитель Н. И. Срезневскаго по Харьковскому университету; въ это время (1839—1842), онъ былъ профессоромъ Моск. унив., гдѣ читалъ законы благоустройства и благочинія и мѣстные законы Западныхъ губерній.

арбузомъ, ананасомъ, яблокомъ, конфетой; сидятъ, ходятъ, лежатъ, финятъ, крутятъ усы, спорятъ, хохочутъ, вертятъ головой въ знакъ согласія и несогласія, костыляютъ, вынимаютъ и вкладываютъ зубы,—что хотятъ то и дѣлаютъ,—все впрочемъ чинно,—и все это люди, «Люди»—то съ жирными эполетами, то съ сіяніемъ въ титулѣ, то съ десяткомъ тысячныхъ контрамарокъ въ карманѣ, то съ рогами на головѣ, съ пустотою въ сердцѣ и въ карманѣ, но съ надеждами на карту. Зрѣлище довольно любопытное.—И опять спать хочется: скоро полночь. Прощайте, Маменька.

И. Срезневскій.

PS. Напомните Августу Давидовичу ¹⁾ о пересылкѣ моей Рапсодіи ²⁾, Амвросію Лукіановичу ³⁾ о пересылкѣ экземпляровъ Обозрѣнія Харьковс. губерніи ⁴⁾—въ Петербургъ.

Книги, которую просилъ меня достать Артемовскій ⁵⁾ нигдѣ не нашелъ.

VI.

№ 6. Москва 1839. Окт. 7-е.

Вотъ уже скоро недѣля, какъ я въ Москвѣ, и скоро 4 дни, какъ я не писалъ къ вамъ, милая Маменька. Пора написать хоть что-нибудь. Хотя изъ Россіи буду писать къ Вамъ почаще, если уже нельзя будетъ такъ часто писать, какъ бы хотѣлось, изъ за границы.—Да, скоро пройдетъ недѣля, какъ я въ Москвѣ, а еще не многое, очень не многое удалось сдѣлать. Покаместъ самое важное—знакомства. Я познакомился съ Каченовскимъ, Снегиревымъ, Строевымъ, Раичемъ, Вельтманомъ, Погодинымъ, Гоголемъ. О Каченовскомъ и Снегиревѣ я уже писалъ къ Вамъ. Строевъ—очень молодой и, кажется, очень занятый собою во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, хотя и очень ласковый и очень трудолюбивый, вѣчно дѣятельный. Я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ. Рассказываетъ умно и гладко. Онъ показывалъ мнѣ и труды свои: онъ приготовляетъ библіографическій словарь книгъ и писателей Церковно-Славянскихъ 5 огромныхъ томовъ ⁶⁾; кромѣ того поправляетъ и дополняетъ Списокъ Епархій, Архіереевъ, Монастырей и ихъ настоятелей,—1 также огромный томъ ⁷⁾; и наконецъ кромѣ всего этого копаются всякій день въ Сенатскомъ Архивѣ. У него надобно учиться быть дѣятельнымъ и акуратнымъ.

¹⁾ Порцель; у него нанимала квартиру Е. И. Срезневская во время путешествія И. И. С—го.

²⁾ *Rapsodia Sonatina* (Моск. Наблюд. 1837, 3)—повѣсть И. И. Срезневскаго.

³⁾ Метлинскому.

⁴⁾ Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины. Статья И. И. С—го. Харьковъ, 1839.

⁵⁾ Петръ Петровичъ Артемовскій Гудакъ.

⁶⁾ Словарь этотъ былъ изданъ въ 1882 г. Имп. Академіей Наукъ подъ редакціей А. Ѳ. Быкова, со слѣд. заглавіемъ: Библиологическій словарь и черновыя къ нему матеріалы. П. М. Строева.

⁷⁾ «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви» были изданы Археогрфической Коммисіей въ 1877 г.

Ряцъ ¹⁾—старичковатый, маленькій, суетливый, но очень добрый и простой человекъ, ктому же довольно бѣдный. Живеть журналомъ и учительствомъ. Я былъ у него два раза,—и не могъ не сожалѣть о его положеніи. Онъ имѣетъ большія познанія, умъ, вкусъ, умѣнье говорить; но все это задавлено судьбою и неумѣньемъ сводить концы съ концами. На память подарилъ онъ мнѣ свои переводы Тасса и Аріоста. Вельтманъ—истинный поэтъ, мужчина прекрасный собою съ свѣтлымъ, открытымъ лбомъ и блестящими глазами, пишетъ несравненно лучше нежели говорить, но говорить умно, весело и задумчиво вмѣстѣ, добръ, простъ, окруженъ книгами, непрерывно работаетъ, чѣмъ и живетъ. Скоро будетъ окончена и его опера «Волшебная ночь» изъ Шекспира: либретто окончено, Алябевъ ²⁾ пишетъ музыку. У него я познакомился и съ Алябевымъ: добрый, довольно образованный человекъ. Вельтманъ пишетъ еще нѣчто въ родѣ романа «Захарушка добрая душа». Читалъ мнѣ отрывокъ: рассказъ живъ, уменъ, простъ. Постараюсь видѣться съ Вельтманомъ еще не одинъ разъ. Погодинъ—ничего не могу сказать о немъ: добръ и ласковъ, простъ и нецеремоненъ, но вынеси его изъ кабинета его, и его не узнаешь, кто онъ. И въ кабинетѣ своемъ онъ скорѣе надсмотрщикъ, библіотекаръ, нежели хозяинъ, употребляющій въ дѣло все, что въ немъ есть. Постараюсь впрочемъ лучше узнать его. Онъ только что воротился изъ за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италиі,—и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ Русскимъ Испанцемъ ³⁾. Очень молодой человекъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все Славянское, все Малороссійское, но съ перваго виду мало общающій. Сегодня вечеромъ они заѣдутъ ко мнѣ, и потомъ поѣдемъ къ нимъ. Сегодня же я буду, можетъ быть, обѣдать у Черткова ⁴⁾, нумизмата и друга всѣхъ литераторовъ: по субботамъ у него литературныя обѣды, и Андросовъ ⁵⁾ хотѣлъ меня везти къ нему. Познакомился и съ Андросовымъ: не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такая птичка. Едва ли въ немъ есть что нибудь положительное; а желанье нравиться и играть роль человека съ умомъ и вкусомъ лишаетъ его и отрицательнаго. Еще видался съ Даниловичемъ, былъ у него на лекціи, былъ у него въ домѣ, былъ и онъ у меня. Не могу не уважать, не любить. Ученый въ полномъ смыслѣ слова, и добрый человекъ. Послѣ завтра буду у него обѣдать. На дняхъ обѣдалъ у Чевилева и передъ тѣмъ дни за два былъ у него на лекціи. Ласковый, умный человекъ въ родѣ всѣхъ

¹⁾ Семенъ Егоровичъ Ряцъ—переводчикъ Тасса, Аріоста, Вергилія, преподаватель Русской словесности въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ; также издатель журнала «Галатея».

²⁾ А. Ал. Алябевъ—извѣстный композиторъ (1802—1852).

³⁾ И. И. С—скій до того былъ знакомъ съ Гоголемъ письменно.

⁴⁾ Александръ Дмитриевичъ Чертковъ (1789—1879).

⁵⁾ Василій Петровичъ Андросовъ извѣстный въ свое время работами по земледѣльской статистикѣ, редакторъ журнала «Московскій Наблюдатель» († 1841)—Ср. отзывъ о немъ Погодина (Москвитининъ. 1841, № 11, стр. 272)

новыхъ профессоровъ. Читаетъ Статистику сравнительно, обращая вниманіе на землю, народъ, промышленность и просвѣщеніе; но кажется темно понимаетъ Статистику какъ науку. Объ остальныхъ моихъ знакомствахъ не скажу пока ничего, потому что ничего дѣльнаго не могу сказать и боюсь ошибиться слишкомъ рѣзко.

Да и дурно-же я пишу къ Вамъ, душенька Маменька, все забываю, что пишу не для себя, а къ Вамъ. Простите меня. Пусть ужъ кто нибудь изъ моихъ друзей читаетъ Вамъ мои письма, пока я исправлюсь. А вижу и изъ этого, какъ тяжело исправляться.

Простите Маменька, до вечера. Вечеромъ напишу, что случится сегодня. А пока прощайте, будьте здоровы, веселы, покойны. Одиѣ ли вы живете или уже и Ефросинья Ивановна въ Харьковѣ? Поклонитесь ей отъ меня,—и пишите почаще въ Петербургъ, пока есть еще возможность получать миѣ ваши драгоценныя письма.

8-ое Октября.

Недѣля, какъ я въ Москвѣ, минула, и только теперь открывается для меня надежда что нибудь увидѣть. А между тѣмъ вотъ какъ провелъ я вчерашній день:—Въ 12-мъ часу утра я вышелъ изъ дому въ Университетскую библіотеку, провелъ въ ней болѣе двухъ часовъ, разсматривалъ книги по части Славянины, и взялъ одну изъ нихъ для просмотра домой. Отвезши ее на квартиру, я поѣхалъ къ Андросову, и съ нимъ поѣхалъ на обѣдъ къ Черткову. Чертковъ проживаетъ 100,000 въ годъ, уменъ, образованъ, хочетъ казаться ученымъ и покровителемъ учености. Андросовъ—его домашній пріятель, и я былъ принятъ хорошо. Тутъ были, кромѣ насъ, Снегиревъ, Масловъ ¹⁾, Морозкинъ и Погодинъ съ женою и дѣтьми. Все богато, и все просто. Жена Черткова—женщина очень образованная, много путешествовала, изъ знати (дочь графа Чернышева), что впрочемъ вовсе не видно, мила собою, еще милѣе въ обращеніи. Она такъ проста и обходительна, что жену Погодина выбѣжала встрѣтить въ залу, и потомъ провожала въ переднюю. И какъ хорошо убранъ домъ: мраморы, картины, древности и рѣдкости всюду. Обѣдъ былъ довольно простой, но со вкусомъ приготовленный; послѣ обѣда всѣ вольно курили въ гостинной цигары, расположась, какъ кто хотѣлъ. Отъ Черткова, въ 6 часовъ, я поѣхалъ къ Погодину, и провелъ съ нимъ вечеръ, разсматривая его рѣдкости. Много очень важнаго. Гоголя не было дома. Погодинъ удерживалъ меня съ часу на часъ, говоря, что Гоголь будетъ его бранить, если онъ отпуститъ меня, и будетъ жалковать. До 9 часовъ онъ не пріѣхалъ, и я отправился домой, оставилъ тутъ, что взялъ у Погодина, и въ Нѣмецкій клубъ, куда пригласилъ и гдѣ хотѣлъ ждать меня Строевъ. Побродивши по

¹⁾ Степанъ Александровичъ Масловъ, извѣстный дѣятель по сельскому хозяйству (1793—1879)

заламъ, посмотрѣвши на толпы ходящія и сидящія, на игроковъ въ лото, въ бильярдъ, въ карты, мы пошли въ столовую и ужинали. Тутъ присоединился къ намъ молодой человѣкъ, судья Граждан. Палаты, Лызловъ, скажу съ гордостью—мой почитатель за Раисодию Сонатину, потомъ еще хозяинъ Оружейной Палаты Соколовскій, потомъ еще одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ Гибель, — и мы ѣли, пили шампанское, болтали до 2-го часу. Лызлову непременно хочется, чтобъ я былъ у него въ Субботу на квартетъ, въ которомъ будутъ участвовать лучшіе артисты Москвы. Я бы и хотѣлъ, но боюсь жить такъ долго въ Москвѣ. Сегодня утромъ я проснулся со страшною головою болью, — не мудрено послѣ 8 рюмокъ у Черткова и 5 бокаловъ въ Клубѣ. Головная боль досадна; впрочемъ я благодаренъ Андросову и Строеву, не за то, что они накормили и напоили меня у Черткова и въ Клубѣ, а за то, что я имѣлъ случай еще сколько нибудь узнать лучше Московскій міръ. — Сегодня утромъ я думаю посѣтить соборъ, буду еще у Андросова, чтобы познакомиться съ Макаровымъ¹⁾, и обѣдаю у Строева; завтра утромъ ко мнѣ заѣдетъ Снегиревъ, и поѣдемъ въ Синодальную библіотеку, оттуда обѣдать къ Даниловичу; послѣ завтра утромъ буду съ Строевымъ и Лызловымъ въ Оружейной Палатѣ, и обѣдаю у Погодина. Остальное время какъ проведу — самъ не знаю. Прощайте, пора одѣваться.

Вечеръ.

И вотъ какъ провелъ я сегодняшній день: слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, храмъ, поразительномъ величиною, богатствомъ, мракомъ, остатками старины, — и мнѣ пришла снова мысль, зачѣмъ я тутъ одинъ, безъ Васъ, безъ возможности раздѣлить чувство; мнѣ взгрустнулось и я горячо помолился о Вашемъ здоровьи, да сохранить его Господь, да пройдутъ скорѣе годы разлуки — ухъ! годы, когда еще прошли только недѣли! Побродивши послѣ обѣдни по Москвѣ, я пошелъ къ Андросову, познакомился съ Макаровымъ, добрымъ старикомъ прошедшаго времени, — и, вращаясь отсюда, встрѣтился съ Пассековыми, которые только вѣзжали въ Москву. Я проводилъ ихъ до квартиры, посидѣлъ съ ними, отправился отъ нихъ обѣдать къ Строеву, просидѣлъ у него до вечера, потомъ опять къ нимъ, и только что отъ нихъ. У нихъ видѣлъ брата ихъ Діомида Васильевича, свитскаго офицера²⁾. Черезъ него думаю переслать къ Вамъ это письмо и съ нимъ билетъ сохранной казны, взятый мною на дняхъ на 1200 серебромъ, т. е. на 4200 ассигнаціями. Мнѣ хотѣлось остальное отдать платиною, но не принимаютъ, и вотъ почему я отложилъ это до другаго времени. Еще надобно будетъ Вамъ выслать

¹⁾ Мих. Ник. Макаровъ, литераторъ и археологъ-любитель 1830-хъ год. († 1847 г.).

²⁾ Д. В. Пассекъ, впоследствии генералъ-майоръ, Кавказскій герой; убитъ горцами при взятіи Дарго въ 1845 г.

билетъ въ 500 руб. серебромъ, т. е. въ 1750 р. ас. Такимъ образомъ всего будетъ 1700 сереб. т. е. 5950 р. ас. Я записываю такъ, что и Вы, и я можемъ получать по билету и проценты и капиталъ. Билетъ надобно очень беречь.

Прощайте, милая Маменька. Получу-ли то я письмо отъ Васъ въ Москвѣ? Ахъ, еслибы! Кланяйтесь Марѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳеодоровнѣ, Григорію Григорьевичу, Ивану Петровичу, Аннѣ Ѳеодоровнѣ, Семену Семеновичу ¹⁾, Амвросію Лукьяновичу, Александру Петровичу ²⁾, Александру Ивановичу, Поликарпу Васильевичу ³⁾, Августу Давидовичу, Ѳеодору Ивановичу, и всѣмъ, всѣмъ, кто меня помнитъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Из. Срезневскій.

Взялъ и еще билетъ въ 515 р. сер., т. е. въ 1800. Слѣд. всего капиталу отдано 6000 ас. Посылаю оба.

VII.

№ 6 ⁴⁾. 15 Окт. 1839. Воскресенье.

Москва.

Дравствуйте, маменька!

Вы, конечно, получили уже письмо мое съ разными приложеніями, посланное черезъ Діоміда Васильевича Пассека, и въ Петербургѣ надѣюсь получить Вашъ отзывъ объ этомъ. Пассекъ Вамъ сказалъ, между прочимъ, что я выѣхать намѣренъ изъ Москвы въ Воскресенье. Случится однако должно не такъ, какъ я предполагалъ: выѣзжаю не сегодня, а во Вторникъ. Еще надобно быть кое у кого и кое гдѣ; да и мѣста въ дилижансахъ всѣ до Вторника заняты.

Какъ бы то ни было, я еще въ Москвѣ, милая маменька, и надобно мнѣ написать Вамъ что нибудь о ней, о томъ, что видѣлъ въ ней, и о тѣхъ, съ которыми въ ней познакомился.

И прежде всего о Вельтманѣ. Всматриваясь въ литераторовъ Московскихъ, я не могъ не получить впечатленій, самыхъ горестныхъ, самыхъ досадныхъ. Не то думалъ я найдти въ людяхъ, обязанныхъ быть людьми болѣе всѣхъ другихъ людей, не то, что нашелъ. Привычка видѣть на всѣхъ

¹⁾ Лукьяновичъ, впоследствии профессоръ Харьковскаго университета.

²⁾ Рославскій-Петровскій, впоследствии проф. Харьковскаго университета.

³⁾ Тихоновичъ, впоследствии учитель латинскаго языка Харьковской гимназіи и профессоръ Харьковскаго университета.

⁴⁾ № 6 поставленъ по ошибкѣ вм. № 7-го, отчего невѣренъ и дальнѣйшій счетъ писемъ. См. прим. 1.

одинъ и тотъ же типъ не могла меня не заставить предполагать, что и тѣ, которыхъ я не видѣлъ, такіе же, какъ и другіе. Мнѣ не хотѣлось этого предполагать въ Вельтманѣ; но предполагалось невольно. Къ счастію, я долженъ по крайней мѣрѣ для него сдѣлать исключеніе изъ общаго понятія, мною составленнаго о литераторахъ Московскихъ. Я сознавалъ въ немъ великое дарованіе,—я нашелъ въ немъ истинно добраго человѣка, душу, которая рада найти сочувствіе съ другою душою, душу художника, и—Русскаго человѣка. Я видѣлъ его въ кабинетѣ, видѣлъ въ сѣмьѣ, видѣлъ съ знакомыми: онъ всюду одинъ и тотъ-же;—не любить его нельзя, не желать ему славы—грѣхъ. Передъ нимъ поневолѣ становишься дитятью, безотчетно предающимся чувству любви. И какъ онъ хорошъ собою даже по лицу: правильная, многозначительная профиль, лобъ открытый, свѣтлый, глаза, горящіе огнемъ думы, глубоко проникнувшей душу. Я не въ состояніи забыть его, не въ состояніи не быть его поклонникомъ. — Прошу Амвросія Лукіановича послать къ нему «Думки и пѣсни»¹⁾, я ему говорилъ о нихъ, а не далъ экземпляра, потому что чемоданъ свой отправилъ по транспорту, не оставивши при себѣ ни одного экземпляра. Чалаго и Баллады Николая Ивановича²⁾ я сообщилъ ему отъ имени автора, равно какъ и кое что свое. Адресъ его: Александру Ѳомичу Вельтману на Кисловѣ въ домѣ Костроминой. Пошлите, Амвросій Лукіановичъ, непременно пошлите ему свою книжку: онъ вѣрно приметъ ихъ съ душевною благодарностію и будетъ Вамъ отвѣчать. Я уже ему сказалъ, что онъ получить отъ Васъ, что я напишу къ Вамъ объ этомъ. Когда Николай Ивановичъ издастъ свою Вѣтку³⁾, то также пошлетъ. Да? Николай Ивановичъ! Кетати о «Вѣткѣ»: вчера я видѣлъ ее у Каченовскаго, которому передана она для цензуры: милая книжка; Каченовскій восхищается ею, но едва ли все пропуститъ, и даже хорошо бы Вы сдѣлали, если бы написали ему, что ни Колядокъ, ни чего богословскаго не намѣрены печатать. Это бы Васъ избавило отъ хлопотъ и замедленія. Но, Николай Ивановичъ, что дѣлаетъ Ваша Краледворская рукопись?⁴⁾ Не забывайте о ней. Я всюду говорю, что Вы намѣрены издать ее, и всюду это принимается съ радостію, съ любопытствомъ. Вы же, Амвросій Лукіановичъ, пишите оперу Малороссійско-Русскую, чтобы побольше было лицъ Русскихъ, и пѣсень Малороссійскихъ.

¹⁾ Думки и пѣсни та ще де-що. А. Могилы (А. Л. Метлинскаго). Сборникъ стихотвореній. Харьк. 1839.

²⁾ Савва Чалый. Драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Сочиненіе Іеремія Галки (Н. И. Костомарова). Харьк. 1839 г.—Украинскія баллады Іеремія Галки. Харьк. 1839.

³⁾ Сборникъ стихотвореній Н. И. Костомарова: Вѣтка, Іеремія Галки. Харьк. 1840.

⁴⁾ Переводъ Краледворской рукописи на Малорусскій языкъ, отрывки его были напечатаны въ «Синѣлѣ» г. Кореуза (Харьковъ. 1841) и въ «Молодикѣ» Бецкаго (Харьковъ. 1843 и 1844).

Напишите и перешлите къ Щепкину (Михаилу Семеновичу): онъ страстный охотникъ до всего Малороссійскаго и постарается дать ей ходъ. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ. Между прочимъ я передалъ ему Москаля Чаривника ¹⁾: онъ издастъ его какъ 2-ю книжку Украин. Сборника, и Гоголь будетъ держать корректуру; а издавши поставить на Моск. театрѣ. Щепкинъ премилый человекъ: онъ однажды просидѣлъ у меня съ Гоголемъ цѣлый вечеръ, и мы говорили все о Малороссіи, между прочимъ читали кое что изъ Галладъ Украинскихъ и Думокъ и Пѣсень.

Начавши говорить о Вельтманѣ, я перескочилъ Богъ знаетъ куда. Надѣюсь опять воротиться къ нему. Онъ вчера просидѣлъ у меня почти все утро; сегодня или завтра вечеромъ я буду у него. Время съ нимъ летитъ, часы кажутся минутами.

16-е октября.

Побродивши по Москвѣ тамъ и сямъ, взявши мѣсто въ дилижансѣ (за 80 р.), и прочее, я отправился къ Пассековымъ, которые, долго искавши квартиры, переселились наконецъ изъ гостинницы въ домъ Алексѣя Петровича Кучина, брата Татьяны Петровны. Кстати скажу, что въ Москвѣ все дорого — между прочимъ и квартиры также очень дороги, почти дороже нежели въ Харьковѣ и такъ же какъ въ Харьковѣ чуть только очистятся, тотчасъ занимаются новыми постояльцами. Дрова также ужасно дороги: за одно-поленную сажень березовыхъ платять до 30 р. и даже словья продаются по 13 и дороже. Кстати же сказать, что морозы уже начались. Выпалъ снѣгъ, и лежитъ не тая. Я прекрасно сдѣлалъ, что послушался васъ, добрая маменька, и взялъ пубу: въ Москвѣ я ходилъ все въ шубѣ, да и въ дорогѣ надѣну ее же: она не пострадаетъ отъ дороги, потому что карета прекрасная и мѣста покойныя. Ворочаясь къ тому, чѣмъ началъ. Я поѣхалъ къ Пассековымъ, тамъ обѣдалъ, пилъ чай, ужиналъ, ночевалъ, и воротился домой часу въ 10-мъ. Приготовился къ дорогѣ, и теперь, отобѣдавши у Лѣвкова и Спасскаго, сѣлъ у нихъ за этотъ листокъ. Уже темнѣетъ. Хотѣлъ было писать много, но не успѣю. О Москвѣ напишу уже въ другомъ письмѣ. Раньше или позже, а все-таки напишу — хоть о самомъ любопытномъ изъ того, что видѣлъ. А видѣлъ я много, благодаря пособію моихъ знакомыхъ.

Напишите мнѣ, получаете ли Вы Галатею: Раичъ обѣщалъ высылать. Журналецъ хоть и плохой, а все таки найдется хоть что нибудь, что прочесть.

Да извинить меня Амвросій Лукіановичъ, Николай Ивановичъ и всѣ, которымъ я обѣщалъ писать, что до сихъ поръ не написалъ никому. Право,

¹⁾ Извѣстная Малорусская опера И. П. Котляревскаго: напечатана въ первый разъ во 2-й кн. Украинскаго Сборника И. И. Ср — го (Москва 1841).

достаёт времени писать только въ Вамъ. Авось либо улучу минуту свободы, и напишу. Кланяйтесь Александру Петровичу ¹⁾ и скажите ему, что я напишу ему, когда познакомлюсь съ Порошинимъ ²⁾.

До свиданья, милая Маменька. Прощайте. Да хранить Васъ Господь. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Ср.

VIII

№ 7, С.-Пбургъ. Окт. 22. 1839.

Между Сѣнной площадью и Екатерининскимъ каналомъ есть между прочимъ и переулокъ, называемый Коннымъ: въ этомъ Конномъ переулкѣ есть между прочимъ и домъ Галчинкова, стоящій на самомъ углу къ Сѣнной площади, а въ полицейскихъ спискахъ подъ № 182; въ этомъ домѣ, на второмъ этажѣ, есть между прочимъ двѣ комнаты, одна желтая, другая голубая, въ этой голубой комнатѣ, между двумя окнами, сквозь которыя можно видѣть и слышать всю дѣятельность Петербургской рыночности, стоятъ два ломберные разставленные стола; за этими двумя столами, при свѣтѣ двухъ свѣчъ, въ дыму трехъ трубокъ сидятъ три молодые человека, всѣ трое съ перьями, всѣ трое пишутъ письма, всѣ къ Маменькѣ своей... Угадайте, душенька Маменька, что это за люди собрались писать письма въ одной изъ комнатъ втораго этажа дома Галчинкова въ Конномъ переулкѣ у Сѣнной площади? О, вы конечно угадали ихъ: одинъ изъ нихъ Барковский ³⁾, другой братъ Николай ⁴⁾, а третій—я. Мы пишемъ письма. Я, какъ видите, тоже пишу что-то, — и съ нѣкоторой поры очень веселъ. Во первыхъ, я въ Пбургѣ, во вторыхъ у брата; въ третьихъ получилъ отъ васъ, милая Маменька, цѣлыхъ три письма... Какъ же не быть веселому?

Чтобы рассказать, какъ я очутился въ Петербургѣ, надобно рассказать и о томъ, какъ я выбрался изъ Москвы, какъ дотянулся до Пбурга. — Въ письмѣ, отправленномъ къ Вамъ черезъ Д. В. Пассека, я писалъ, что выѣзжаю въ Воскресенье, т. е. 15-го Октября; но въ Воскресенье выѣхать не могъ, потому что не отыскалъ ни одного дилижанса, который бы отправлялся въ

¹⁾ Рославскій-Петровскій, проф. Харьковскаго унив

²⁾ Викт. Семеновичъ Порошинъ, проф. Спб. Унив. по кае. Политич. эк. и Статистики.

³⁾ Андр. Лавр. Барковский—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго по Академіи Генеральнаго Штаба, впоследствии генераль-майоръ; имъ напечатаны „Воспоминанія въ стихахъ“ (Москва 1880).

⁴⁾ Ник. Ив. Срезневскій, впоследствии подполковникъ Генеральнаго Штаба; былъ убитъ Поляками въ 1863 г., въ самомъ началѣ мятежа.

этотъ день, и отложилъ выѣздъ до Вторника. Объ этомъ я кажется также не забылъ написать въ письмѣ подъ № 6, которое оставилъ для отсылки Лѣшкову и которое, надѣюсь, Вы уже получили. Кстати: совершенно протягъ воли и ожиданія, я заставилъ беспокоиться о себѣ не только Васъ, душенька Маменька, но даже и брата Николу. Вы видите: это № 7-й. № 1-й отправленъ былъ изъ Липцевъ, № 2-й изъ Курска. Вы ихъ получили. № 3-й отправленъ изъ станціи Вѣдменскій Заводъ (за Тулою), № 4-й изъ Москвы скоро послѣ пріѣзда въ нее: ужели Вы ихъ не получили? Богъ съ ними, если бы Вы только были покойны. Будьте увѣрены, Маменька, что, если не получите иногда письма отъ меня въ то время, когда ожидаете, то причиной этому не я, а тѣ, которые могутъ отправить и не отправить. Волѣ шести писемъ въ продолженіе четырехъ недѣль я не могъ написать. Теперь вы будете получать ихъ еще рѣже, а потомъ еще рѣже; но пожалуйста не безпокойтесь: я берегу свое здоровье, остерегаюсь отъ всего какъ умѣю—и до сихъ поръ, что касается до непріятностей, не имѣлъ ни одной, ни малѣйшей. Терпѣло иногда сердце, но впрочемъ все обходилось благополучно, ни встрѣчи даже не было, которая могла бы навести меня на какую нибудь непріятность. Между тѣмъ—къ дѣлу. Я выѣхалъ изъ Москвы во вторникъ. Прекрасная вещь дилижансъ, не тотъ, въ которомъ поѣхали до Москвы Леоновы или Пассековы, а дилижансъ изъ Москвы въ Петербургъ. Это—каreta съ коляской впереди—для 8 и даже 12 человѣкъ, карета покойная, широкая, ѣдущая скоро, и не вводящая въ большія издержки. Богъ дастъ когда нибудь мы съ Вами поѣдемъ въ Питеръ въ такой каретѣ. Дилижансъ, въ которомъ поѣхалъ я, былъ 8 мѣстный: въ коляскѣ спереди сидѣли, кромѣ кондуктора, какой-то Капитанъ Лейтенантъ флота и денщикъ, №№ 1 и 2-й заняты были мною и Швейцарскимъ купцомъ Жиго, №№ 3 и 4-й сзади насъ были во владѣніи двухъ поручиковъ инженернаго и драгунскаго, наконецъ №№ 5 и 6, составляющіе задній отдѣлъ дилижанса, принадлежали Діакову, переселяющемуся изъ Москвы въ Петербургъ съ женою и маленькимъ сыномъ. Общество, какъ видите, довольно разнообразное. Въ половинѣ 11-го часа всѣ пассажиры были уже готовы, и всѣ ихъ вещи въ дилижансъ были размѣщены очень удобно. Всякій простился съ кѣмъ имѣлъ (я простился съ Пассекомъ, меня провожавшимъ), сѣлъ на свое мѣсто, и восемь лошадей понесли насъ. Не знаю, что дѣлали другіе пассажиры, но я съ своей половиной осмотрѣлись, увидѣли свои вещи въ зеркалахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ, отдѣляющей нашъ отдѣлъ отъ передней коляски, увидѣли подъ зеркалами раздвижные столики, раздвинули ихъ, закурили цигары, облокотились, и въ такомъ очень занимательномъ положеніи зѣвали въ окно, каждый въ свое, до тѣхъ поръ, пока пришлось сказать Москвѣ прости, и поднять въ окнахъ стекла отъ вѣтру и снѣгу. А, кстати,

Я бы и забылъ сказать, что въ послѣдніе дни на Москву опустилась настоящая зима, такъ что выпалъ рѣшительно глубокой снѣгъ, и вода въ рѣкахъ покрылась плотною корою льда, такою корою, что мальчишки рѣшались бросать на лёдъ не только камни, но и самихъ себя. Этотъ холодъ, или, лучше сказать, этотъ снѣгъ былъ причиною, что наша поѣздка была гораздо медленнѣе противу обыкновеннаго: мы только на другой день послѣ обѣда, чуть не къ вечеру пріѣхали въ Тверь, и только на четвертый день, т. е. третьяго дня обѣдали въ Новѣгородѣ. Впрочемъ снѣгъ и холодъ насъ провожали только до Валдая: черезъ Валдай мы ѣхали туманомъ ночнымъ, который не позволилъ намъ ничего увидѣть, за Валдаемъ смочилъ насъ дождь, а въ Новѣгородѣ и далѣе свѣтило ясное солнце, и Волховъ былъ покрытъ движущимися барками, и ни снѣжинки нигдѣ, между тѣмъ какъ въ Твери Волга стояла недвижно подо льдомъ; въ Петербургъ же въѣхали по грязи и въ изморозь. Не много могу сказать о томъ, что видѣлъ по дорогѣ до Петербурга. Въ Твери я полюбовался только видомъ города изъ за Волги. Миленскій, чистенскій городъ: больше ничего не могу сказать о немъ. Вышній-Волочекъ—городокъ очень незавидный. Когда проѣзжали Крестцы, я спалъ. Когда проѣзжали Валдай, было уже темно, и для воспоминаній о Валдаѣ я сохраняю въ памяти только два миленскія личика двухъ Зимогорянокъ, у которыхъ за три шипоооццѣлллуууяа и гривенникъ я купилъ двѣ вязки баранковъ, очень вкусныхъ, и очень понравившихся брату. Новгородъ очень милъ; кремль его чуть не развалины: Софійская церковь очень странна наружностію, и очень величественна внутри; Волховъ полонъ воды и жизни; равнина, на которой стоитъ Новгородъ, огромна... Проснувшись утромъ въ Субботу я былъ ужъ въ Ижорахъ, въ 30 верстахъ отъ П-бурга, и не спускалъ глазъ со всего, что встрѣчалось передъ нами до тѣхъ поръ, пока не обнялъ брата. Видѣлъ вдали Царское Село, видѣлъ красивыя дачи, видѣлъ широкія улицы Петербурга, восхищался Казанскимъ соборомъ и церковію Петра и Павла. Подлѣ нея остановился дилижансъ. Я нанялъ карету, велѣлъ сложить въ нее свой багажъ, и отправился въ В. Академію, насилу отыскалъ ее, любовался по дорогѣ Невскимъ проспектомъ, Адмиралтейскимъ шипцемъ, Зимнимъ дворцомъ, Исаѣевскимъ соборомъ, Невюю, всѣмъ,—и наконецъ засталъ брата спящимъ послѣ обѣда. Онъ живетъ вмѣстѣ съ Барковскимъ. Сегодня ѣздилъ къ Министру и узналъ, что Уварова нѣтъ въ Пбургѣ, что его мѣсто занимаетъ Протасовъ ¹⁾, поѣхалъ къ Джунковскому ²⁾, тамъ засталъ Шнигоцкаго ³⁾ провелъ съ ними нѣсколько

¹⁾ Графъ Николай Алекс. Протасовъ.

²⁾ Іосифъ Абрам. Джунковскій—товарищъ П. И. Срезневскаго по университету.

³⁾ Аванасій Григорьевичъ Шнигоцкій—товарищъ П. И. Срезневскаго по пансіону и университету.

часовъ, узналъ все, что нужно и можно было узнать отъ нихъ, и завтра хочу начать визиты.

На слѣдующемъ листѣ напишу объ успѣхахъ своихъ прогулокъ по Пбургу, а до тѣхъ поръ прощайте, Маменька. И. Срезневскій.

Спб. Окт. 24. 1839 г.

Принимаюсь, милая маменька, за другой листокъ, что-бы пересказать на немъ, что видѣлъ и слышалъ я въ Спб. въ продолженіи двухъ дней съ тѣхъ поръ, какъ написалъ первый листокъ. Надобно признаться, я сдѣлалъ еще очень мало—почти ничего; но, право, очень трудно быть успѣшно-дѣятельнымъ въ городѣ, подобномъ Москвѣ и Петербургу, когда еще онъ совершенно новъ, и когда надобность беречь деньги заставляетъ не тратить ихъ на извозчика, а ходить пѣшкомъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, проводивши брата и Барковского въ Академію (то былъ ихъ первый выходъ на лекціи въ этомъ году), я сталъ и самъ собираться въ путь; хотѣлъ нанять извозчика, не нанялъ потому что просили слишкомъ дорого,—доѣхалъ только до дома Министерства Просвѣщенія. Тутъ первый мой визитъ былъ Сербиновичу ¹⁾. Никакъ я не воображалъ встрѣтить его такимъ, какимъ встрѣтилъ: онъ и милый, и обходительный, даже очень вѣжливый человѣкъ; но это олицетворенная хитрость, если не болѣе,—и притомъ чиновникъ, занимающійся литературою по должности, въ полной мѣрѣ. Я засталъ его въ кабинетѣ, очень крошечномъ, окруженнымъ книгами, какъ мышь; и самъ же онъ величиною не многимъ болѣе мыши. Онъ предложилъ мнѣ между прочимъ побывать сегодня же у Ширинскаго-Шихматова, Директора Департамента Просвѣщенія, и спросить у него, долженъ-ли я явиться къ Протасову. Я такъ и сдѣлалъ; отправился прямо отъ него къ Ширинскому Принялъ ²⁾ меня также довольно вѣжливо и откровенно сухо, изумился ³⁾, что меня отправили не прямо изъ Харькова, предложилъ ⁴⁾ прямо отъ него отправиться къ Протасову. Я раскланялся и пустился въ путь къ Протасову. На пути встрѣтился съ Леоновымъ ⁵⁾, который бѣжалъ въ Департаментъ. Онъ мгновенно узналъ меня, подбѣжалъ, разцѣловался, спросилъ у меня все, что ему пришло на умъ, сказалъ самъ, между прочимъ, что теперь уже всѣ они здоровы, но что прежде Марья Яковлевна и, какъ показалось мнѣ, и Марья Андреевна были недо-

¹⁾ Конст. Степановичъ Сербиновичъ; въ это время (1833—1856) редакторъ Журнала Мин. Нар. Просв.

²⁾ Въ подл: приняла.

³⁾ Въ подл: изумилась.

⁴⁾ Въ подл: предложилъ.

⁵⁾ Иванъ Ѳеодоровичъ Леоновъ, впоследствии докторъ медицины и хирургіи, ординарный профессоръ университета св. Владиміра по кафедрѣ государственнаго врачевовѣдѣнія.

ровы, просилъ къ себѣ, сказавши свой адресъ и пр. Я непременно зайду къ нимъ на этихъ дняхъ, и въ слѣд. письмѣ напишу, какъ ихъ найду. Вышедши на Невскій Проспектъ, я встрѣтился съ Гельфрейхомъ, старымъ товарищемъ по пансіону. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мною, и просилъ, очень просилъ зайти къ нему, когда нибудь вечеркомъ: буду и у него. Онъ указалъ мнѣ домъ Протасова, и я отправился далѣе. Я былъ у Протасова на крыльцѣ, былъ въ свѣняхъ, былъ въ передней, далѣе не былъ: официантъ доложилъ ему о моемъ приходѣ, и потомъ черезъ нѣсколько минутъ доложилъ мнѣ, что Графъ очень занятъ и принять никакъ не можетъ. Мнѣ оставалось обратиться вѣшать, еще разъ взглянувши на великолѣпіе свѣней, украшенныхъ бронзою, паркетомъ, зеркалами, коврами, мраморомъ и бельведеромъ, который надъ ними сверхъ 3-го этажа раскинулся прозрачнымъ куполомъ. Отсюда я пошелъ по Невскому Проспекту къ Адмиралтейству, и любовался имъ такъ, что забылъ зайти и въ Педагогич. Институтъ, и къ Смирдину, и въ Пѣвческій Корпусъ, любовался Александринскимъ театромъ, Аничковскимъ дворцомъ, магазинами, домами, самимъ проспектомъ и народомъ, на немъ волнующимся. Незамѣтно очутился я на площади и пошелъ на Англійскую набережную къ Анастасевичу ¹⁾. Я не могъ не остановиться на площади минутъ на пять, чтобы посмотреть хоть издали на Зимній дворецъ, на Александровскую колонну, на великолѣпный домъ Синода и Сената, на громаду Исаакіевского собора, обернутого еще въ плену лѣсовъ, на памятникъ Петру. Какъ все это хорошо, и какъ мало достаетъ словъ для описанія всего этого! Я остановился въ другой разъ на Англійской набережной и восхищался Невою. Что за рѣка! Широкая, кипучая, полная влаги, полная жизни, она колышетъ свои тяжело-быстрыя волны между стѣнами гранита, надъ которыми вытянулись строемъ, великолѣпныя, громадныя, изящныя зданія... Взгляните, маменька, на два вида Невы, которые висятъ въ Вашей голубой комнаткѣ: они вѣрны и даютъ правильное понятіе о Невѣ. Идучи къ Анастасевичу, идучи отъ него, не заставши его, я продолжалъ любоваться Невою,—и жажду любоваться ею въ такой же мѣрѣ, съ такимъ же живымъ чувствомъ, какъ не могу не жадать упиваться струями воздуха, когда онъ очищенъ ²⁾ свѣтлымъ солнцемъ и освѣженъ тихимъ вѣтеркомъ. Я воротился домой, утолил голодъ, и вновь направилъ путь къ Министерству, заходилъ въ Редакцію, гдѣ мнѣ сказали, что экземпляры моей статьи отправлены уже въ Харьковъ, заходилъ въ Департаментъ, гдѣ мнѣ сказали, что я не могу еще скоро отправиться въ путь, потому что надобно три раза припечатывать обо мнѣ въ

¹⁾ Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, извѣстный библіографъ.

²⁾ Слово перазобрано.

газетахъ. Рекомендацію къ посламъ и деньги обѣщались дать и пр. Съ этимъ я возвратился опять домой, и до прихода брата и Барковского изъ Академіи успѣлъ еще заснуть. Они воротились, и обыкновенно будутъ вращаться въ 4-мъ часу, идучи туда въ 9-мъ. Мы обѣдали, отдыхали и пр. Кстати скажу, что они нанимають квартиру очень выгодно: платятъ оба вмѣстѣ 120 руб. въ мѣсяцъ, и имѣють столъ и для себя и для людей, и столъ прекрасный, такъ что и мнѣ, третьему, достаесть, и остается еще для 4-го. Вечеромъ я былъ у Джунковскаго, гдѣ просидѣлъ до 10-ти часовъ.—Сегодняшнее утро мое все занято было посѣщеніемъ Гординскаго ¹⁾, которому Пассекъ ²⁾ поручилъ изданіе Очерковъ ³⁾, и Анастасевича. Анастасевичъ таковъ, какимъ я надѣялся и желалъ найти: добрый старикъ, умный, ученый, добрый, безъ комплиментства, заваленный книгами такъ, что за ними въ его крошечной квартиркѣ и свѣту Божьего не видно. Я успѣлъ еще зайти во 2-ю Гимназію и отдать Петѣ Шабельскому доставленное Варварою Вильгельмовною Пюнквичевою. Онъ здоровъ, и доставитъ о себѣ извѣстіе послѣ; а покажеть прошу Васъ, маменька, засвидѣтельствовать Варварѣ Вильгельмовнѣ мое почтеніе, если увидите съ нею.

Какъ бы я желалъ еще хоть одно письмо получить отъ Васъ до отправки за границу. Какъ отправлюсь еще не знаю: можетъ быть черезъ Варшаву, гдѣ теперь Уваровъ.

Кланяюсь всѣмъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Покор(ный) сынъ Из. Срез.

P. S. Да извинить меня добрый Амвросій Лукьяновичъ, что я не написалъ къ нему еще ни одного слова. Письмо и есть, еще написанное изъ подъ Москвы; но грѣхъ посылать. Жду времени составить новое.

¹⁾ Е. П. Гардинскій (Т. П. Пассекъ: Изъ дальнихъ лѣтъ. I, 275).

²⁾ Вади́мъ Васи́льевичъ.

³⁾ Очерки Россіи. С.-П.-Б. 1838—1842.

IX.

№ 8. С.Пбургъ. 1-е Ноября 1839.

Вчера, милая Маменька, я началъ писать Вамъ письмо подъ этимъ номеромъ, и написалъ-было почти три страницы; сегодня братъ возвращается изъ Академіи, приносить письмо отъ Васъ, и въ немъ нападку на меня, что дурно пишу: что дѣлать, посмотрѣвши на написанное, и увидя, что и это написанное, написано также дурно, какъ и все прежнее, рѣшился разорвать листокъ и писать снова на другомъ. Что дѣлать! Виновать, душенька Маменька, право виновать, да вѣдь какъ начнешь писать, всегда забываешь, что пишешь, для того что-бы прочли. Вотъ и теперь чуть было не засуетился перомъ, чуть не началъ писать каракулями.

О чемъ-же писать? Я не хочу не только переписывать, но и перечитывать того, что написалъ на листкѣ, обреченномъ на всеожженіе. О чемъ-же писать? или лучше, съ чего начать? Многое, многое волнуется въ воспоминаніи даже противъ воли; но всего этого такъ много, что не находишь нигдѣ точки опоры, непрерывно забываешь одно вмѣсто другаго, забываешь наконецъ все, кромѣ того, что передъ глазами,—готовъ саженью растянуть руки, и сказать: вѣтъ-съ, ничего-съ не знаю-съ. Я уже не говорю, сколько мнѣ слѣдовало-бы написать о Москвѣ, о Москвичахъ, или о пути изъ Москвы въ С.Пбургъ; о самомъ Пбургѣ, вѣроятно, очень многое останется въ тяжеломъ грузѣ недосказаннаго. Мнѣ бы надо было вести журналъ и для памяти вписывать въ немъ хоть краткія замѣтки о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но до сихъ поръ за журналъ и не принимался, а записывалъ на доскуткахъ, изъ которыхъ половина уже, можетъ статься, затерялась.

Начну сегодняшнимъ числомъ. Утро прошло, свѣчи на столѣ, день конченъ, и я могу писать о немъ, какъ о давно прошедшемъ припоминая по недавне-прошедшему и о давно-прошедшемъ. Съ утра, послѣ чаю, я занялся сниманіемъ карты, на которой Шафарикъ означилъ во всей подробности народонаселеніе Австрійской Имперіи по племенамъ. Эту карту сообщалъ мнѣ Сербиновичъ. Чрезвычайно любопытная карта: глядя на нее, видишь, какъ могущественно разширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ

врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Маджары, врѣзались, и разбросались клочками. Другую карту Шафарикова о топографіяхъ Славянскихъ я уже снялъ. Эту не такъ легко: иногда бьешься, бьешься, да и бросишь. Кстати о Сербиновичѣ: онъ—воспитанникъ іезуитовъ, перекрестившійся въ нашу вѣру, обходителенъ со всѣми, обходителенъ и со мною, даже очень обходителенъ. Онъ общался между прочимъ помѣщать мои статьи, находящіеся у него, одну за другою, просилъ, что-бы я доставлялъ ему статьи изъ за границы, и сказалъ, что будетъ доставлять мнѣ деньги. Деньги: вотъ это очень хорошо. Я у него бываю довольно часто.—Просидѣвши за картою до $1\frac{1}{2}$ одинадцатаго, отправился на Лиговку въ домъ Смирдина, думалъ тамъ найдти Полеваго, узналъ, что перемѣнилъ квартиру, поѣхалъ къ Башуцкому ¹⁾, узналъ то-же,—и воротился къ Фонтанкѣ къ дому Долгорукова, гдѣ живетъ Князь Одоевскій... «Дома Князь?» — «Дома». И я вошелъ въ предкабинетіе. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Княгиня, нѣчто въ родѣ смуглаго папошника, и проситъ извиненія, что Князь заставляетъ ждать, что Князь, принявши ванну, приметъ и меня. Выбѣгаетъ наконецъ и Князь: въ бархатномъ черномъ шлаф-сюртукѣ, въ колпакѣ темномъ, изъ подъ котораго виднѣтъ другой бѣлый, и во всемъ прочемъ, онъ очень похожъ на Нѣмецкаго колбасника,—и также худъ, и также хомяковатъ, и также простъ; лице впрочемъ миленькое, добренькое, умненькое. Узнавши мою фамилію, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и потащилъ въ кабинетъ, говоря, что радъ моему пріѣзду въ Пбургъ, и встрѣчъ со мною; потомъ посадилъ въ кресло, спросилъ имя и отчество, спросилъ, хочутъ-ли чаю, или цигару, подаль цигару, и началъ разспрашивать объ Украинѣ, о Харьковѣ, о моемъ путешествіи, и т. д. Жалѣеть, что я не запаса свѣдѣніями музыкальными, что этого роду свѣденія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе Малорос. голосовъ проиграть и исправить ошибки переписки: видно, что страстный музыкантъ. Онъ впрочемъ и правитель дѣлъ по Комитету о Пріютахъ,—и разговоръ своротился на пріюты. Ихъ въ Пбургѣ семь, и въ семи до 1000 дѣтей отъ 3 до 9 лѣтъ: цѣлый день они въ пріютѣ, обуты, одѣты, учатся читать, писать, считать, пѣть, играютъ—все это подъ присмотромъ добропорядочныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ дома только бы дурачились. Князь просилъ меня захватить въ одинъ изъ пріютовъ, что бы увидѣть, какъ полезны этого рода заведенія: «у васъ навернутся слезы отъ чувства при видѣ этихъ дѣтей, извлеченныхъ изъ грязи, и воспитаніе которыхъ имѣетъ благотѣльное дѣйствіе и на родителей». Говорили и о промышленности

¹⁾ Алекс. Павл. Башуцкій—литераторъ; въ это время издавалъ Журналъ Общепользныхъ свѣдѣній.

Русской, о надеждах нашихъ въ будущемъ въ этомъ отношеніи. О литературѣ почти не говорили. Я успѣлъ однако осмотрѣть кабинетъ, увидѣть, что у Князя все, что нужно ему, есть подъ рукою, и все съ большимъ удобствомъ: не говорю о богатой мебели, о журналахъ,—у него и библіотека очень богатая, очень разнообразная, очень правильно расположенная, и богатое собраніе картинъ, и пропасть потъ, и прекрасный рояль. Я просидѣлъ у него до двухъ часовъ, получилъ приглашеніе на субботу—по субботамъ у него литературные вечера,—и отправился въ Александровскій пріютъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не любоваться этимъ множествомъ дѣтей, чисто одѣтыхъ, веселыхъ, шутя учащихся. Они пропѣли мнѣ «Боже царя храни», показали свои работы, свои передники, свои башмаки, плетеные изъ рѣзанныхъ покрововъ, свое писаніе, а при выходѣ моемъ возгласили мнѣ «прощайте».—Не далеко оставалось до Лавры,—и я поѣхалъ въ Лавру. Главный храмъ похожъ фигуною на Казанскій соборъ, только не такъ богатъ; въ немъ справа гробница Александра Невского, серебряная, въ 95 пудовъ, изумительно богатая и изящная; въ немъ же слѣва двѣ гигантскія картины Рубенса—снятіе со креста и воскресеніе,—и я не могъ не любоваться выраженіемъ лицъ въ первой изъ нихъ, въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, виситъ такая же гигантская картина Рафаэля—благословеніе,—но я грѣшникъ—сколько ни вематривался въ нее, не высмотрѣлъ такого, что бы тронуло мою душу. Въ Малой церкви подлѣ кладбища, весь полъ и всѣ стѣны исписаны надписями на память о погребенныхъ тутъ знаменитостяхъ. Прежде всего я поклонился передъ гробомъ Суворова, потомъ сталъ читать надписи, которыя попадались подъ глазами и подъ ногами. Чего тутъ нѣтъ: тутъ и царевны дочери покойника Александра, и Грузинская Царевна, и Голицыны, и Строгановы, и Куракины, и Бецкій, и вся знать. Коегдѣ въ стѣнахъ вдѣланы памятники, блестящіе золотомъ, серебромъ, мраморомъ. Я зашелъ и на кладбище: груда мраморовъ, между которыми трудно пробираться,—и того, передъ чѣмъ-бы въ другомъ мѣстѣ простоялъ полчаса, считаешь тутъ десятками. Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... Многіе памятники покрылись мохомъ, другіе разрушаются, и между ними свѣтлѣютъ юные, прекрасные, а нѣкоторые благоразумными владѣльцами покрыты отъ ударовъ времени шеловочными колпаками—очень кстати! Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ откупщику Бенардаки, съ порученіемъ отъ Погодина, принять очень ласково, прошенъ и на обѣдъ, и на вечеръ, и хоть каждый день, у порога встрѣтился съ бывшей моей ученицей Ваффеевой,—и домой.—Вотъ и все утро. Теперь мы пообедали, попили кофе, собираемся пить чай; а я, просмотрѣвши, что написать, вздумалъ, что надобно же сказать нѣсколько

словъ и о Казанскомъ соборѣ, гдѣ я былъ уже два раза, и лучше чего я еще ничего не видалъ въ Пбурѣ. Полукруглою колоннадою развѣртывается онъ на Невскій проспектъ, образуя площадь, на которой стоятъ памятники Кутузову и Барклаю. Колоннъ что-то очень много, цвѣту желтобураго, какъ и весь храмъ снаружи. Въ серединѣ надъ колоннадою возвышается величественный куполь, покрытый серебряною кровлей. Вошедши въ храмъ, не знаешь, чему удивляться—огромности, богатству или величію. Вы видите громадныя цѣльныя колонны изъ темносѣраго гранита съ бронзовыми пьедесталами и капителями, видите огромную площадь храма, развернувшуюся длиннымъ крестомъ,—и сами себѣ кажетесь такъ малыми, что одного этого довольно для пробужденія чувства. Храмъ пустъ, кое гдѣ только по угламъ стоятъ и сидятъ пришедшіе поклониться святому образу Казанскому,—и все молчитъ, такъ что вы слышите, какъ ноги ваши скользятъ по мрамору, и какъ эти звуки повторяются на сводахъ,—и сердце ваше начинаетъ сильно биться. А вонъ стоятъ на колѣняхъ передъ образомъ Казанскимъ тощій старикъ, можетъ быть, изстрадавшій всю жизнь, слышится и гортанный полувзвукъ его «Господи!»—и слеза скатывается по лицу,—и вы уже не можете не молиться. Сюда, кто пришелъ, пришелъ молиться, а если пришелъ и не съ тѣмъ, выйдетъ помолвившись.—Иконостасъ, и рѣшетка передъ нимъ изъ литаго серебра. На пиластрахъ, поддерживающихъ куполь со стороны паперти, развѣшены ключи разныхъ городовъ, на колоннахъ паперти висятъ знамена, отнятыя во время послѣднихъ войнъ; въ углу за колоннами гробница Кутузова. Но зачѣмъ этотъ храмъ не въ Бѣлгородѣ, или лучше зачѣмъ этотъ Петровскій Бѣлый городъ не такъ-же близко отъ Харькова, какъ тотъ другой! То-то бы хорошо! И мы были бы съ вами въ немъ, и я теперь хоть на денекъ убѣжалъ-бы изъ него къ Вамъ въ Харьковъ, гдѣ я оставилъ такъ много незамѣнимаго, незабвеннаго, отнятаго у меня уже можетъ статься на всегда. Ахъ, Харьковъ, Харьковъ! Ворочусь въ него, если Богъ дастъ воротиться, уже не такимъ; да и люди, которыхъ встрѣчу тамъ, развѣ не измѣнятся! Какъ же не желать увидѣть его еще разъ увидѣть безъ перемѣны тѣхъ, кого привыкъ любить или уважать такъ, какъ они есть, не иными.

2-е Ноября.

Вчерашній вечеръ до полуночи я просидѣлъ въ кругу товарищей односкамейниковъ. Хозяиномъ былъ Гамалея—не товарищъ, но хохолъ, и слѣдовательно свой братъ.—Съ Шпигоцкимъ мы миловались, съ Джунковскимъ бранились, съ Лыгинымъ хохотали,—и Лыгина же слушали. Онъ имѣетъ голосъ, имѣетъ большія музыкальныя способности, и притомъ посѣщалъ каждую

оперу по крайней мѣрѣ по десяти разъ. Онъ иѣлъ намъ мотивы изъ Роберта, изъ Фенеллы, изъ Жизни за Царя и пр. Мы наслаждались. Ахъ, Боже мой, я и забылъ вамъ сказать, что былъ въ театрѣ уже два раза—въ прошлую Пятницу на Сильфидѣ, а третьяго дни, во Вторникъ, на Робертѣ. Я видѣлъ въ Сильфидѣ Тальони,—видѣлъ Сильфиду. Я не воображалъ, чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ потому, что не могъ себя представить, чтобы мнѣ могла понравиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности,—и... Занавѣсъ поднимается, великолѣпная музыка отдастъ звуки за звуками, душа сотрясается,—передо мною комната Нѣмецкаго рыцаря съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣтъ огонь. Оруженосецъ спитъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ, оперши руку о ручку креселъ и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается волнуется,—недвижимо-прекрасное остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Ждешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфиды вспархиваетъ какъ тѣнь, и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходить, отходить, приходить, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя на воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь. Рыцарь проснулся, вскочилъ, очнулся, припоминаетъ, видитъ Сильфиду, къ ней, за нею; но она неуловима, летитъ къ очагу, въ очагъ, и улетаетъ въ трубу. Рыцарь будитъ оруженосца, рассказываетъ ему (разумѣется тѣлодвиженіями) что видѣлъ; оба ищутъ Сильфиду въ очагѣ,—и потомъ видятъ, сквозь окна, какъ она летитъ по полямъ и лѣсамъ, освѣщеннымъ зарею, все далѣе, далѣе... Эта первая сцена, наслаждаясь которою, и любивъ вмѣстѣ съ Сильфидой, и грустивъ о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфиды, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ музыкою плакалъ и я. Музыка и декорация въ Робертѣ превосходны, но актеры — гадость, — и эффектъ потерявъ.

Цѣлую ручку Вашу, милая Маменька

Изм. Срезневскій.

— Не худо-ли я сдѣлалъ, что оставилъ при себѣ только 200 рублей для брата. Мы разсчитывали съ нимъ, и нашли, что нынѣшній годъ ему на-

добно дать еще 200. Изъ своихъ я боюсь дать, изъ вашихъ—но гдѣ вамъ взять? Я что-то худо помню состояніе финансовъ вашихъ. Если Вамъ нельзя, то я изъ за границы пришлю статью къ Сербиновичу, и буду просить, чтобы деньги отдалъ брату.

— Я васъ увѣдомлю, куда поѣду и куда адресовать мнѣ письма за границу; а покажѣть пишите къ брату: онъ мнѣ перешлетъ.

— Удивительно, что съ почтою дѣлается: я писалъ отъ 6 Октября и Вы до 20 не получили: а я ращитывалъ, что вы получите 16-го ¹⁾).

Х.

№ 9. С.Петербургъ 1839. Ноября 10.

Вчера былъ четвергъ, по четвергамъ получаемъ мы письма отъ Васъ милая Маменька,—и вчера я съ нетерпѣніемъ ждалъ возврата брата изъ Академіи, надѣясь, что онъ принесетъ письмо Ваше; но онъ не принесъ, — и избалованный Вашъ Измайлуха невольно груститъ. Онъ увѣряетъ себя, что недолго придется ему получать письма Ваши такъ часто, какъ теперь получаетъ, что скоро за счастіе будетъ считать получить письмо Ваше черезъ два мѣсяца: напрасно: не легче ему отъ того, даже тяжелѣе. Нѣтъ, еще не привыкъ я странствовать, одиночествовать. Чѣмъ далѣе отъ Харькова, тѣмъ болѣе грущу по немъ: вотъ такъ бы и поворотилъ оглобли къ нему, помчался-бы не оглядываясь, ни о чемъ не думая... И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы тоймилрой жизни, которую велъ я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей,—рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика, и картинку изъ поѣздки въ Вѣлгородъ, и пр., и пр. Такъ много было такого, съ чѣмъ бы не разстался никогда,—и разстался... не безъ надеждъ, но могли ли въ ихъ рядъ поставить и надежду—встрѣтить, возвратясь, все по прежнему, зажить, какъ жилось? Обстоятельства такъ быстро измѣняются!.. Измѣнять можетъ быть и меня, сдѣлаютъ неспособнымъ сочувствовать тому, чему сочувствовать еще недавно такъ меня счастливало. О, не дай Боже!—Горькій глотокъ грусти заѣдаю конфетой душевной увѣренности, что я такъ жилъ,—и переворачиваю листокъ. Авось, говори съ Вами о Петербургѣ, забуду горе—хоть на минуту.

Начну съ того, что въ Петербургѣ менѣе нежели гдѣ имѣю право горевать. Я у родного, и часто вижу съ старыми друзьями; этого уже слишкомъ

¹⁾ Приписки на поляхъ.

много для странника. Душа можетъ говорить, какъ хочетъ.—Брата я засталъ какимъ желалъ застать: каждый день и весь день онъ занимается—утромъ отъ 8 до 2 или отъ 9 до 3 часовъ въ Академіи, послѣ обѣда до 12, а иногда и до 2 дома; нѣтъ другихъ книгъ, ни другихъ мыслей, ни другихъ разговоровъ, кромѣ военно-ученныхъ; его познанія во многомъ такъ основательны, такъ велики, что иногда изумляешься—особенно, что для меня болѣе другого понятно,—въ географіи Европы и Россіи, которую онъ изучилъ съ такой подробностію и съ такою сознательною отчетливостію, что дай Богъ и профессору географіи знать не хуже его; желаніе и стараніе становится все лучше, все благоразумнѣе и благороднѣе—занимаетъ его по прежнему; и—что бы сказать обо всемъ—обопировавъ онъ прекрасно, чисто, даже богато (не богатъ только бѣльемъ). Онъ ухаживаетъ за мною, какъ добрый братъ и другъ, и живемъ мы съ нимъ и съ его товарищемъ, прекраснымъ молодымъ человекомъ, Андр. Лавр. Барковскимъ, славно. Можетъ быть я имъ наскучу, но они сами не захотѣли, что бы я нанялъ квартиру отдѣльную, стѣна обѣ стѣну съ ихъ комнатами, когда былъ случай. Что до моихъ прежнихъ старинныхъ друзей, то я засталъ тутъ двухъ изъ нихъ—Шпигоцкаго и Джунковскаго ¹⁾ одинъ—чиновникъ вполнѣ, работаетъ днемъ весь день работаетъ часто и ночью, приобрѣлъ о себѣ хорошее мнѣніе начальства, и скоро будетъ Надворнымъ. добръ, милъ, гостепріименъ, словомъ—какъ прежде; другой остается Коллежскимъ Секретаремъ, служитъ нерадиво, за то все читаетъ книги, учится, и приобрѣлъ гигантское количество познаній, такъ что иногда странно становится, какъ можетъ голова его сдерживать такую массу фактовъ и не терять способности сообщать, пользоваться фактами,—и добръ, благороденъ, чуденъ по прежнему, Я и забылъ было о Булычовѣ ²⁾: милый юноша, высшаго круга, служитъ по нѣсколько часовъ въ недѣлю въ Комитетѣ министровъ, время проводить съ министершами и т. п., добрый товарищъ по прежнему. Съ нимъ впрочемъ вижу не часто; за то часто съ Шпигоцкимъ и Джунковскимъ, и время бѣжить.

Вотъ уже и три недѣли (безъ одного дня), какъ я живу въ Петербургѣ, а добраго сдѣлать мало. Обстоятельства заставляютъ остаться еще на недѣлю. 21-го ѣду непременно. Иностранный паспортъ уже получилъ, и билетъ на мѣсто въ дилижансѣ также взятъ, остается только получить подорожную; но обстоятельства заставляютъ остаться до 21, на 21-е взято и мѣсто въ дилижансѣ. Ёду въ Ригу; оттуда не знаю куда—въ Варшаву, если можно будетъ ѣхать покойно, въ Кёнигсбергъ, если не найду попутчика въ

¹⁾ Иос. Абр. Джунковскій и Ав. Григ. Шпигоцкій—товарищи И. И. С.—го по университету.

²⁾ Ив. Демьян. Булычовъ—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; впоследствии дѣйств. членъ Им. Географ. общ., путешественникъ по Сибири; имъ издано «Путешествіе по Восточн. Сибири»—роскошный сборникъ видовъ Сибири и бытовыхъ картинъ изъ жизни ея населенія.

Варшаву, и кажется всего вѣроятнѣе въ Кёнигсбергъ, что бы оттуда въ Берлинъ и Прагу. Изъ Риги увѣдомлю.

Между тѣмъ нельзя же не сказать хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что былъ я и еще разъ въ театрѣ. Въ этотъ третій разъ былъ я въ Александринскомъ театрѣ, когда давали Велисарія, новую драму, передѣланную съ Нѣмецкаго Ободовскимъ, и имѣющую необыкновенный успѣхъ. При мнѣ давали ее уже разъ шесть, и театръ всегда полонъ, биткомъ набитъ. Велисарій возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ Вандаловъ, когда составляется противъ него заговоръ. Лѣтъ за 20 у Велисарія родился первенецъ-сынъ, и Велисарій готовъ былъ любить его; но зловѣщій сонъ, представившій ему, что этотъ сынъ его вооружится противъ Имперіи и Императора, превращаетъ его любовь въ ненависть, и Велисарій поручаетъ вѣрному рабу своему утопить младенца. Воля его исполняется такъ, что никто, ни тѣмъ болѣе жена, этого не знаетъ. Знаетъ только рабъ исполнявшій волю. Передъ возвратомъ Велисарія изъ Вандаліи рабъ заболѣлъ, почуялъ смерть, и покался женѣ Велисарія. Пылая мщеніемъ, жена принимаетъ участіе въ заговорѣ—на гибель Велисарія. Сегодня Юстиніанъ Императоръ награждаетъ его триумфомъ и лавровымъ вѣнкомъ; завтра онъ подъ судомъ; призывается въ Сенатъ, обвиняется врагами и женою въ злоумышленіи противъ Сената и Императора, заключается въ тюрьму, осуждается на смерть Сенатомъ, осуждается на изгнаніе и ослѣпленіе Императоромъ. У Велисарія есть дочь: она, узнавши объ осужденіи отца на изгнаніе и ослѣпленіе, покидаетъ мать, и становится вожатаемъ слѣпаго отца, вожатаемъ, какимъ только можетъ быть дочь. Велисарій привезъ изъ Вандаліи между прочимъ одного плѣнника и усыновилъ его. Этотъ плѣнникъ, рѣшаясь мстить Имперіи за Велисарія, идетъ къ Аланамъ, вооружаетъ ихъ противъ Константинополя, ведетъ ихъ... Случайно встрѣчается этотъ юноша Аламиръ съ бродячимъ Велисаріемъ и обязывается покинуть свое намѣреніе; но Алане продолжаютъ путь къ Цареграду, разбиваютъ Императорское войско. Велисарій также идетъ въ Цареградъ, встрѣчается съ Греческимъ войскомъ, узнаетъ, что Аламиръ не кто иной какъ его сынъ первенецъ, случайно спасенный, принимаетъ начальство надъ войсками, разбиваетъ Алановъ получаетъ рану... Жена Велисарія между тѣмъ покалась, обезумѣла отъ горя. Понятна послѣдняя сцена: Велисарія вносятъ на носилкахъ, едва дышащаго, дѣти и Императоръ и войско плачетъ надъ нимъ, вбѣгаетъ жена, молить мужа о прощеніи, получаетъ его и умираетъ; потомъ умираетъ и Велисарій.—Драма сама по себѣ не высокаго смысла; но въ ней есть много положеній, много мыслей и чувствъ, понятныхъ для души Русскаго,—и публика хлопаетъ и топаетъ, плачетъ, забывается. Въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ, что счастлива страна, гдѣ царь говоритъ съ народомъ какъ съ дѣтьми отецъ: хлопанье,

топанье, крикъ радости продолжались минуту послѣ этихъ словъ, и гремѣли такъ, что страшно становилось. Не громче было бы ура народа, въ первый разъ встрѣчающаго царя. Надобно сознаться, что и нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои прекрасно. Каратыгинъ 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій—Юстиніанъ—также. Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству,—и какая милочка... Не подумайте, маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила—переодѣтая въ мальчишъ, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ взыщнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самого себя наконецъ,—все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову, какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поразившихъ, но вотъ нѣкоторые:—Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожатаемъ; цотдаль стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца—слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ спрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побуждаетъ... Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ поду его тоги, его сандалію, изъ глубины сердца восклицаетъ: «родитель!» Публика захопала—я зарыдалъ.—Вблизи одного селенія, мужики собрались около Велисарія, не зная кто онъ, и поютъ о немъ пѣснь (Малютка, племънося, просилъ для Бога—пищи лишь дневныя слѣпцу, котораго водилъ, кѣмъ славны Римъ и Византія): малютка Елена прижалась къ отцу, ласкаетъ его, и въ ея движеніяхъ отражается смыслъ пѣсни—и овершенно естественно, и вполне. Мнѣ опять захотѣлось плакать,—и я закрылъ глаза лорнетомъ.—Велисарій возвращается въ Константинополь; уже онъ близко, уже виденъ. Велисарій надѣется, съ нимъ надѣется и Елена; молится, съ нимъ молится и она: опять удивительная сцена, которой я не могъ

не сочувствовать... Впрочемъ довольно о Еленѣ и Велисаріи. Я уже говорилъ и о публикѣ. Скажу еще, что публика здѣшняя, сколько ни любить вызывать хорошихъ актеровъ, но хлопасть, топасть болѣе въ пользу автора, т. е. когда ей понравится та или другая сцена, та или другая мысль или выраженіе. Ей какъ будто не хочется отличать сцены отъ дѣйствительной жизни, хочется жить на сценѣ, по крайней мѣрѣ принимать участіе въ жизни ¹⁾ живущихъ на ней.

Братъ воротился изъ академіи, и принесъ письмо отъ васъ, душенька маменька. Слава Богу, вы здоровы, вы не скучаете, вы спокойны... ²⁾ И во весь вечеръ только и было нами сдѣлано, что написана эта страничка. Барковского не было дома; мы ждали его возвращенія и болтали. Между прочимъ, какъ люди, и о деньгахъ. Брату больно, что онъ долженъ отягощать васъ своими просьбами, больно, что онъ до сихъ поръ не сладится такъ, что бы приобрѣтать по крайней мѣрѣ столько, чтобы жить безнуждно,—и онъ рѣшается отдѣлять часть времени чтобы его посвящать на литературные подряды—для денегъ. Впрочемъ, что скрывать, занятій у него много, чѣмъ больше будетъ заниматься, тѣмъ для него же лучше,—и безъ помощи вашей ему не обойдется. Я уже писалъ вамъ объ этомъ въ прошломъ письмѣ, и повторяю: если не 200, то хоть 150 въ этотъ годъ ему необходимы въ добавокъ къ 200, уже полученнымъ. Я бы не поскупился ему оставить если не все 200, то хоть 100, если-бы зналъ, что со мною не можетъ случиться ничего непріятнаго, что эта первая треть испытаній пройдетъ удачно, что деньги слѣдующія за слѣдующую треть получу акуратно; но теперь ничего не знаю, что будетъ со мною,—и скуплюсь противъ желанія сердца. Я хоть и получалъ отъ министерства за статью о Персидской и Египетской религіи ³⁾, но это мнѣ не станеть и на проѣздъ отсюда до Риги, потому что только за мѣсто въ дилижансѣ я заплачу уже 100 (что получилъ), надо же прибавить на сѣбѣшныя издержки и т. п.; за то казна мнѣ ничего не дала за проѣздъ изъ Харькова до сюда, а мнѣ еще жить два мѣсяца и пути около 2000 верстъ. Я не стану лѣниться, и надѣюсь получить что нибудь за статьи, но теперь все это еще будущее. Вы мнѣ напишите о вашихъ финансахъ, а я васъ увѣдомлю о моихъ—и Богъ дастъ, дѣло сладится. Что до банковыхъ билетовъ, я сдѣлалъ бы подло, если-бы сдѣлалъ иначе: протягивай ножку по одежкѣ, у меня же нога не длинна, не высокаго я росту,—собьюсь,—достанеть на все и даже на то, что-бы посмотреть разъ-другой на какую-нибудь Асенкову. Лишь бы непредвидѣнности не еражали; а я для нихъ только и скуплюсь.

¹⁾ Въ подл.: въ жизнь.

²⁾ Далѣе на томъ-же листѣ слѣдуетъ письмо Ник. Иван. Срезневскаго; его мы опускаемъ.

³⁾ Сближеніе религіи Персидской съ Египетской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 188).

Сегодня, т. е. 11-го ноября, я проснулся, академиковъ уже нѣтъ: они съ 8-ми часовъ отправились. Я сѣлъ за письмо, написалъ страницу, перечелъ ваше письмо, опять пишу,—и прежде всего извиняюсь, что дурно пишу. Что мнѣ дѣлать, душечка маменька: и рука скользить, и хочется больше написать, вотъ и пишется дурно. Я и принуждаю себя, да проку нѣтъ. Когда я жилъ при васъ, то иногда, и довольно часто, не находилъ, что повѣнкато сказать вамъ; а теперь все бы, все бы рассказывалъ вамъ, а въ то время, когда хочется мнѣ говорить, вы знаете, я болтунъ, и юрза; отъ этого и лѣплю букву на букву, и спѣшу. Да что таить: и писать не умѣю. Простите меня, душешка маменька.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе и душевную благодарность Марѣ Ивановѣ ¹⁾ она учила меня быть добрымъ сыномъ въ Харьковѣ,—и того я никогда не забуду; она и теперь заставляетъ меня благодарить Бога.—Обращаюсь къ миссъ Фанни ²⁾: Если вы не помните меня лихомъ, то будьте добры, поцѣлуйте за меня ручку у Мары Ивановны. Вы передадите мое почтеніе и благодарность и доброй маменькѣ вашей.

Поклонитесь, маменька, Ивану Петровичу и его супругѣ, и всѣмъ, кто меня не забылъ и кто забылъ.

Вамъ, добрые незабвенные друзья мои, общій поклонъ. Да извинить меня тотъ изъ васъ, передъ кѣмъ я виноватъ. Тебѣ, frate Ambrosio ³⁾, спасибо за второе письмо: оно хоть и сильно огорчило меня, за то и утѣшило. Слава Богу, слава Богу, и да расточатся врази. Отвѣтъ на него начатъ, но дописать не успѣю. Посылаю листокъ только Александру Петровичу ⁴⁾ съ Семеномъ Семеновичемъ ⁵⁾. Прощайте! Цѣлую васъ.

По моему расчету, я напишу еще два письма изъ Россіи: одно отсюда, другое изъ Риги... и потомъ.

Цѣлую ручки ваши, душешка маменька. Прощайте... Да подкрѣпить Господь ваше здоровье.

Вашъ поганный, но крѣпко любящій васъ сынъ И. Срезневскій.

ХІ.

№ 10. С.П.бургъ. 1839, ноября 14. Вторникъ.

Вамъ не вѣрится, милая маменька, что я до сихъ поръ въ П(етер)бургѣ. Не вѣрится и мнѣ самому,—и между тѣмъ еще недѣлю, ровно недѣлю я

¹⁾ Фидлеръ.

²⁾ Сестра А. С. Питры, бывшаго вносл. профессоромъ и ректоромъ Харьковского университета.

³⁾ Амвросій Лук. Метлинскій.

⁴⁾ Рославскій-Петровскій.

⁵⁾ Лукьяновичъ.

буду въ Петербургѣ. Выѣзжаю только 21-го: на это число взять и билетъ въ дилижансѣ. Одна изъ главныхъ причинъ такого замедленія вотъ какая: дилижансѣ въ Ригу ходитъ только по вторникамъ; думая выѣхать въ прошедшій еще вторникъ, я зашелъ въ контору съ тѣмъ что бы записаться дни за три,—и что же—всѣ мѣста не только на тотъ вторникъ, но и на сегодншній, были заняты. Что было дѣлать? Я было хотѣлъ искать другихъ средствъ для выѣзда въ Ригу, но когда въ теченіи нѣсколькихъ дней ничто не подавало надежды, я побоялся потерять мѣсто въ дилижансѣ и на 21 число, и рѣшился записаться не медля. Теперь живу въ С.П(етер)бургѣ и жду 21. Уже и казенная подорожная до Таурогена взята, и все готово: остается только выѣхать. Вы думали, душенька маменька, что я поспеюсь взять шубу? Нѣтъ, сотню разъ благодарилъ я васъ за то, что вы велѣли мнѣ взять ее съ собою. Не знаю, какъ бы и быть мнѣ въ поѣздѣ изъ Москвы сюда, если бы не было со мною шубы; не зналъ бы и тутъ, что дѣлать безъ нея. Я ни шагу безъ нея, и въ Ригу и далѣе поѣду не иначе какъ въ ней-Воротника отпарывать не буду, потому что не стоитъ покупать другого, да и не хочется тратить денегъ на эту покупку. И такъ шубу я беру съ собою. За то многое другое, многое оставляю. Угадайте, маменька, что?—большой чамайданъ съ книгами, или, лучше сказать, все, кромѣ Берлинскаго чамайдана, наполнивши его сколько можно болѣе. Не дорого было бы переслать большой чамайданъ пароходомъ въ Любекъ и оттуда въ Прагу; но пароходы уже не ходятъ, а пересылать транспортомъ дорого. Поэтому пусть остается онъ до времени у брата. Пріѣхавши въ Прагу и разузнавши обстоятельныѣ, какъ сдѣлать, я напишу къ брату, а онъ общается распорядиться какъ слѣдуетъ. Если-же найду ненужнымъ пересылки то братъ привезетъ его къ вамъ... А между тѣмъ собираюсь, собираюсь—и вотъ уже скоро...

Сегодня я бродилъ по Петербургу. Вышелъ въ 10, воротился къ 4-мъ, былъ только у Сербиновича, въ Редакціи Ж. М. Н. П., на почтѣ (относилъ письмо къ издателю Галатеи ¹⁾), у Гординскаго (издателя Очерковъ Россіи) и въ Канцеляріи г. губернатора,—все остальное время бродилъ. Началось Англійскою набережною: я ходилъ на нее къ Анастасевичу, и засталъ, и отъ Румянцевскаго Музеума (гдѣ онъ живетъ) шелъ тихо. Время было только что за полдень, солнце свѣтило роскошно, легенькій туманъ поднимался и опускался серебряною пылью; высокопраздный народъ высыпалъ отовсюду на гулянье. Я шелъ и встрѣчался... Прекрасно ходить между людьми, которыхъ не знаешь, сколько и имъ неизвѣстенъ. Вотъ идетъ парочка: розовый капотъ съ длиннымъ розовымъ мантиле, обшитымъ блондой, то-же розо-

¹⁾ Раячу.

вой, розовая шляпка съ розовымъ перомъ, и все это розовое оттънено только чернымъ собольимъ хвостомъ, обвившимъ шейку, да чернобурой муфтой, да черненькими крошечными сапожками, да черненькими... т. е... глазками,—такова одна дама; другая—удобопочтенная старушка вся въ коричневомъ, вся коричневая, не исключая и лица. Парочка эта идетъ, за нею идетъ ливрейный лакей. Идутъ онѣ ко мнѣ на встрѣчу. Я смотрю на нихъ, онѣ смотрятъ на меня; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе мы всматриваемся другъ въ друга,—и проходимъ мимо. Не прошедши трехъ шаговъ, я любопытствую посмотреть на моихъ незнакомыхъ сзади, оборачиваюсь, гляжу—онѣ смотрятъ на меня, также оборотившись задомъ къ своему переду. Это меня изумило и вмѣстѣ разговѣтило: я притворяюсь, что смотрю не (на) нихъ, а на Неву. Она-же такъ прекрасна подъ ледяною корою, кое гдѣ гладкою какъ стекло, кое гдѣ бѣлою, будто вспѣвную, такъ прекрасна подъ дымкою полупрозрачнаго тумана. Я смотрю на Неву, на людей, пробирающихся черезъ нее тамъ и здѣсь. Вдругъ подходить ко мнѣ ливрейный лакей моихъ незнакомокъ, и спрашиваетъ, какъ моя фамилія; а дамы между тѣмъ все смотрятъ на меня. Что мнѣ дѣлать? Свою фамилію пускать по вѣтру не захотѣлось; я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. Дамы прислушиваются, подумываются,—я подхожу къ нимъ, и по французски, ломаннымъ произношеніемъ, говорю, что я не Русскій: Мѣтамъ, ше не зви па Русь! Удобопочтенная старушка извиняется, спрашиваетъ, откуда я, кто я, а между тѣмъ оборачивается, идетъ и заставляетъ идти за собою. Вотъ еще новость! Но я иду за дамами, объясняя, что я Армянинъ изъ Вѣны, и пр. Дамы доходятъ до моста, что за Воен. Академіей, ворочаются... Я иду съ ними рядомъ, разговариваю о Вѣнѣ, о Германіи, о Петербургѣ, объ Араратѣ, какъ моей родинѣ... Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и пошъ, и салошница, и продавецъ винограда, и гризетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. Еще прошли мы не болѣе полуверсты, еще только что перебѣжали черезъ Исакиевскій мостъ, а уже были очень хорошо знакомы. Мы прошли на Адмиралтейскій бульваръ, обошли все Адмиралтейство, повернули на Дворцовую набережную, мимо Зимняго Дворца, любовались имъ, шли довольно далеко за него, повернули въ какую то улочку на право, подошли къ богатому подъѣзду. Лакей дернулъ звонокъ, дверь открылась. Я сталъ раскланиваться; дамы попросили меня войти съ ними... Но куда же я войду съ ними? Не произойдетъ ли со мною что-нибудь болѣе нежели занимательное? Да и что они скажутъ, увидя мои пуговицы съ орлами? Я извинился, попросилъ позволенія имѣть удовольствіе быть у нихъ въ домѣ въ другое время,—раскланялся и пошелъ. Простившись съ дамами—кто

онѣ, я не знаю, какъ не знаю и того, зачѣмъ изволили онѣ обратить на меня свое милостивое вниманіе, — я пошелъ назадъ, мимо Зимняго Дворца, мимо Александровской колонны, на которую, скажу мимоходомъ, надобно смотрѣть изблизи, чтобы любоваться ея величіемъ и громадностью, на Малую Морскую, на Невскій проспектъ... Смотрю кто-то идетъ знакомый, всматриваюсь — Роберти ¹⁾. Мы поговорили съ нимъ нѣсколько секундъ, общались видѣться, и простались. Тутъ проѣхала по Невскому Марія Николаевна ²⁾ съ супругомъ, — и я сваялъ шляпу вмѣстѣ съ другими. Невскій былъ уже полонъ, полонъ какъ наша Никольская площадь во время ярмарки, только не возами, а экипажами и гуляющими. Тутъ я видѣлъ не одну П-буржскую красавицу, и признаюсь, нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько хорошенькихъ. Въ одномъ мѣстѣ я ждалъ минутъ до пяти, что бы перебѣжать черезъ Невскій: такъ много ѣхало. Я завернулъ въ Казанскій, оттуда въ лавки книжныя, оттуда взялъ извощика въ театръ, что бы взять билетъ на Дѣву Дуная, и домой..... ³⁾

Посылаю вамъ, маменька, видъ лагеря при Красномъ селѣ ⁴⁾ и три другихъ вида окрестностей П-бурга: очень рады будемъ, если онѣ понравятся. Еще посылаемъ ноты. Вы, маменька, не найдете между ними трудныхъ, но за то все модныя.

Вчера я былъ у Роберти, просидѣлъ у него часа два, говорилъ съ нимъ объ Амвросіи Лукіановичѣ, объ Иванѣ Петровичѣ. Можно обоихъ поздравить, — и я съ наслажденіемъ представляю себѣ, что словесность отечественная будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ преподаваема двумя друзьями, которые будутъ совѣтываться, какъ что сдѣлать, какъ преподавать, какъ упражнять слушателей ⁵⁾. Объ обѣщаніи, данномъ Ив. Петр., я не забылъ, и исполню; впрочемъ теперь некогда.

Мы собирались пить кофе, когда пришелъ Ив. Ѳеодоровичъ ⁶⁾. Онъ просидѣлъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мнѣ идти въ театръ, вышелъ вмѣстѣ со мною и проводилъ до театра. По дорогѣ, просилъ онъ у меня денегъ, рублѣй 50. Я извинился, что не могу дать, — и могъ-ли я иначе сдѣлать? Не нуждаюсь, но боюсь нуждаться, и мнѣ, страннику, нѣтъ ничего легче, Богъ знаетъ, что еще впереди.

Я вошелъ въ театръ, когда занавѣсъ былъ уже поднять, музыка гремѣла, со сцены раздавался хоръ. Давали Фрейщюца первое дѣйствіе. Жаль,

¹⁾ Александръ Адольфовичъ де-Роберти, сынъ содержателя пансіона въ Харьковѣ, въ которомъ И. И. Ср-ій давалъ уроки.

²⁾ Великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская.

³⁾ Слѣдуетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

⁴⁾ Этими словами обрывается письмо Н. И. С-го; далѣе идетъ письмо И. И. Срезневскаго.

⁵⁾ А. А. Метлинскій былъ избранъ словеснымъ факультетомъ Харьк. ун. въ адъюнкты (письмо его къ Н. И. С-му 27 окт. 1839 г.). Въ декабрѣ 1839 г. это избраніе получило утвержденіе.

⁶⁾ Леоновъ, докторъ медицины, и хирургіи, адъюнктъ-профессоръ Виленской медико-хирург. акад.: впоследствии былъ ординарнымъ профессоромъ университета св. Владимира по кафедрѣ государственнаго врачевовѣдѣнія.

что не удалось слышать увертюры. Впрочемъ я всетаки успѣлъ насладиться музыкою Вебера. Потомъ занавѣсъ опустился, долго не поднимался, поднялся наконецъ... Раскрылся видъ истоковъ Дуная, окруженный лѣсами, между которыми, кое-гдѣ мелькаютъ хижины поселянъ. Поселяне, дѣвушки... между ними одна, чарующая всѣхъ, это Цвѣтокъ Долины. Она найдена одною старушкою у истока Дуная и воспитана ею какъ дочь; а кто она — никто не знаетъ. Былъ себѣ баронъ, богатый, знатный. Онъ имѣлъ брата, несчастнаго въ дѣлахъ супружества: три раза былъ онъ женатъ, и три раза новобрачная умирала на другой день брака; умеръ наконецъ и онъ самъ. Пошла молва, что такъ уже на роду написано этимъ баронамъ, что и брату не сдобровать. Братъ хотѣлъ доказать противное, и вмѣсто того чтобы выбирать супругу изъ баронессъ, вздумалъ искать невѣсту изъ поселянокъ — долины истоковъ Дуная. Черезъ герольда онъ далъ знать имъ объ этомъ, приглашая ихъ къ себѣ въ замокъ. Узналъ объ томъ и Цвѣтокъ долины, и мать ея, и ея милый Рудольфъ, оруженосецъ барона. Старушка въ радости, молодые въ горѣ. Надобно знать, что они уже сосватаны, а сосватала ихъ Наяда, въ то время когда онѣ отдыхали на берегу Дуная, надѣвши перстни на ихъ руки. Невинные, они проснулись, бросились другъ другу въ объятія... и теперь ихъ мучитъ мысль, что баронъ ихъ разлучитъ. Наконецъ они придумываютъ средство избавиться отъ барона: Цвѣтокъ Долины постарается представиться барону глупою, безобразною, вelloвкою мужичкою. Сцена перемѣняется, мы въ галлерей замка баронова, обращенной однимъ своимъ концомъ къ Дунаю, къ его глубинѣ. Являются воины, пажи, поселянки, поселяне, баронессы, бароны, самъ баронъ... тутъ и Рудольфъ, и Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ предлагаетъ барону и ту, и другую изъ поселянокъ, — не нравится барону ни одна. Онъ указываетъ на Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ, хочетъ обмануть, снова предлагаетъ другую; но баронъ требуетъ, знаетъ чего. Мать велитъ Цвѣтку Долины выйти къ барону, она не хочетъ, Рудольфъ мучится, она то-же, наконецъ повинуется, выходитъ мужичкою, — и всетаки нравится барону. Горе... Цвѣтокъ Долины не можетъ скрыть его, начинаетъ вмѣстѣ съ Рудольфомъ умолять мать, барона... все напрасно. Тогда Цвѣтокъ Долины взлетаетъ на перилы конца галлерей, доказываетъ, что она не измѣнитъ Рудольфу, — и бросается въ Дунай. Утонула. Веѣ бѣгутъ туда... утонула. Когда поднялся занавѣсъ втораго акта, намъ представился берегъ Дуная, и на противоположной горѣ великолѣпный замокъ барона. Рудольфъ терзается и бросается въ Дунай... Музыка вдругъ измѣняетъ тонъ и сцена вся медленно поднимается вверхъ съ Дунаемъ, съ замкомъ барона, словомъ — вся, поднимается все выше, — и потомъ раскрывается подземное-подводное царство Дуная, которому небо почва земли, переплетенная корнями, болотными травами... и чудное царство, влажное, туманное. И вонъ Рудольфъ,

падаетъ вглубь, упадаетъ на цвѣты. Являются ондины, волнуются, рѣзвятся, исчезаютъ. Рудольфъ пробуждается, встаетъ, въ изумленіи осматривается, не понимаетъ ничего. Ондины снова волнуются вокругъ него, между ними и цвѣтокъ Долины. Онъ ищетъ ее между ними, долго не можетъ найти, потому что она хочетъ его испытать, наконецъ находитъ... Они супруги... Они будутъ жить на землѣ. И снова подводное царство опускается вглубь, снова прежній разливъ Дуная,—и на раковинѣ выплываетъ изъ водъ юная чета... Поселяне, поселанки, баронъ видятъ это, изумляются... Занавѣсъ опускается. Тальони была восхитительна. Жаль, что нѣгдѣ сказать болѣе.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Прощайте.

Из. Срезн.

ХП.

№ 11.

19-е Ноября 1839. Спб.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Летай!... но въ вольномъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгулемъ вольности согрѣта,
Ты младшихъ братьевъ не забудь;
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись...
Ихъ много тамъ, гдѣ шумъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья
Когда-то зовъ услышать твой,
Когда-то крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой!
О, вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ:
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней!

И хладъ сердцеъ единокровныхъ
 Любовью жаркою согрѣй!..
 Ихъ часъ придетъ. Окрѣпнуть крылья,
 Младые когти отроостутъ,
 Вскричать орлы—и цѣпь насилья
 Желѣзнымъ клювомъ расклюють.

Какъ-же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи? Не правда-ли, хороши? Они—Хомякова—и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ¹⁾. Царю не угодно было этого позволять. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—вѣроломные Тевтоны и Богъ знаетъ что подумаютъ. Я было хотѣлъ вамъ выписать и еще одни стихи Давыдова изъ Утренней Зари на 1840, но теперь этого альманаха у меня нѣтъ подъ рукою. Альманахъ этотъ только что изданъ и украшенъ великолѣпными картинками, изъ которыхъ на первой портреты вел. княжонъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Другихъ литературныхъ новостей мало. Отечественныхъ Записокъ готовится 12-й номеръ, первые 11-ть у меня подъ руками, и я безпощадно рву изъ нихъ статьи, которыя могутъ быть особенно занимательны за границей. Сына Отечества вышелъ только № 8-й, Библіотеки для чтенія не вышелъ еще 11-й за тѣмъ, что идетъ споръ между Сенковскимъ и цензурой: выйдетъ вѣроятно вмѣстѣ съ 12-мъ. Изъ книгъ нѣтъ ничего особенно важнаго. Что до зрѣлищъ, то во 1-хъ) въ Павловскѣ пріѣхали плясать и пѣть Московскіе Цыганы: стоитъ взять мѣсто на паровозѣ—и въ 25 минутъ тамъ; но мнѣ не придется съѣздить;—во 2-хъ) въ среду Таллони на сценѣ въ повомъ балетѣ «Тѣнь»,—и я опять не успѣю, потому что ѣду во вторникъ. Можетъ быть есть и еще что нибудь новое, но не припомню, или не знаю.

Мои личныя новости, которыя, для васъ, душенька маменька, лучше всѣхъ новостей, вотъ какія: былъ два раза у графа Головкина²⁾ и у министра. Первый разъ былъ у Головкина съ визитомъ и обласканъ, какъ не ожидалъ. Онъ спрашивалъ меня, что я сдѣлалъ уже, что готовлюсь дѣлать, вникалъ во всѣ подробности, и потомъ просилъ меня зайти къ нему проститься. Сегодня я простился съ нимъ: онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и велѣлъ относиться къ себѣ обо всемъ, что нужно будетъ. Добрый старикъ. Душевно благодаренъ ему. «Можетъ быть уже меня на свѣтѣ не будетъ, когда вы

¹⁾ Въ изданіи стихотвореній А. С. Хомякова эта пьеса, помѣщенная подъ назв. «Орелъ», подписана 1832 г. (издатель, впрочемъ, не увѣренъ въ правильности даты); кстати замѣтимъ, что списокъ приведенный здѣсь нѣсколько отличается отъ напечатаннаго въ собраніи стихотвореній А. С. Х. (М. 1861, М. 1881).

²⁾ Попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

воротитесь!» сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. «Позволяю себѣ надѣяться, что буду имѣть счастье поднести вамъ отчетъ о моемъ путешествіи и посылно оправдать предъ вами довѣріе ваше!» Онъ пожалъ еще мнѣ руку, и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ помните, что вы трудитесь для отечества, и все будетъ хорошо».—У министра, т. е. у С. С. Уварова, я былъ третьяго дня, только что воротившагося изъ Польши. Узнавши, что я здѣсь, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть, но что теперь очень занятъ, а свободнѣе будетъ на слѣдующей недѣлѣ. Я однако добился быть у него на этой недѣлѣ. И принять былъ прекрасно. Онъ спрашивалъ меня подробно, что я уже успѣлъ сдѣлать касательно Южной Руси и Славянины, что намѣренъ дѣлать, какъ предполагаю заниматься, и т. п. Даль нѣсколько совѣтовъ, кое-что замѣтилъ, какъ я долженъ вести себя передъ Нѣмцами, предложилъ рекомендательныя письма въ Прагу, велѣлъ относиться къ себѣ въ случаѣ нужды: замѣчательно для меня и начало нашего свиданія: когда я вошелъ въ кабинетъ и поклонился, онъ медленно подошелъ ко мнѣ, сталъ въ меня всматриваться и потомъ протяжно сказалъ: «Такъ это вы—г-нъ Срезневскій! Очень радъ, что вижу васъ наконецъ». Пока не дошло до «очень радъ», я ничего не понималъ, и чуть-чуть не струсилъ: онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ всего меня съѣсть или по крайней мѣрѣ высмотрѣть. Прощаясь, онъ положилъ обѣ свои руки на мою руку, и сказалъ: «Работайте, молодой человекъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе—вліяніе благотворное и слѣдовательно производимое строго-совѣтливо».

Еще я былъ у Бенардаки, и везу отъ него въ Чехію тысячу рублей. Тутъ я видѣлся... съ милымъ существомъ—Вы не угадаете какимъ. Была когда-то въ пансіонѣ Нагель ¹⁾ дѣвица Ваффей (Катинька). Она теперь замужемъ, и уже болѣе году въ П-бургѣ. Бывши въ первый разъ у Бенардаки (откупщика), я встрѣтился съ нею на порогѣ. Мы узнали другъ друга, но уже разминувшись. Бывши сегодня, я слышалъ отъ Бенардаки, что она узнала меня, каждый день спрашивала былъ ли я, буду ли я, просила послать за нею, лишь только я пріѣду,—и случаю угодно было, что бы мы встрѣтились наконецъ. Не смотря на присутствіе чужихъ, мы не могли не обрадоваться этой встрѣчѣ. А потомъ—и простились, какъ слѣдуетъ прощаться учителю и ученицѣ, умѣющимъ уважать другъ друга взаимно. Она была прекрасная дѣвица,—теперь прекрасная женщина—жена и мать, предпочитающая домашній уголъ всему блеску свѣта. Да, она должна была быть такою.

¹⁾ И. И. С.—ій былъ преподавателемъ въ пансіонѣ г-жи Нагель въ Харьковѣ; здѣсь онъ между прочимъ преподавалъ географію (изъ письма воспитанницъ этого пансіона, сохранившагося въ архивѣ И. И. С.—го).

Однако я опять пишу дурно,—скоро и неразборчиво. Что будешь дѣлать! Вѣчно забуду. Впрочемъ уже и поздно: скоро 4 часа утра. Пора спать. Завтра допишу этотъ листокъ, послѣдній изъ Петербурга. № 12-й будетъ уже изъ Риги или изъ Митавы. Покойная ночь.

20 ноября 1839.

8-й часъ вечера. Пьемъ чай. Чаюданъ мой уже уложенъ; портфель то-же. Остается немного кончить—и basta. Что оставляю у брата, о томъ онъ самъ напишетъ. Многое бы надобно было еще сдѣлать въ П-бургѣ, но я не безъ надежды воротиться въ П-бургъ изъ-за границы, и слѣдовательно надѣюсь успѣть додѣлать черезъ два года, что не додѣлалъ теперь. Уѣду даже не простившись со всѣми. Впрочемъ, завтра буду еще у Роберти проститься: многимъ я обязанъ ему, и грѣхъ мнѣ забыть его. Кстати: онъ скоро воротится въ Харьковъ—предсѣдателемъ Казенной Палаты, вмѣсто Крылова ¹⁾). Кое-когда напишу къ вамъ письмо и черезъ него... Завтра еще прибавлю нѣсколько словъ, если успѣю. Ъду завтра въ 10 часовъ утра.

21.

Прощайте, маменька! Черезъ 50 минутъ ѣду ²⁾).

ХІІІ ³⁾.

Янишекъ, въ 44 вер. отъ Митавы и въ 40 отъ Шавли.

Вторникъ, 28-е нояб. 1839.

Вотъ гдѣ я теперь, милый братъ. Не спрашивай, что это такое: не скажу ничего, потому что ничего не знаю, потому что уже вечеръ, и такъ холодно, что я изъ коляски выпрыгнулъ въ комнату какъ бравое ядро. Скорѣ могу разказать, какъ я наконецъ добрался до сюдасъ надеждою послѣ завтра быть въ Тильзитѣ. Кое что объ этомъ я писалъ маменькѣ въ № 12-мъ ⁴⁾); кое-что могу написать и тебѣ съ прибавленіемъ того, о чемъ не могъ написать маменькѣ: ты прочтешь это письмо, и, прибавя къ нему отъ себя еще полулистокъ, перешлешь къ маменькѣ.

Путь мой отъ С-Петербурга до Риги былъ очень гладокъ, хотя и не такъ быстръ, какъ я ожидалъ, или какъ можно было ожидать суда, по разстоянію. Въ 11-мъ часу утра 21-го числа, какъ ты знаешь, коробъ нашъ двинулся

¹⁾ Дмитр. Серг. Крыловъ.

²⁾ Дальше на томъ же листѣ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

³⁾ Письмо Николаю Ив. Срезневскому. Хотя это письмо адресовано не Еленѣ Ив. Срезневской, мы рѣшаемся включить его въ печатаемое собраніе писемъ; думаемъ, что оно не только не нарушитъ единства этого собранія, но, какъ предназначавшееся для пересылки Еленѣ Ив. Срезневской, даже явится необходимымъ его дополненіемъ.

⁴⁾ Письмо это не сохранилось.

съ мѣста и только въ 4-мъ часу по полудни 25-го числа вдвинулся въ лабиринтъ Рижскихъ канавокъ—я хотѣлъ сказать—улицъ: выходить, что онъ подвигался менѣе пяти верстъ въ часъ. Впрочемъ это зависѣло отчасти и отъ самихъ насъ, пассажировъ: кого холодъ, кого голодъ, кого скука неподвижности сидѣнія въ клѣткѣ заставляла выходить изъ нее при каждой перепряжкѣ лошадей, и выходили всѣ, и разбалтывались на станціи, и съ сожалѣніемъ выходили изъ комнаты и съ неудовольствіемъ садились въ клѣтку,—а время между тѣмъ уходило. Разумѣется этого бы не могло быть, если бы мы не были довольны другъ другомъ. И вотъ кто были эти мы, кромѣ меня: моимъ сосѣдомъ былъ поручикъ Артиллеріи (отставной) Николай Ивановичъ Соймоновъ, премилый и довольно образованный человѣкъ (онъ будетъ у тебя, и разскажетъ подробно о нашемъ странствіи, а ты, конечно, примешь его ласково, какъ онъ того стоитъ); № 3-й и 4-й полковникъ отставной и молодой архитекторъ Коренин¹⁾ (тотъ самый, который строилъ рѣшетку передъ домомъ г. Шереметева, и украшалъ внутренность этого дома), отправляющийся теперь въ путешествіе за границу, и до сихъ поръ сопутствующій мнѣ; № 5 и 6 —Рижскій купецъ съ женою—христіане, но вѣроятно изъ Жидовъ; № 7 и 8 майоръ отставной и актеръ С-П(етер)бургской Нѣмецкой труппы, переѣзжающій за славою и деньгами въ Ригу. Мы всѣ сблизились такъ хорошо, что составили изъ себя une угаіе société de voyage: подробности разскажетъ тебѣ Соймоновъ.—Что до путевыхъ моихъ наблюденій, я ихъ сдѣлалъ очень-очень мало: едва-ли достанетъ и на полъ-страницы. Путь лежитъ между лѣсами, черезъ разные разливы водъ, и для проѣзжающаго лѣтомъ представляетъ, я думаю, много хорошихъ видовъ: лучшіе—у Финскаго залива, у Пейпуса, у рѣки Аа. Станціи почти всѣ устроены очень чопорно и содержатся Нѣмецкими хозяевами: на станціи находишь двѣ—три, а иногда и болѣе чистыхъ комнатъ, изрядно меблированныхъ, фортепьяно, двухъ—трехъ служанокъ съ прекрасными таліями, чисто поданное кушанье, прекрасно приготовленный кофе, и т. п. Русскаго встрѣчаешь все меньше и меньше; вмѣсто Русскаго языка слышишь сначала Нѣмецкій и Чухонскій, потомъ Нѣмецкій и Латышскій,—даже Русскіе многіе говорятъ лучше по-Нѣмецки нежели по-Русски. Языки Чухонскій и Латышскій очень сладковучны. На самихъ Латышахъ я не замѣтилъ ничего особенно оригинальнаго; а Чухны очень милы въ своихъ полу-нѣмецкихъ курткахъ, съ длинными рыжими волосами, съ глупымъ своимъ, но очень добрымъ взглядомъ. Города по дорогѣ—Ямбургъ, Нарва, Дерптъ, Валкъ, Вольмаръ—промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное понятіе: Ямбургъ еще Русскій городъ; Нарва уже въ половину Нѣмецкій, всѣ другіе почти чисто Нѣмецкіе; болѣе всѣхъ Нѣмецъ—Дерптъ, и Нѣмецъ старый—

¹⁾ Геронимъ Доминикъ Коренин (1811—1886), впоследствии (1849) академикъ архитектуры.

улицы кривы, узки, кирка чисто Нѣмецкая съ башнею, дома высоки и покрыты черепицей и т. д. Рига есть не только Нѣмецкій, но и старый Нѣмецкій городъ: передъ нею Дерптъ Франтъ, хоть и бѣдиѣ ея въ 10 разъ: въ ней улицы уже Невскихъ тротуаровъ, дома иные пережили 3 или 4 вѣка и выдвигаются одинъ изъ за другаго мебелью въ мебельной лавкѣ, кирпичи почернѣли и напоминаютъ своими спицами 15-й вѣкъ. Что-же еще сказать... что-то ничего въ голову неидетъ. Крѣпости въ Нарвѣ и Ригѣ могутъ быть крѣпостями, и Рижская даже обведена каналомъ, а Нарвская даже сохраняетъ обликъ старины. Двина въ Ригѣ лучше Невы, шире, величественнѣе. Въ Ригѣ я останавливался, вмѣстѣ съ Соймоновымъ и Корсини въ одной квартирѣ, въ Митавскомъ форштадтѣ, въ гостинницѣ Чернаго Орла, — и квартира была чисто Нѣмецкая: дѣвушки прислуживали, кровати были покрыты свѣжимъ бѣльемъ, самъ хозяинъ топилъ печь и т. п. Тоже было и въ Митавѣ, куда мы поѣхали въ прошлое воскресенье вечеромъ въ 5 часовъ, т. е. 26 числа (дилижансъ отъ Риги до Митавы идетъ два раза въ день — въ 8 и въ 5). Сегодня утромъ мы наняли съ Корсини коляску съ четверкой лошадей у Нѣмца фурмана за 28 цѣлковыхъ до Тильзита и, простившись съ добрымъ Соймоновымъ, поѣхали. Вотъ уже 44 версты проѣхали, и теперь ждемъ пока кормятъ лошадей и оба пишемъ письма. Фурмана нельзя было нанять дешевле, а почтовые для меня одного пришлись бы дороже 14 цѣлк. По крайней мѣрѣ теперь мы ѣдемъ покойно, и не будемъ хлопотать ни о чемъ до тѣхъ поръ пока опять будетъ возможность сѣсть въ дилижансъ. Съ Корсини мы ѣдемъ до Кёнигсберга: оттуда я въ Берлинъ, онъ въ Варшаву. Коляска у насъ большая, четверомѣстная, съ зонтикомъ: она напоминаетъ мнѣ своимъ устройствомъ одну, въ которой когда-то сидѣлъ и я вмѣстѣ съ другими, когда она ѣхала въ Вѣлгородъ и обратно въ Харьковъ. Давнопрошедшее! Теперь мы сидимъ вдвоемъ и ищемъ носами въ воздухѣ того фокуса, который можетъ насъ навести на сладкій сонъ. — Спать уже хочется. Завтра напишу еще чтонибудь.

29-е ноября, 3 часа утра. Въ пяти верстахъ отъ Шавля; Жидовскій постоянный дворъ.

Нечистота, вонь, холодъ. Если бы не вѣтеръ, то лучше бы въ коляскѣ высидѣть эти два часа. Знать, что мы въ центрѣ Виленской губерніи. Вмѣсто Нѣмцевъ и Латышей тутъ Поляки и Литовцы и Жидовъ пропасть. Корсини укатался кос-какъ на кровати, а я развернулъ портфель; впрочемъ не знаю буду-ли, т. е. будутъ-ли мои пальцы въ состояніи писать... Покажѣсь они еще коломъ стоять.

Таурогенъ. 30-е ноября. 1839. 8 часовъ утра.

(7 верстъ отъ Рус. границы).

Мои пальцы не въ состояніи были писать. Я усѣлся на чемъ то, носящемъ названіе софы, укутался и заснулъ. Потомъ поѣхали, потомъ ѣхали безъ малаго цѣлыя сутки, и еще ѣхали, и въ 5-мъ часу утра сегодня пріѣхали въ Таурогенъ, пограничное таможенное мѣстечко Русское. Напившись чаю, Корвинъ пошелъ визировать паспорта наши, а я принялся за этотъ листокъ, чтобы написать хоть еще нѣсколько строчекъ изъ Россіи.

Что-же написать? На умѣ у меня теперь только одно, какъ-бы переѣхать черезъ границу... а что стараюсь забыть и что впрочемъ до сихъ поръ напоминаетъ о себѣ, это—Виленская губернія. Жалкая сторона! Мы ѣхали черезъ нее по прекрасному шоссе; но только въ ней это и хорошее. Простой народъ—Литвины—народъ полудикій, грубый и невѣжественный; Жиды попадаютъ на каждомъ шагу—и Жиды факторы, и Жиды трактирщики, и Жиды купцы, и Жиды нищіе, и даже Жиды земледѣльцы,—а гдѣ они, тамъ нечистота, гадость, вонь, обманы и т. д.; Нѣмцы—не тѣ Нѣмцы, съ которыми весело встрѣтиться въ Лифляндіи или Курляндіи; Поляки, наконецъ, занимая мѣсто высшаго сословія, нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ и Литвы, и Нѣмціи Литовской, и Жидовіи вмѣстѣ, имѣя впрочемъ очень часто фizioномію прекрасную, благородную или миловидную. Вчера послѣ обѣда мы останавливались въ Жидовскомъ городкѣ Кельмѣ,—и посмотрѣлись на всякаго рода здѣшнихъ людей. Городокъ не бѣдный, торговый, есть и порядочные домики, но грязь и нечистота ужасныя. Въ Таурогенѣ гостинницу содержитъ также Жидъ, и хоть въ комнатѣ полъ усыпанъ ельникомъ по Нѣмецкому обычаю, и все довольно чисто, но Жидовіа отзывается во всемъ, начиная съ чайника съ надбитымъ горлышкомъ до копѣчныхъ отчетовъ при размѣнѣ денегъ.

Перевертываю страницу только съ тѣмъ, что бы сказать, что черезъ полчаса мы ѣдемъ въ Тильзитъ, до котораго отсюда 4 мили, т. е. 28 верстъ. Прощай, душа братъ! Прощай, будь счастливъ, не забывай чаще писать къ маменькѣ. Поцалуй за меня добраго Андрея Лаврентьевича ¹⁾, поблагодари его за вниманіе ко мнѣ. Не забудь также исполнить мои порученія: отдать Аркадію Ивановичу Мартынову письмо съ посылкой и попросить, что-бы онъ приказалъ послать деньги мои въ Прагу не позже января 1840, послать ко мнѣ карту Россіи, спросивши прежде, можно-ли переслать (деньги за карту и пересылку ея получишь отъ маменьки).

Предоставляю тебѣ дополнить для маменьки этотъ листокъ, и послать къ маменькѣ.

¹⁾ Барковский—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго.

Еще Прощай! разъ Прощайте и вы, маменька, и вы, добрые мои знакомыя и друзья! Черезъ $\frac{1}{2}$ часа въ путь, и черезъ часъ съ небольшимъ уже въ Пруссіи. Прощайте.

И. Срезневскій.

XIV.

№ 1. Берлинъ. 1839. Декабря $10^{10/22}$.

Вотъ уже 19 дней, какъ я не писалъ къ вамъ ни строчки, милая маменька, и мнѣ становится совѣстно, даже грустно. Хотѣлъ написать изъ Тильзита—не успѣлъ, хотѣлъ написать изъ Кёнигсберга—опять не успѣлъ... Изъ Берлина уже грѣхъ не написать—по крайней мѣрѣ одно письмо. И вчера я началъ писать, написалъ двѣ страницы, но такъ дурно, что тотчасъ же разорвалъ,—и вотъ теперь, вставши довольно рано, принимаюсь опять писать.

И такъ, маменька, я за границей—за 750 верстъ отъ границы Русской, за 3000 верстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогою, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ъхавши такъ долго—и по времени—и по пространству—все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея, безпредѣльной, есть предѣлы,—и вдругъ... боляска остановилась, Русскій чиновникъ вышелъ, записалъ наши паспорта, велѣлъ поднять рогатку, фурманъ хлопнулъ по лошадямъ... я былъ уже внѣ Россіи. Вздогнуло мое сердце; мнѣ хотѣлось заплакать; мнѣ хотѣлось, чтобы лошади повернули назадъ—и прямо въ Харьковъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо. Нѣтъ! Прощай, Харьковъ! Прощайте, душенька маменька! И вы, съ которыми связывало меня безкорыстное чувство взаимнаго уваженія, можетъ быть даже взаимной любви! И вы, которыхъ я не могъ не почитать, зная, что и самъ я, будучи вами понятъ, не буду по крайней мѣрѣ презираемъ. Веѣ—прощайте—на долго,—и по крайней мѣрѣ не забудьте помнящаго и часто о васъ вспоминающаго странника.

Я выѣхалъ за границу 30 ноября, въ четвергъ, въ 11-мъ часу утра. Съ тѣхъ поръ прошло 10 дней. Перескажу вамъ, милая маменька, хоть кратко, какъ прошли эти 10 дней.

Въ первомъ часу по полудни мы приѣхали въ Тильзитъ (мы, т. е. я да Корсини, съ которымъ мы ѣдемъ вмѣстѣ до Кёнигсберга). По дорогѣ до Тильзита (20 верстъ съ небольшимъ отъ Таурогена) я замѣтилъ только, что Прусское шоссе уже и хуже нашего, что тамъ, гдѣ оно поднято надъ низкими мѣстами, нѣтъ барьеръ, такъ что когда лошади взбѣсятся, можно будетъ

полетѣть кувыркою въ какое нибудь болото,—и болѣе ничего не замѣтить все думалъ о томъ, что оставилъ въ Россіи и чего могу ожидать за границей, грустилъ, утѣшалъ себя, и опять тосковалъ...

Въ Тильзитѣ мы переѣзжали черезъ Мемель по льду, и остановились въ Hotel de S.-P.burg, въ прекрасной холодной и сырой комнатѣ. Изъ оконъ можно было видѣть часть города, а походивши по городу $\frac{1}{4}$ часа можно было познакомиться съ нимъ вполне. Городъ небольшой, имѣющій 12,000 жителей, довольно старый, слѣдовательно довольно тѣсный, не то, что Рига, гдѣ вмѣсто улицъ какія-то канавы, обшиты шкафами, но что-то въ томъ-же родѣ, и улицы кривы и узки, и дома въ нѣсколько этажей, все каменные, и все самыхъ дивныхъ формъ, напр.:

и т. д. Нѣкоторые выстроены изъ кирпича другіе изъ дерева и кирпича вмѣстѣ такъ что въ деревянныя перекладины вкладывается кирпичъ, иные изъ дикаго необтесаннаго камня природныхъ формъ, такъ что кирпичемъ выложены только окна двери и пр. Улицы сходятся напр.

вотъ этажъ:

или вотъ такъ:

или какъ нибудь еще затѣйливѣе. И таковы то всѣ старыя Нѣмецкіе города и городки.

Взявши мѣсто въ Personen-Post, въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Тильзита, а въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Кѣнигсбергѣ. Всю ночь, я спалъ, слѣдовательно, ничего не видалъ. Знаю только, что передъ выѣздомъ изъ Тильзита, передъ каждой шоссею заставою, передъ пріѣздомъ на станцію и передъ выѣздомъ изъ нея, почтальонъ трубилъ въ трубу, и что лошадей перемѣняли не болѣе какъ въ 5 минутъ. Кстати сказать, что и дилижансы, называемые Personen-Post, и другіе—Eil-Post, содержатся въ Пруссіи отъ казны, и что вообще все почтовое вѣдомство устроено превосходно: экипажи хуже нашихъ дилижансовыхъ, но за то лошади гораздо лучше, и везутъ

акуратно ни болѣе, ни менѣ времени, какъ опредѣлено. Personen-Post дешевле Eil-Post и ѣдетъ очень немногимъ медленнѣе.

Въ Кёнигсбергѣ я пробылъ 5 дней: нельзя было не познакомиться и съ городомъ, и съ учеными. Городъ старый, слѣдовательно, какъ вамъ ужъ извѣстно, состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкафами, и, не смотря на то, что имѣетъ 70,000 жителей, занимаетъ очень небольшое пространство, гораздо меньше нежели Харьковъ. Заблудившись разъ, я могъ уже смѣло бродить по городу изъ конца въ конецъ, и потому нанималъ лондинера (за 2 рубля въ день) только на первый день, а объ извозчикѣ (тутъ есть и сани, и дрожки) и не думалъ. Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что стоитъ вниманія—и соборъ, и музей, и библиотеку, и замокъ, и университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, но хуже Рижскаго; въ соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной его стороны есть галерея, называемая stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которою на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ «думай, дѣйствуй» (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и университетская церковь. Университетскія зданія тутъ-же подлѣ: старые, дрянные дома, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училищѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому что это нечистыя комнатки, уставленные гадкими столами и скамьями, а кафедры, такія же гадкія, годились-бы развѣ для Миргородской базарной торговли, и самая лучшая аудиторія только что поболѣе другихъ, впрочемъ, то-же не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами. Театръ порядочный, но актеры напоминаютъ труппу Млатковского. Замокъ—обширное зданіе съ большою площадью внутри и съ башнями. Главная башня очень высока и представляетъ съ себя прекрасную панораму разнообразныхъ крышъ и канавъ города. Домъ Канта—вотъ онъ, сколько помню:

Надъ входомъ есть надпись, по черному полю золотыми буквами, что въ немъ жилъ и училъ Кантъ съ 1784 по 1804. Кажется, я и еще что-то видѣлъ въ Кёнигсбергѣ, но теперь не припомню. Да! Въ Замкѣ я видѣлъ Московитеръ-залъ: большая, низкая, и никто не знаетъ, почему такъ названа. Еще видѣлъ старинную Польскую церковь: мрачная. Въ Кёнигсбергѣ многіе умѣютъ жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живутъ очень хорошо. Даже моя комнатка въ Deutsches Haus была съ мебелью краснаго дерева, съ висейною драпри, украшенною бронзой на окнахъ, съ голландскимъ бѣльемъ на постели, съ фарфоромъ въ умывальнѣ. Остается еще сказать о профессорахъ:

я познакомился съ Ѧ-ю и у двухъ былъ на лекціи. Первое мое знакомство было съ Шубертомъ, профессоромъ политическихъ наукъ. Онъ полюбилъ меня, я—его, и мы видались почти каждый день. Очень добрый, очень милый, хотя и честолюбивый, человекъ. Жена его также очень добрая женщина, дѣти—милые нѣмчурки. Два раза я у него обѣдалъ и провелъ время до вечера, и подарилъ Шуберту экземпляръ своей диссертациі¹⁾, пересказалъ содержаніе—и, вы повѣрите, маменька, какъ обрадовался, когда узналъ, что Шубертъ не только одобряетъ мои мысли, но и почти вполнѣ согласенъ съ ними. Съ тѣхъ поръ предметомъ нашихъ разговоровъ большею частью была статистика, и какъ можно ее усовершенствовать какъ науку. Мы разстались добрыми пріятелями, обѣщая другъ другу продолжать знакомство перепиской²⁾. Розенкранцъ³⁾, профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напомнившая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любить,—и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ⁴⁾. У него и у Шуберта я былъ на лекціи: оба читаютъ прекрасно. Кромѣ того я познакомился съ Мозеромъ⁵⁾ и Фохтомъ⁶⁾ и наконецъ—съ кѣмъ-бы вы думали?—съ Швейкартомъ. Добрый старикъ помнить папеньку, васъ, меня, Харьковъ и приказалъ передать вамъ свой душевный поклонъ⁷⁾. Сверхъ того я видался каждый день по нѣсколько разъ съ Прейсомъ, который посланъ путе-

¹⁾ Докторская диссертациі И. И. Ср—скаго (Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839), не допущенная совѣтомъ Харьковского университета къ публичной защитѣ вслѣдствіе новизны взглядовъ, высказанныхъ въ ней авторомъ.

²⁾ Считаемо не лишнимъ привести нѣсколько словъ о Шубертѣ изъ донесенія И. И. Ср—скаго министру народнаго просв.: «Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается я чисто-Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его не помощью началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы (Ж. М. Н. Пр. 1841, 8).

³⁾ Karl Rosenkranz—извѣстный послѣдователь Гегеля, докторъ философіи; былъ профессоромъ сначала въ Галле, потомъ въ Кѣнигсбергѣ (1799—1868).

⁴⁾ «Розенкранцъ, занимаясь народной поэзіей въ отношеніи эстетическомъ и мисологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ міру Славянскому». (Изъ донесенія И. И. Ср—го изъ Вѣны).

⁵⁾ Проф. физики въ Кѣнигсбергскомъ университетѣ.

⁶⁾ Johannes Voigt (1786—1863), проф. исторіи и директоръ Кѣнигсбергскаго архива.

⁷⁾ Ferdinand Karl Schweikart; въ 1813—1816 г. былъ профес. въ Харьковѣ. О его службѣ въ Харьковѣ есть нѣсколько словъ въ воспоминаніяхъ Роммеля (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. ун-в.): Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, пишетъ Роммель, былъ мой другъ благородный философъ Швейкартъ... Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ; отсюда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кѣнигсбергъ, а въ 1844 г. вызванъ былъ въ Берлинскій синодъ.

жествовать отъ Петерб. университета, съ тою-же цѣлю какъ и я, и теперь живетъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка ¹⁾.—Вообще я провелъ въ Кёнигсбергѣ время очень, очень пріятно; дай Богъ, что бы и всюду такъ. Кое-что успѣлъ я прочесть и даже досталъ одну старинную Слав. грамоту (отъ Фохта).

5-го числа декабря я выѣхалъ изъ Кёнигсберга въ 6^{1/2} часовъ вечера, и 8-го въ 3-мъ часу послѣ обѣда былъ уже въ Берлинѣ. Скажу нѣсколько словъ о дорогѣ.—Мое мѣсто въ Personen-Post случилось угольное (это лучшія мѣста) и задомъ къ движенію экипажа; въ ногахъ бурка, подъ бокомъ подушка, на головѣ шапка, на мнѣ самомъ шуба и шинель,—мнѣ было тепло и покойно. Вотъ кстати и

расположеніе кареты:

а вотъ и видъ:

а) входъ въ карету; б) мѣста: 9 мѣстъ въ каретѣ; в) три мѣста въ кабриолетѣ, изъ нихъ одно для кондуктора; что-бы пройти въ заднія мѣста, надобно перелѣзть черезъ подушку средняго ряда; мое мѣсто означено крѣстикомъ; первый рядъ и средній рядъ сидятъ ногами другъ къ другу, д) мѣсто для почтальона, е) ящикъ для багажа; сверху кареты другой.—На каждой станціи останавливались не болѣе 5 минутъ, исключая завтрака, обѣда и ужина, на что употреблялось по 20 или по 30 минутъ. Приѣзжая на станцію, гдѣ можно кушать, все находишь готовымъ и плата очень недорогая. Пассажиры мѣнялись непрерывно одни другими, и только четверо доѣхали изъ Кёнигсберга до Берлина, другіе пристали или отстали въ полудорогѣ. Люди были большею частію не занимательные.—Дорога отъ К. до Б. лѣтомъ должна быть во многихъ мѣстахъ прелестна: почти непрерывно тянется аллея раицъ, осинъ, липъ; часто идетъ боромъ или березовой рощей, и дорога вьется и то поднимается, то спускается внизъ; часто видишь прекрасные сельскіе домики, рѣдко лачужки. Прелестно. Фрауенбургъ мы проѣхали ночью; жаль, потому

¹⁾ Въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С.—ій такъ пишетъ объ этомъ первомъ личномъ знакомствѣ съ Петромъ Ив. Прейсомъ: «Первый мой визитъ былъ Петру Ивановичу Прейсу, какъ сотоварищу по пути, мною избранному. Онъ живетъ съ мѣсяцъ и пробудетъ еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резн. Милый молодой человѣкъ, отъ котораго многого можно надѣяться. Съ нимъ я провелъ очень весело почти все утро и до 4-хъ часовъ пополудни. Онъ проводилъ меня къ квартирѣ профессора Шуберта»... (Кёнигсбергъ. 1839. Дек. 1).

что здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться. Эльбингъ—миленькій городъ съ 25,000 жителей, и довольно новый, слѣдовательно, не богатый старонѣмецкими вычурами: его мы тоже проѣзжали ночью, но луна свѣтила и наружность города можно было хорошо видѣть. Въ Маріенбургѣ останавливались на 20 минутъ. Это время я употребилъ, что-бы обѣгать замокъ. Огромное и великолѣпное зданіе. Не знаю впрочемъ жалѣть-ли или радоваться, что и наружность и внутренность его подновлены. Я бѣгалъ по корридорамъ, лѣстницамъ и заламъ, представляя себя жильцемъ 15-го вѣка: чудное состояніе. Стоило бы остановиться во многихъ мѣстахъ, но время не позволяло. Стрѣльчатые своды, разноцвѣтныя окна, мозаиковые полы, корридоры кольцами, витыя лѣстницы, статуи, образа гигантскаго размѣра, и всего много: живешь въ четверо тише, потому что впечатлѣніи вчетверо больше. Передъ Диршау переѣзжалъ черезъ Вислу: прекрасная рѣка. Штаргардъ хорошенькій городъ съ прекрасною площадью, что въ городахъ Германскихъ очень рѣдко, такъ что въ Кѣнигсбергѣ есть нѣсколько площадей величиною не болѣе и даже менѣе перекрестка передъ домомъ Генріэты Оедоровны ¹⁾, и называются торжественно площадями. Кюстринъ городъ съ 5,000 жителей на стрѣлкѣ соединенія Варты съ Одеромъ и вооруженъ большою крѣпостію, о которой я бы рассказалъ многое, если-бы пожилъ съ братомъ въ П-бургъ по болѣе. Отъ Кюстрина до Берлина только 11¹/₂ миль.—Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Берлину, тѣмъ жизни болѣе, и болѣе населенія, и болѣе движенія странниковъ пѣшихъ и въ экипажахъ,—и за 2¹/₂ мили показался Берлинъ. А вотъ ѣдутъ и фуры длиною и вышиною аршинъ по 5, вотъ и молочницы идутъ съ тѣлѣжками, въ которыхъ запряжены собаки, вотъ и почты обгоняютъ одна другую, вонъ дыматся и высокія трубы фабрикъ, вонъ и ворота Берлина. Я и забылъ сказать, что еще вечеромъ наканунѣ пересѣлъ я съ своего мѣста въ кабриолетъ, уступивши мѣсто мое одной больной дамѣ, которую беспокоилъ вѣтеръ: ночью было холодно, за то, вѣзжая въ Берлинъ, я видѣлъ его очень хорошо. Пріятно было вѣзхать въ широкую, прямую, прекрасно обстроенную улицу, въ городъ, на которомъ всюду отпечатокъ нашего вѣка: невольно веселѣе становится сердцу, будто принимаешь участіе, будто становишься членомъ въ этой кипучей дѣятельности. Полмили (3¹/₂ версты) ѣхали мы по улицамъ Берлина до почтоваго двора. Пріѣхали наконецъ; всякій отобралъ свои вещи и отправился съ ними въ свою сторону. Я по совѣту Шуберта, отправился въ Hotel de Brandenburg на площадь Жандармовъ. Тутъ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ маленькую комнату по 15 сереб. грошей въ день (по 1,80 коп.),—и я зажилъ.

¹⁾ Г. О. Юнкертъ; въ ея домѣ, въ Харьковѣ, жили Е. И. и И. И. Срезневскіе.

Впрочемъ, остаюсь въ моемъ отелѣ не на долго. Найму мѣсячную квартиру: это будетъ дешевле и даже выгоднѣе. Предполагаю остаться въ Берлинѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, потому что считаю необходимымъ послушать лекціи Боппа ¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Не могу жить долго, потому что у меня только 125 талеровъ (около 400 рублей); проживу сколько можно.

23 декабря, по нашему 11-е.—Вотъ уже скоро трое сутокъ, какъ я живу въ Берлинѣ, и до сихъ поръ не устроился. За то время летитъ. Первый вечеръ я провелъ въ театрѣ: виртуозъ-скрипачъ Прюмъ давалъ концертъ, дѣвица Шульце пѣла, и потомъ былъ данъ балетъ «Морской Разбойникъ». Прюмъ играетъ превосходно, Шульце поетъ громко, балетъ поставленъ, хоть и хуже Петербургскаго, но все хорошо. На другой день, побродивши утромъ по городу, я нашелъ квартиру нашего священника Доримедонта Васильевича Соколова, попалъ къ разъ на именины его жены Анны Сергѣевны, и воротился отъ него во 2-мъ часу ночи. Тутъ были почти все Русскіе; полковникъ Юни съ женою и 2 дочерьми, два брата Джонсены, два брата Маленины ²⁾, семейство полунѣмца Барту ³⁾, Нѣмецкій купецъ съ женою, и еще кто-то. Танцевали подъ фортопіано, пѣли, веселились отъ души,—просто, какъ у насъ. Юни просилъ меня на другой день къ себѣ, и я вчера опять воротился во 2-мъ часу: было тоже, и кромѣ прежнихъ я познакомился съ Свиридовымъ ⁴⁾, Калиновскимъ ⁵⁾, адъютантомъ принца Ольберхомъ ⁶⁾, двумя

¹⁾ Подъ руководствомъ Боппа И. И. С.—кій занимался Санскритскимъ языкомъ; вотъ что онъ пишетъ объ этихъ занятіяхъ (2 янв. 1840 г.) своему брату: «Познакомился и сошелся съ Боппомъ, у котораго слушаю Санскр. грамматику: выучу этимологию, да и поѣду изъ Берлина. Боппъ помогаетъ мнѣ отъ души и на лекціяхъ, гдѣ бываетъ не болѣе 4-хъ человекъ, особенное вниманіе обращаетъ на меня, стараясь передать мнѣ и то, что говорилъ онъ на прежнихъ лекціяхъ». Ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: «Остаюсь въ Берлинѣ еще на 3 недѣли. Надобно доучить Санскр. склоненія, выучить сраженія и лучше понять формы произведенія словъ. Боппъ мнѣ сказалъ, что въ полгода можно отлично узнать Санскр. языкъ, занимаюсь по 3 часа въ день; но полгода я не могу посвятить на это, да мнѣ и не нужно отлично знать Санскр. языкъ: хочу только понять его и, что еще важнѣе для меня, понять, какъ понимаютъ Герм. ученые сравнительность языковъ».

²⁾ Маленины, Александръ и Василій, окончившіе юрид. фак. Спб. ун. въ 1839 г.

³⁾ Семейство живописца Барду, какъ видимъ изъ слѣдующаго письма; вѣроятно это отецъ и сынъ—Карль и Алекс. Барду (Bardou), картины которыхъ бывали на Берлинскихъ выставкахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ гг. (см. Verzeichniss der Werke lebender Künstler, welche in den Sälen des Akademie-Gebäudes... öffentlich ausgestellt sind 1838. XXX. Kunstausstellung der Königl. Ak. d. Kunst.; также Verzeichniss 1840, 1842 гг.).

⁴⁾ Ил. Алекс. Свиридовъ, въ это время лекарь, впоследствии ордин. проф. суд. медицины и медицинской полиціи въ Харьк. унив.; посланный Харьковскимъ ун. для усовершенствованія въ исторіи медицины, въ 1839 г. онъ уже былъ на обратномъ пути въ Россію. (Изъ пут. зам. И. И. С.—го).

⁵⁾ Як. Ник. Калиновскій, впоследствии проф. сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Московскомъ университетѣ.

⁶⁾ Ольбертъ, адъютантъ принца Карла; въ письмѣ къ Н. И. Срезневскому И. И. С.—ій говоритъ, что Ольбертъ готовить переводъ на Нѣм. яз. нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина (Письмо изъ Берлина, 2 янв. 1840 г.). Эти переводы были изданы въ 1848 г.: Gedichte von Al. Puschkin übersetzt von E. v. O(l)berg. Berlin, 1848 (Межовъ. Puschkiniana 214). Вѣроятно Ольбергу же принадлежитъ переводъ сочиненій Пушкина, посвященный Имп. Величеству, изд. въ 1840 г.: Gedichte von Alexander Puschkin, aus dem Russischen übersetzt von E. von. O. Berlin. 1840 (ib. 210).

Русскими офицерами. Русский этот кружок мнѣ очень нравится, и Богъ дастъ я съ нимъ сживусь. Поминали не разъ объ Александрѣ Ивановичѣ ¹⁾, о Семенѣ Семеновичѣ ²⁾, о Мишинкѣ Касторскомъ ³⁾, и т. д. Русскіе тутъ любятъ другъ друга, и сживаются хорошо. Свиридовъ предлагаетъ мнѣ свои услуги для квартиры и портного, даже деньги: спасибо ему: онъ придетъ ко мнѣ въ 10 часовъ, и пойдемъ по Берлину. Священникъ—превосходный человѣкъ. Да и мало ли хорошихъ людей въ этомъ небольшомъ кругу. И всѣхъ Русскихъ въ Берлинѣ до 60 человѣкъ.—Послѣднюю страницу напишу уже на новой квартирѣ.

10 часовъ вечера.—Наконецъ я переселился на постоянное жительство. Вотъ мое жилище:

1) комодъ, на(дъ) нимъ бѣлое зеркало, а на немъ часы, лампа и экранъ; 2) столъ передъ софой, за которымъ на креслѣ я сижу теперь и пишу; 3) софа; 4) шкафы для платья; 5) умывальный столикъ; 6) печь; 7) другой комодъ; 8) чамоданъ; 9) постель, передъ которой стоитъ маленькій столикъ; 10) столъ для книгъ; 11) секретеръ. На приличныхъ мѣстахъ стулья. Мебель почти вся краснаго дерева. На окнахъ (b) кисейное драпире.

Жилище мое—Подъ Липами, т. е. въ лучшей части города и на лучшей улицѣ, № 69. Подниматься надобно на четвертый этажъ, 52 ступени. Плачу 7 талеровъ въ мѣсяцъ; на отопку выдѣтъ талера два. Я нахожу мою квартиру выгодною. Обѣдать буду въ одномъ свѣтломъ домѣ и уже абонировался на полмѣсяца за 3 талера. Чай и кофе дома. Такъ что всего выдѣтъ на квартиру и пищу талеровъ 20 въ мѣсяцъ.

Я заказалъ себѣ и платье: пару фракную, сюртукъ и жилетъ за 53 талера. Пара завтра будетъ готова. Сегодня я былъ въ театрѣ, и видѣлъ лучшихъ комиковъ Берлина за 15 серебр. грошей (т. е. 1, 60 к.).

Завтра отправлю письмо, буду у посланника и еще у кого нибудь.

Прощайте, маменька. Никому не пишу, потому что спать хочется: да извинять. прощайте.

Вашъ люб. сынъ Из. Срез.

Поздравляю васъ и всѣхъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

¹⁾ Покорскій (?).

²⁾ Лукьяновичъ.

³⁾ Мнх. Ив. Касторскій, впоследствии докторъ философіи и проф. С.-П.-б. унив.; во время заграничнаго путешествія онъ (1836—1837) долго жилъ въ Берлинѣ. (В. В. Григорьевъ. Имп. С.-П.-б. Ун.).

XV.

№ 3. Берлинъ, 1840, янв. 1.
1840, янв. 13.

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Сегодня я всталъ поздно, и только нѣсколько строчекъ успѣю написать до обѣдни, можетъ быть — только о томъ, почему всталъ поздно и почему напишу только нѣсколько строкъ. Вотъ почему: вчера я приглашенъ былъ на вечеръ къ полковнику Юнн, и пробылъ тамъ до 3-го часу утра. Общество было обыкновенное: хозяйева — полковникъ съ женой и двумя дочерьми — дѣвушками; священникъ нашъ съ женой; живописецъ Барду съ женой, сыномъ и дочерью; Нѣмецкій книгопродавецъ съ женой; наконецъ одинъ, два, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро молодыхъ людей. Это общество помѣщалось въ двухъ небольшихъ комнатахъ: въ одной играли въ бостонъ или въ вистъ — не знаю; въ другой танцовали подъ фортопьяно, и должность музыканта исполняла или одна изъ дѣвушекъ, или хозяйка. Я... я... танцоваль! Приказали, потянули, стали учить: повиновался. Потомъ разохотился, — и весь вечеръ проплясалъ. Изъ того, что танцоваль и я можете судить, маменька, что дѣло обходилось безъ претензій. Напротивъ того, всякій изобреталъ разные штуки, что-бы заставить хохотать, и хохотали у кого сколько силъ доставало. Играли немного и въ фанты, лили и свинецъ. И я, грѣшникъ, во весь вечеръ не вспоминалъ о васъ; за то когда стукнуло 12-ть, когда стали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и пить шампанское, мнѣ стало вдругъ такъ грустно, что я отказался и отъ вина, и отъ ужина, и готовъ былъ хоть плакать. За однимъ туромъ вальса послѣ ужина мнѣ стало легче, но только на минуту. Оставался до самаго конца только потому, что неловко было уйти прежде. Мнѣ все думалось о васъ, хотѣлось узнать, гдѣ вы, что вы дѣлаете, веселы-ли вы, и представлялось, что вы одни, скучаете, грустите, и не съ кѣмъ вамъ слова сказать. Нельзя было не вспомнить и о томъ, что вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я не знаю, что съ вами, не имѣю ни строчки отъ васъ. Мнѣ объ этомъ и думалось, мнѣ это и снилось, — и сегодня, вставши, я взялся прежде всего за письмо къ вамъ, Напишу листокъ къ вамъ, листокъ къ брату и къ кому-нибудь еще изъ Петербургскихъ знакомыхъ и постараюсь отправить завтра. Братъ успѣетъ мнѣ отвѣчать, и увѣдомить меня, что съ вами. — Нѣтъ, я не привыкъ страствовать: все болѣе и болѣе вижу, что дома лучше, гораздо лучше.

Теперь пора собираться къ обѣдни. Помолюсь Богу, помолюсь и за васъ, можетъ быть, въ одно время съ вами, когда вы будете молиться о насъ съ братомъ.

Помолился и воротился. Въ обѣдни было человѣкъ до 40, можетъ и болѣе. вмѣсто пѣвчихъ пѣли Потесдамскіе солдаты. Былъ и посланникъ, было и болѣе 10 дамъ. Доримедонтъ Васильевичъ служить обѣдню прекрасно: время это проходитъ незамѣтно и пріятно. Въ часъ обѣдни окончилась. Шедши домой вмѣстѣ съ старухой Барду и дочерью, я зазванъ былъ къ нимъ вмѣстѣ съ Калиновскимъ, оттуда пошли въ нашу ресторацію къ Чеху, оттуда кофе пить къ Свиридову, оттуда домой; велѣлъ топить печь, и сѣлъ писать письмо.

Печь! Это слово подираетъ меня морозомъ по кожѣ. Слава Богу, сегодня теплѣе. Вчера-же, третьяго дня и четвертаго дня было нестерпимо холодно: болѣе 15 градусовъ! Вы смѣтаетесь, маменька; а я право не шучу. До сихъ поръ съ самаго пріѣзда въ Германію я еще не согрѣлся. Очень пріятенъ морозъ на воздухѣ, но въ комнатѣ—это другое дѣло. Представьте же себѣ, что у меня въ комнатѣ никогда не было теплѣе, какъ бывало въ дѣвичьей нашей въ домѣ Юнкертъ. Истопять печку, нельзя къ ней притронуться; отойдешь шагъ отъ нея—паръ изо рта, еще шагъ—тресешься какъ рыба, а за письменнымъ столомъ сижу я не иначе какъ въ шубѣ, и то холодно. Топится же у меня два раза въ день. Заплашешь иногда по неволѣ. И это не у одного меня, а всюду: потому что и двойныхъ оконъ нѣтъ, и дѣвушка, прибирая комнату, всегда растворяетъ окошко, потому что и печи прегадко устроены. Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленой Германіи, а зимою—мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасаютъ наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манта съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о поллахъ, а молодые люди, напримѣръ студенты, бѣгаютъ въ однихъ сертучкахъ, и нѣкоторые—безъ галстуковъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются.

Теперь надобно отдохнуть—руки отогрѣть: окоченѣли. Закурю трубку и сяду подлѣ печки, т. е. подлѣ небольшого кафельнаго шкафика, называемаго тутъ печкой.

Вотъ и въ третій разъ принимаюсь за письмо. Теперь уже 12-й часъ.

Сѣвши подлѣ печки за Санскритскую грамматику, я вспомнилъ о самоварѣ своемъ, котораго до сихъ поръ не пробовалъ. Развернуть его не долго, угли есть; вздумано и сдѣлано. Черезъ двѣ минуты самоваръ былъ поставленъ, и я, въ ожиданіи пока онъ будетъ готовъ, продолжалъ твердить сложенія. Пришелъ Калиновскій: «Пойдемъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ» (священницѣ нашей).—«Пойдемъ, а прежде напьемся чаю».—Приготовили чай, напились, пошли. Тамъ застали, что Анна Сергѣевна съ Миле Барду и меньшимъ Малеинымъ играютъ въ дураки: пристали и стали играть въ пятерыхъ. Пришла

мать Барду: играли въ шестерыхъ. Анна Сергѣевна послала за дочерью Юни,—и когда онѣ пришли, пошли къ фортепьяно, и давай плясать: три пары танцовали, а четвертая дама играла. Не танцовали, а дурачились. Такъ да саякъ прошло до 11-го часу. Воротившись домой, я зашелъ къ хозяйкѣ своей поболтать съ нею; а теперь къ столу, да за письмо.

И спать уже хочется: вчера мало спалъ. Покойную ночь!

2-е января.

О чемъ же написать на этой остальной полустраницѣ? Право не при-
думаю.

Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ проживать въ Берлинѣ въ мѣсяцъ, думая беречь деньги:

За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плачу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абониманъ на обѣдъ—6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театръ, гулянья и пр.—вдоволь—3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ—около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день—104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время.

Прощайте, душенька маменька.

И. Срезневскій.

XVI').

Галле. 1840. ^{29 янв.}_{10 февр.} Понедѣльникъ.

Пора идти за билетомъ для отъѣзда въ Лейпцигъ; а между тѣмъ надобно написать нѣсколько строкъ на память о Галле. 7-го февраля во 2-мъ часу по полудни пріѣхалъ я въ Галле. За двѣ станціи до Галле въ Биттерфельдѣ я разстался съ моими спутниками изъ Потсдама, и поѣхалъ въ небольшой коляскѣ съ однимъ Потсдамскимъ купцомъ. Добрый человѣкъ, онъ ѣхалъ въ Галле только для того, чтобы навѣстить одного своего друга, который просилъ его осмотрѣть его заведенія. Подъѣзжая къ Галле, начинаешь чувствовать близость Саксоніи: ѣдешь уже между холмами и по холмамъ, ви-

¹⁾ Это письмо осталось недописаннымъ и, вѣроятно, не было послано по назначенію.

дѣлать вдали передъ собою чуть не горы. Вправо отъ Галле возвышается Re-
tersberg съ развалинами стариннаго замка на вершинѣ; влѣво вскрывается
кое гдѣ Сада съ бережными скалами ¹⁾).

Лейпцигъ, 1840. 30 лѣт.
11 февр.

Занявши вчера мѣсто въ Personenpost съ тѣмъ, что-бы въ 12 часовъ
ночи ѣхать въ Лейпцигъ, заблаговременно пришелъ я въ Passagier Zimmer,
и ожидалъ пріѣзда дилижанса. Около полуночи пріѣзжаютъ въ Галле два дили-
жанса: одинъ изъ Лейпцига въ Магдебургъ, другой изъ Магдебурга въ Лейп-
цигъ. Съ послѣднимъ долженъ былъ я отправиться. Ровно въ 12 часовъ
пріѣхалъ Лейпцигскій дилижансъ, немного позже Магдебургскій. Пока отпра-
вили далѣе первый и приготовили лошадей для второго, прошелъ часъ, такъ
что мы, пассажиры въ Лейпцигъ, могли выѣхать изъ Галле только во 2-мъ
часу. Отъ Галле до Лейпцига только ²⁾ миль, одна перепражка. Вовсе не
занимательная болтовня моихъ сосѣдей — двухъ Жидовъ, Гамбургскаго при-
кащика и двухъ торговкоу изъ Хемница (станція между Галле и Лейпци-
гомъ) усыпила меня, такъ что я проснулся только тогда, когда у вѣзда
въ Лейпцигъ таможенный чиновникъ отворилъ двери и потребовалъ паспорта.
Вмѣсто паспорта мнѣ дали бумажку съ тѣмъ, чтобы я написалъ на ней фа-

¹⁾ Слѣдуютъ 1½ бѣлыхъ страницы. Такъ какъ о посѣщеніи И. И. С.—го Галле
сохранилось очень мало извѣстій, рѣшаемся представить здѣсь сообщеніе г. Любвича
о встрѣчѣ И. И. Срезневскаго въ Галле съ извѣстнымъ вполнѣ историкомъ проф.
Реппелемъ (Р. Стар. 1882. Іюль). Г. Любвичъ посѣтилъ Реппеля въ Бреславлѣ въ 1880 г.
«Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать тѣхъ, съ ко-
торыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ осведомился у меня о Иванѣ
Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Реппеля. На мой
вопросъ, гдѣ онъ познакомился съ И. И., г. Реппель разсказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ
слѣдующее. Въ 1840 году пріѣхалъ покойный Срезневскій въ Галле, гдѣ находился
Реппель, бывший въ то время приватъ-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, по-
видимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря
на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Реппель живо
вспоминаетъ И. И., произведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергією и
живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Реппелю, на
длочей сѣрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это
трехстишіе:

Ой піншовъ козакъ межъ чужимъ люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своимъ буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

И. Срезневскій.

1840. Февраля 10.

Кромѣ Реппеля въ Галле И. И. С.—ій познакомился съ Потгомъ и М. Дунке-
ромъ; замѣтилъ ихъ, данные ими на память И. И. С.—му сохранились въ собраніи авто-
графовъ архива И. И. Ср.—го.

²⁾ Цифра пропущена.

милію, чинѣ, мѣсто и цѣль странствія, и т. п. По этой бумажкѣ, сказать мнѣ чиновникъ, могу я получить обратно мой паспортъ. Другіе не дали паспортовъ: одни сказали, что они жители Лейпцига, другіе, что они изъ Хемница и завтра поѣдутъ обратно и т. д., впрочемъ изъ словъ ихъ видно было, что они вралі. Такъ одинъ жидъ на вопросъ чиновника отвѣчалъ, что онъ житель Лейпцига. «Какъ прозывается?» Шульце. «Буецъ?» Да! «Аа!»—и чиновникъ затворилъ дверцы, а жидъ захохоталъ. Было 6 часовъ, когда мы ѣхали по Лейпцигу. Почтовый дворъ, въ которомъ остановился дилижансъ—прекрасное, богатое строеніе. Одинъ изъ служителей предложилъ мнѣ услуги, и за 4 грош. снесъ мои вещи въ Hotel de Robière, гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться. Комнатка, которую мнѣ отвели, довольно мала, но кажется будетъ покойна. Вмѣстѣ съ кофе мнѣ принесли Fremde Buch, въ которомъ я долженъ былъ написать отвѣты на тѣже вопросы, какъ въ тамош. бумажкѣ. Кофе прекрасный, служители вѣжливые. — Пора выйти смотрѣть на городъ.

Wam is dann dar Hund do?—Ha?—Wam dar Hund do is?—Wos?—Nu, wam dar Hund do is?—War?—Nu, dar Hund do?—Dar Hund do? Dos is main Hund.—Ah so!.

Worüm sieht dann das Hund so treech aus?—Ha?—Worüm dar Hund so treech aussitt?—War?—Dar Hund do!—Dar Hund do? nu dar sieht nischt!

Worüm frisst dann dar Hund nischt?—Ha? Worüm dar Hund nischt frisst?—War?—Nu dar Hund do!—Nu mer gä'n'n nischt.—Worüm gä'tt er dann dam Hund nischt?—Ha?—Worüm gä'tt er dam Hunde nischt?—Wos?—Worüm er dam Hunde nischt gät?—Wam?—Nu dam Hunde do.—Nu, mer hann nischt.—A, su!—

Сцена: Zwei Bauern sitzen in der Schenke, der eine den Kopf auf den Arm gestützt, in Gedanken versunken, der Andre unruhig, begierig ein Gespräch anzuknüpfen.

1. —Ist er verheirathet (женатъ)? 2. —Wer (кто)? 1. —Er (онъ). 2. —Wer (кто же)? 1. —Er (ну онъ). 2. —As wie ichi (я напрымъръ)? Ja (да). 2. —Ne (нѣтъ). 1. —Eh (гмъ)! 2. —Aber er (а онъ)? 1. —Wer (кто)? 2. —Er (онъ). 1. —Wer (кто)? 2. —Er (ну да онъ). 1. Als wie ichi (я что-ли)? 2. —Ja (да). 1. —Ja (да). 2. —Ah (ахъ)! 1)

1) Эти разговоры, вѣроятно, слышанные во время пути, записаны на отдѣльный листокъ, вложенный въ письмо.

XVII.

№ 5. Прага. 1840 $\frac{4}{16}$ февр. Воскресенье.

Наконецъ, душенька маменька, я въ Прагѣ.—Напишу вамъ хоть нѣсколько строчекъ, пока мнѣ вычистятъ платье. Вечеромъ буду имѣть, вѣроятно, болѣе времени; а теперь—хоть нѣсколько строкъ.

Вчера въ 11 часовъ утра я оставилъ Дрезденъ. Мнѣ расхвалили его до того, что онъ мнѣ вовсе не понравился. Притомъ же всѣ драгоценныя собранія открыты бывають только лѣтомъ; слѣдовательно немногимъ было и любоваться. Я обѣгалъ городъ, осмотрѣлъ главныя церкви, посѣтилъ театръ; два Kafe-haus'a, пересчиталъ до сотни сапожныхъ лавокъ, полюбовался Эльбою и окрестностями города съ Эльбскаго моста,—и въ дорогу. Когда буду въ Дрезденъ въ другой разъ, тогда осмотрю и собранія, и Саксонскую Швейцарію; а теперь лучше всего было ѣхать скорѣе въ Прагу.

Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ Австрійской границѣ, чѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсвальдѣ—на границѣ—снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ во одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинаетъ зеленѣть. Точно зима,—и какъ хороши эти горы и ели, покрытыя густымъ пластомъ инея, какъ пріятно глядѣть на нихъ изъ долины. Въ Петерсвальдѣ Австрійская таможня: записали наши паспорта, и осмотрѣли вещи. Мнѣ говорили, что этотъ осмотръ бываетъ не безъ непріятностей для проѣзжихъ; кажется, это неправда: всѣ мои вещи были уложены въ 2-хъ Reisesack'ахъ, и если бы захотѣли осмотрѣть ихъ подробно и проворно, то бѣднымъ книгамъ навѣрно бы досталось, да и платье могли порвать. Ничего этого не было: на вопросъ чиновника, что я везу съ собою, я отвѣчалъ: «Платье, бѣлье, книги, тетради,—и если вамъ угодно осмотрѣть, то я выну все,—мнѣ бы только желалось, что-бы я вынималъ самъ, потому что незнающій можетъ что-нибудь испортить». — «Вы путешествуете»? спросилъ меня чиновникъ. «Да». «Писемъ у васъ нѣтъ»? — «Есть писма, которыя я получалъ отъ знакомыхъ и родныхъ». — «А запечатанныхъ писемъ къ кому-нибудь нѣтъ»? — «Нѣтъ». — «Ну, я не буду трогать вашихъ вещей: увѣренъ, что вы говорите правду». Я поблагодарилъ чиновника словами,—и, оставивши свои вещи на произволъ кондуктора, побѣжалъ обѣдать, потому что очень проголодался. Къ 5-ти часамъ все было готово къ отъѣзду,—и по звуку трубы мы уѣхали въ карету. Карета была уже не Саксонская, а Австрійская, порадочная, но не столько покойная. То-ли дѣло наши Русскіе дилижансы! Впрочемъ и Австрійскіе имѣють свое доброе: не смотря на гористую дорогу, мы

ѣхали очень скоро, по Русски, не такъ какъ въ Пруссіи, гдѣ иногда не знаешь, за что и считать себя—за гуся ли, котораго везутъ въ городъ на продажу, или за какой другой товаръ. Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кульма я выскакивалъ изъ дилижанса, что бы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тѣпицею, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь Славянскіе звуки и даже Московскій напѣвъ.

^{5 1)}₁₇) февр. Понедѣльникъ.

Не спавши позанпрошедшую ночь въ дорогѣ, я не могъ не хотѣть спать, и воротившись домой (въ гостиницу Голубой Звѣзды, гдѣ я остановился), легъ. За то всталъ сегодня рано и здоровый, хоть опять не спать пѣлую ночь. Вотъ какъ провелъ я вчерашній день: одѣвшись, я поѣхалъ къ Шафаріку, былъ имъ обласканъ, и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говоритъ по Чешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по Русски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда. Отъ него я получилъ письмо, писанное вами 31 декабря (1 января): прежняго онъ не получалъ. Сказавши, что бы я приходилъ къ нему въ 3 часа, чтобы вмѣстѣ идти въ Чешскій театръ, онъ далъ мнѣ своего сына, чтобы онъ проводилъ меня домой. Дома я пообедалъ, потомъ пошелъ бродить, зашелъ въ кофейню и выпилъ чашку шоколаду, и къ 3 часамъ поспѣлъ къ Шафаріку. Онъ видѣлъ меня изъ окна, и вышелъ на встрѣчу: добрѣйшій человекъ, онъ обращается со мною, какъ родной. Вышла потомъ жена съ дочушкою, и въ 4-хъ мы пошли въ театръ. Чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается Нѣмецкій. На этотъ разъ былъ данъ Quodlibet: пѣли куски изъ оперъ, кое-что танцовали и пр. Стракатый, Подгорека, Геснерова и Бекъ поютъ прекрасно; танцовщицы плохи. Театръ былъ биткомъ набитъ. Изъ театра пошли опять къ Шафаріку, и пили чай, приготовленный по Русски. Пришелъ Докторъ Станекъ ²⁾. Говорили о квартирѣ для меня: изъ разговора я увидѣлъ, что Шафарикъ былъ у Станка утромъ, и что Ста-

¹⁾ Въ подл. ⁵/1.

²⁾ Václav Staněk—врачъ по специальности, литераторъ.

некъ прискалъ уже для меня комнату. Теперь я жду его, и пойдемъ смотрѣть. Я просидѣлъ у Шафарика до 8 часовъ, и, воротившись домой, легъ спать. Многое снилось и многое бы хотѣлъ я пересказать вамъ; но словъ нѣтъ...

О вьюгахъ Харьковскихъ я читалъ еще въ Берлинѣ, и добрая Анна Сергѣевна ¹⁾ утѣшала меня.—О недостаткѣ денегъ, душевнѣка маменька, не беспокойтесь: еще учусь экономничать; но и, учившись, не имѣлъ недостатка. Денегъ, которыя повезъ изъ Харькова, еще остается можетъ быть мѣсяца на два... а вотъ позвольте перечту... Безъ малаго 200 рублей. Кажется на два мѣсяца не должно стать. [Впрочемъ не беспокойтесь: деньги будутъ у меня. Можетъ быть уже и лежать на почтѣ]²⁾.—За письма ко мнѣ платите только до границы; а за мои письма вамъ придется платить не болѣе 2-хъ рублей асс. даже менѣе. Для полученія процентовъ точно надобно посылать въ банкъ самый вексель. На всякій случай не мѣшаетъ написать письмо къ Андрею Львовичу Цѣфтаву (въ Москвѣ, въ приходѣ Николы на Драчахъ, въ собств. домѣ): онъ служить по этой части, и помогать мнѣ получить вексель.—Ивану Петровичу напишу можетъ быть съ этимъ письмомъ, а если не съ этимъ, то съ слѣдующимъ.—

Цѣлую ручки ваши, милая маменька. Прощайте до слѣдующаго письма.

— Вотъ я и съ квартирой. Станекъ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ пошли мы на квартиру, — и кончили. За большую комнату съ отопленіемъ, прислугой и мытьемъ бѣлья плачу—12 гульденовъ, т. е. около 24 рубл. И адресъ мой: In Prag. Roszmarkt № 834, Chahrhaus. 3 Treppen hoch. Bey dem Kaufmann Klinkaček.—Оттуда ходили въ полицію, и взяли Aufenthaltsschein на 3 мѣсяца. Завтра переѣду на квартиру, — и стану заниматься. Благословите, маменька!

Пожалуйста померуйте, маменька, ваши письма, что-бы я зналъ, буду ли веѣ получать: полученное мною буду считать № 1-мъ ³⁾.

При въѣздѣ въ Прагу взяли у насъ паспорта, и дали такую бумажку.

N-ro. 114 Pasz-Rezepisse für Eilwagen. Angekommen den ¹⁶/₂ 1840.

Jedermann hat nicht nur sogleich bei der Ankunft an dem Stadthore seinen Pasz abzugeben, sondern auch binnen 24 Stunden wegen des vorgeschriebenen Aufenthaltscheines sich bei der k. k. Stadthauptmannschaft ganz unfehlbar gegen Vorweisung dieses Zettels, unter der diesfalls bestehenden Ahndung zu melden.

(Тоже по Чешски, Франц. и Итальян.)

¹⁾ Соколова, жена Берлинск. свящ. Д. В. Соколова.

²⁾ Помѣщенное въ скобкахъ [] — приписка на полѣ.

³⁾ Приписка на полѣ. Слѣдующее послѣ этого записано на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо.

(На другой сторонѣ)

Aufenthaltsschein

für

Ismail Srezniewski

gebürtig aus Iaroslaw im Russland

versetzen mit Pasz von

wohnhaft in

gültig auf

Bei jeder Veränderung der Wohnung, wie auch bei Ausgang der Aufenthaltsfrist, ist dies hierorts zu melden

Von der k. k. Stadthauptmannschaft

Prag den 1840

По приѣздѣ къ Почтов. двору, вновь осмотрѣли наши вещи.

Остановившись въ Гастгаузѣ подѣ вывѣскою блauen Stern отъ меня потребовали отвѣтъ на записку слѣд:

Meldzettel Billet d'Annonce

(на Фр. и Нѣм. яз.)

Bei mir Gestadverlasser (?) ist heute eingekehrt:

Stadtviertel Haus N ro Hausschild

Nennet sich Ismail Srezniewski.

Charakter oder Nahrung Adjunctprofessor

Geburtsort und Vaterland Iaroslaw in Russland

Alt 27

Religion Griec.—Catholique

Stand (ledig, verheirathet, verwittwet) ledig.

Kommt von Dresden

Gedenket hier zu bleiben 1 Monath

Allein oder mit Allein

Hat Pasz oder Urkunde von Hat Pasz

Reiset von hier nach Wien.

Prag den 1840.

XVIII.

№ 6. Прага, 1840. $\frac{11}{23}$ Февраля.

Вотъ и недѣля какъ я въ Прагѣ,—и дай Богъ, что-бы всѣ недѣли прошли въ ней для меня такъ, какъ прошла эта. Радужно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, я не могъ быть ничемъ собою недоволенъ, ни тѣмъ менѣе не могъ быть недоволенъ другими.

Встаю рано—въ 7-омъ часу. По голосу моего звонка дѣвушка приходитъ топить печь (топится въ моей комнатѣ по 2 раза въ день по немного, потому что очень холодно—доходить, можетъ быть до 10°, такъ холодно, что Молдава, передъ моимъ приѣздомъ совершенно растаявши, опять покрывалась по берегамъ довольно толстою корою льда; время впрочемъ стоитъ ясное). Между тѣмъ какъ я умываюсь, мнѣ готовятъ кофе, и черезъ пять минутъ приходитъ старушка няня, точный портретъ нашихъ русскихъ нянь, съ кофе, а съ нею приходятъ и два милыхъ мальчика, сыновья моего хозяина, поздравиться со мною. Потомъ я остаюсь одинъ и занимаюсь. Почти всегда до самого обѣда я дома. Обѣдать мнѣ ходить недалеко: стоитъ спуститься по тремъ лестницамъ внизъ: тутъ за очень умѣренную плату имѣю три кушанья, довольно чисто приготовленныхъ. Послѣ обѣда или иду домой спать или изъ дому гулять. Въ три часа приходитъ ко мнѣ І. Франта Шумаветскій¹⁾, съ которымъ занимаемся мы по Чешски и по Русски. Вечеромъ рѣдко остаюсь дома; иду или къ Шафаріку или къ Станьку или куда нибудь со Станькомъ. Въ половинѣ 9-го я опять дома, и прямо къ хозяину, болтаю съ нимъ и его женою, играю съ дѣтьми. Потомъ, въ половинѣ 10-го, отправляюсь въ свою комнату заниматься—и въ 12-мъ часу гашу свѣчку. Изъ Чеховъ ученыхъ болѣе всего сошелся я съ докторомъ Станькомъ: хоть на короткое время, а непременно видимся съ нимъ каждый день, никакъ не думая считаться визитами. Дома я—точно дома: дверь изъ моей комнаты въ хозяйскую не запирается, а выходя изъ дому запираю только дверь въ переднюю; хозяйка сама смотритъ за чистотою въ моей комнатѣ; вечеромъ иногда безъ церемоніи и ужинаю съ ними или пью пиво, впрочемъ пиво мнѣ не нравится, а ужинать я совершенно отвыкъ; когда въ это время я сижу въ хозяйской комнатѣ, то маленькую дочку хозяйскую убаюкиваютъ въ моей комнатѣ, и т. д. Если что мнѣ нужно, стоитъ только слово сказать хозяину или Станьку, какъ все готово.

Вчера вечеромъ я былъ у Станька. Чтобы познакомить меня съ молодыми Чешскими литераторами, онъ созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Пили чай по Русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя Чешскія пѣсни, потомъ Соловья Дельвига и «Сладко пѣлъ душа соловушко» Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣлъ за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его аккомпанемятъ все общество стало пѣть народныя Чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе,

¹⁾ Иос. Фр. Шумаветскій (1796—1857) — филологъ и литераторъ; имъ составленъ Deutsch-böhmisches Wörterbuch (1843) и начато изданіе большого словаря Славянскихъ нарѣчій «Wörterbuch der Slawisch. Sprach. in den sechs Hauptdialekten.»

и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство Славянъ могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится Чехамъ моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность». Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ—Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки,—и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ Поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ.

¹²/₂₄ Февраля.

Вчера вечеромъ... опять вечеромъ! Нѣтъ лучше начну съ утра. Вчера утромъ я отправился съ хозяиномъ бродить по церквамъ. Заходили во многія, пока дошли до собора св. Вита. Церквей въ Прагѣ еще много. Прежде было еще больше, и почти столько же монастырей; но уничтожены, и превращены въ казармы или въ больницы, или въ присутственныя мѣста, или во что нибудь подобное. Многія изъ церквей очень велики и хорошо украшены. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ соборомъ св. Вита. Подобнаго храма за границей я еще не видалъ. Онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ, и изумителенъ смѣлостью и легкостью архитектуры и богатствомъ украшеній. Вотъ его форма... ¹⁾).

Колонны какъ будто изъ гигантскихъ тростниковъ поддерживаютъ середину храма и второй этажъ, опирающійся на этихъ колоннахъ весь прозраченъ и отдѣланъ какъ игрушка. За колоннами ходъ довольно широкій и вдоль по всему ходу кругомъ множество капеллъ, посвященныхъ разнымъ святымъ. Во время проповѣди мы ходили по церкви и осматривали ее. Потомъ началась обѣдня, и мы заняли мѣсто на первой лавкѣ. Я молился съ благоговѣніемъ, величественные звуки огромнаго органа, сопровождаемые прекраснымъ оркестромъ и хоромъ, не могутъ не внушать благоговѣнія. Постараюсь посѣщать св. Вита довольно часто. Жаль только, что далеко: отъ Конскаго торгоу, гдѣ я живу, надобно идти различными улицами и улочками довольно далеко до мосту, потомъ длиннымъ, длиннымъ мостомъ (что на картинѣ у Ив. Петр.), потомъ улицами

¹⁾ Въ подлинникѣ слѣдуетъ рисунокъ.

до горы, гдѣ замокъ, сходцами въ 220 ступеней на гору и по горѣ различными изворотами. За мостъ, т. е. на малую страну, я хожу очень рѣдко. Видъ съ замковой горы на городъ превосходенъ; видъ съ моста на гору таковъ же. — Послѣ обѣда я былъ въ Чешскомъ театрѣ: давали мелодраму «Саломоновъ судъ»; музыка очень хороша, но пѣса и игра актеровъ прѣзлая, такъ, въ родѣ Харьковской. Изъ театра пошелъ къ Шафарику. Потомъ домой, прежде къ хозяину потомъ къ себѣ, и довольно рано легъ спать. За то сегодня рано всталъ...

Пожалуйста, милая Маменька, пришлите мнѣ слова «Сладко пѣлъ душа соловушко»: я не взялъ съ собою Новика, жалѣю, да нечего дѣлать, а теперь эта пѣсенка нужна. Кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ переписать ее.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Цѣлую ручку вашу.

Из. Срезневскій.

XIX.

№ 6. Прага, ^{23 Февр.}_{7 Марта} 1840.

Живется кое-какъ, мало-по-малу; день за днемъ, недѣля за недѣлей идутъ, пройдутъ и мѣсяцы. Не бываетъ очень весело, не бываетъ и скучно. Утро безвыходно дома; послѣ обѣда хожу гулять по стѣнамъ города, потомъ опять домой, и вечеромъ, если не у Шафарика или Станька, то все-таки дома: большею частію дома. Много, многое надобно перечестъ, многое записать; да и безъ того нѣтъ охоты шлаться.

Не безъ исключеній впрочемъ. За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой среды, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пяти, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались—безпрестанно—вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ черъ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно и не слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изъ всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неутомимость здѣшнихъ плясунѣвъ и плясуней невѣроятна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живетъ тотъ мѣщанинъ, у котораго собралось это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И танцовали

большую часть народных танцы—разнаго рода вальсы въ $\frac{2}{4}$, напр. польку, рейдовакъ, рейдовачку, фуриантъ и т. п. Дамы всё вообще ловки, и слѣдовательно смотрѣть было весело. Въ антрактахъ подавали кофе, чай, кобличы или крафены (что-то въ родѣ аладій съ вареньемъ, обыкновенное здѣшнее пирожное или какъ тутъ называютъ мучное кушанье мэльшпеизе) и т. д. Гостепріимство истинно Славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели Славянская, мѣщанская. И я пробылъ тамъ, хоть и не танцовалъ, до... до 4-хъ часовъ утра, пока нашелъ себя провожаатаго домой, потому что самъ не съумѣлъ бы найти путь домой. Мнѣ бы и веселѣе было, если бы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языкъ, мѣшаю слова и грамматическія формы всѣхъ возможныхъ нарѣчій, а на Чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить Чешскаго языка только потому что еще не могу выражаться на немъ сколько нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ былъ на Чешскомъ дивадлѣ, т. е. театрѣ; на другой день то-же. Теперь во весь великій постъ Чешскаго дивада не будетъ, потому что съ 7-ми часовъ Нѣмецкій театръ, а до 7-ми по костѣламъ читаются казани, т. е. проповѣди.

Третьяго дня ходилъ въ Замокъ и осматривалъ залы сейма, королевскія—императорскія комнаты, комнаты, гдѣ жилъ Король Французскій Карлъ 10-й, и пр. Порядочно; но великолѣпнаго почти ничего нѣтъ. Коронаціонная зала съ готическимъ сводомъ и убранная народнымъ Чешскимъ цвѣтомъ краснымъ + бѣлымъ, хороша, только узка; Испанская зала съ 35 люстрами также хороша; впрочемъ наши Харьковскія залы (Университетская и Дворянская) гораздо лучше: больше, красивѣе, правильнѣе, проще, благороднѣе. Изъ Замка пошелъ въ Страховъ монастырь. Монастырей въ Прагѣ много; было въ четверо больше, но уничтожены и обращены въ разныя заведенія. Страховъ имѣетъ богатую бібліотеку и картинную галерею. Осмотрѣлъ картины, кое-что изъ книгъ, записалъ имя свое по Русски и получилъ надежду бывать лѣтомъ: теперь еще холодно. Кстати: и въ самомъ дѣлѣ холодно, такъ что Молдава кое-гдѣ покрыта еще льдомъ,—и утромъ и вечеромъ бываетъ градусовъ до 8-ми. Въ срединѣ дня тепло, такъ что окно у меня теперь отворено. Дни чудесные: солнце и тихо; франтики гуляютъ въ легенькихъ сюртучкахъ съ открытыми шеями; франтики въ платьицахъ, впрочемъ съ муфтами на рукахъ. А ужъ франтихъ тутъ, франтихъ! Живучи на конскомъ рынкѣ, лучшей площади въ Прагѣ, по которой ежедневно гуляютъ толпы ихъ около полудня я люблюсь и дивлюсь: если бы прямо изъ Харькова въ Прагу, такъ не зналъ бы, что и подумать объ этомъ множествѣ дамъ, изящно, богато одѣтыхъ. Славянки,

домовой-бы ихъ не взялъ, все Славянки: знать и по поступку, знать и по взгляду, и по вкусу. Это уже не чета Берлину, гдѣ всѣ хотятъ быть радугами: тутъ всѣ вмѣстѣ — одна радуга.

Пора однако закрыть окно (уже 5 часовъ), и перейти къ другому предмету. Въ Берлинѣ слышалъ я Дрейшока, родомъ Чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена—Тальбергъ и Листъ. И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ, я слышалъ въ то-же утро. Дайте, расскажу порядочно. Недѣли за полторы объявили, что будетъ концертъ имѣющаго пріѣхать Листа, и что желающіе имѣть билетъ на 1-е мѣсто за 2 гульдена и на 2-е мѣсто (въ галереѣ) за 1 гульденъ могутъ получить въ музыкальномъ магазинѣ—забылъ чьемъ. По всѣмъ угламъ, по обычаю, прибито было это объявленіе, гдѣ Листъ написанъ былъ буквами вышиною вершковъ въ 5. Я прочелъ, я побѣжалъ въ магазинъ; я записался на 1-е мѣсто съ правомъ получить билетъ, когда пріѣдетъ Листъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ—и дождался. Къ несчастію, я не привыкъ еще помнить, что тутъ нѣтъ нумераціи мѣстъ, и что надобно за нѣсколько часовъ ранѣе приходить, чтобы занять порядочное мѣсто; забылъ, пришелъ тогда, когда зала была уже биткомъ набита. Я догадался однако, пошелъ на 2-е мѣсто, на галерею, добылъ, яко иностранецъ, стулъ, всталъ на него—и увидѣлъ не только все общество нижнее и верхнее, но и самого себя—въ зеркало, висящее на противоположномъ концѣ залы. Зала небольшая, кругомъ ея галерея: пестрядь людей—сельдей такая, что иной бы и вздвинулъ плечами, да сосѣдъ мѣшаетъ. Ждали, ждали: пришелъ блѣдный, худой, довольно высокій полу-молодой человекъ, 2-й экземпляръ Вас. Ник. Гана¹⁾, раскланялся подъ прямымъ угломъ—и я началъ слушать. Листъ игралъ увертюру Бетховена, свои варіаціи на пѣсню Шуберта (они у васъ есть) и еще что-то. Я слушалъ. Емда! чортъ возьми! лучше меня. Такъ мягко дьяволъ играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое *molle*, такое *piano*, такое *sotto voce*, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ—даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію. Съ нимъ пѣла Пани Подгорска и Панъ Стракаты, хорошо, мило; но не то ужъ.—Ну Листъ!—

Цѣлую Вашу ручку, душенька Маменька. Дай Богъ Вамъ здоровья и покою.

Из. Срезневскій.

¹⁾ В. Н. Ганъ—одинъ изъ учениковъ пансіона Роберти (?) или Зимницкаго (?), гдѣ преподавалъ И. И. Срезневскій.

XX.

№ 8.

Прага.

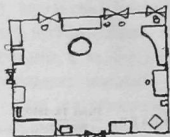
Марта 13. 1840.
нов. стил.

На прошлой недѣлѣ послалъ я письмо къ Вельтману въ Москву и въ немъ письмо къ Вамъ, милая Маменька. Не знаю, какъ скоро Вы получите его; а потому и поспѣшилъ писать къ Ивану Петровичу съ тѣмъ, что-бы написать хотъ нѣсколько строчекъ и къ Вамъ. Знаю, какъ [бы] Вы беспокоились обо мнѣ, если-бы долго не получали писемъ отъ меня,—знаю по себѣ...

Да, милая Маменька, по себѣ. Не смѣю укорять Васъ; а право не могу не пожаловаться Вамъ на самихъ Васъ. Какъ-же? До сихъ поръ я имѣю отъ Васъ за границей одно письмо. Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ живу въ Прагѣ, и только одно. Вѣдь это право горько. Хотъ въ Прагѣ-бы мнѣ получать отъ Васъ письма чаще. И наказывать меня молчаніемъ покамѣстъ еще, кажется, не за что: пишу акуратно—дурно пишу; но ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, а пишу кажется довольно часто. Ради Бога, душенька Маменька, пишите, пишите. Платить за письма мнѣ приходится не много, не разорюсь, а если-бы и не хватало денегъ, то я лучше откажу себѣ въ какомъ-нибудь другомъ удовольствіи. Какъ мнѣ ни хорошо въ Прагѣ, все не дома, и подъ часъ бываетъ такъ грустно, что не знаю, куда дѣваться. Да и добрые мои пріатели, Метлинскій, Рославскій, Костомаровъ, Лукіановичъ—хороши пріатели! И отъ нихъ за границей не получалъ еще ни буквы. Пожалуйста скажите имъ, что я еще существую на семъ свѣтѣ, и даже имѣю память, которая знаетъ что за люди Семенъ Семеновичъ, Николай Ивановичъ, Александръ Петровичъ, Амвросій Лукіановичъ. Вотъ какіе это люди: нехорошіе; забыли меня, знать не хотятъ. Я впрочемъ все еще надѣюсь получить отъ нихъ вѣсточку о новостяхъ Харьбовскихъ, о новостяхъ литературы Южно-Русской, Русской, о новостяхъ статистическихъ, и о разномъ другомъ, что мнѣ можетъ быть любопытно. Кстати: пожалуйста, Маменька, пришлите мнѣ пѣсню

«Боже, Царя храни» и кое что из оперы Жизнь за Царя. Иванъ Петровичъ потрудится переписать на тоненькой бумажкѣ. У меня также нѣтъ словъ «Новика»: хоть бы Амвросій Д. мнѣ переписалъ ихъ.

Ахъ, я забылъ было сказать, что въ моей комнатѣ случилось маленькое преобразованіе—по случаю... но вотъ какъ обстоитъ въ моей комнатѣ. Вы сами угадаете, по какому случаю перемѣна:

Кровать пошла въ уголъ и подлѣ нея стоитъ маленькій столикъ для свѣчки, а на мѣсто кровати сталъ флигель, и письменный столъ пошелъ къ печкѣ, потому что печка еще топится, и слѣдовательно флигелю было-бы жарко, если-бы столъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. За флигель, хорошо сдѣланный и совершенно новый я плачу въ мѣсяцъ немного болѣе 5 рублей асс. Послѣ обѣда я ходилъ прежде въ кофейню; теперь не хожу, слѣдовательно флигель

у меня даромъ, да еще и въ остаткѣ нѣсколько крейцеровъ. И какъ бы вы думали, что стоитъ здѣсь такой флигель? 160 гульденовъ—менѣе 400 рублей. Флигель получше нашего.

Я очень доволенъ своей комнатой: большая, чистая, свѣтлая, очень мило меблированная, теплая, на хорошемъ мѣстѣ; и хозяева предобрые люди. Дверь къ нимъ не запирается. Выходя изъ дому, я запираю только наружную дверь. Безъ меня топить, безъ меня хозяйка придетъ и оправить чтонибудь, или, если погода хороша, отворить окно. Дѣти не мѣшаютъ: если хотятъ со мной поиграть, то прежде высунуть потихоньку носы въ двери, и, если я занимаюсь, затворяютъ опять. Только утромъ входятъ безъ позволенія, неся со старушкой хозяйкой кофейныя снадобья, съ привѣтствіемъ: «Добрее йитро, Пәне! Дэйтэ ми, Пәне, губичку! Якъ стэ вы спаль?» (Доброе утро! Поцѣлуйте меня! Какъ вы спали?)

Желая къ Вамъ послать чтонибудь изъ Чешскихъ танцевъ, я посылаю къ Станьку за нотами. Станекъ пришелъ самъ, и принесъ между прочимъ вотъ эту Польку:

Handwritten musical score for the first system, consisting of six staves. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings like 'p' and 'f'. The first staff begins with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The second staff begins with a bass clef. The third staff begins with a treble clef. The fourth staff begins with a bass clef. The fifth staff begins with a treble clef. The sixth staff begins with a bass clef. The system concludes with a double bar line and a repeat sign.

Handwritten musical score for the second system, consisting of six staves. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings like 'p' and 'f'. The word "Trio" is written on the first staff, and "Adagio" is written on the sixth staff. The system concludes with a double bar line and a repeat sign.

Написать мерзко, но на этой бумагѣ трудно лучше писать. Извините.— Полька есть тотъ же вальсъ, только очень быстрый, и тактъ какъ видите $\frac{2}{4}$. Когда играютъ, то *riano* играютъ очень тихо, а *forte* очень громко. Это составляетъ не малую прелесть для танцующихъ. Можетъ M-lle Fanny¹⁾ съ Марьей Андреевной²⁾ попробуютъ потанцевать: руки надобно держать иначе нежели въ обыкновенномъ вальсѣ; кисть руки, и правой и лѣвой, кавалера должна быть подѣ локтемъ руки дамы, а рука дамы обвиться вокругъ руки кавалера и придерживаться кистию за локоть кавалера. Кажется, ясно? Иногда танцуютъ и такъ: одну руку подпереть подѣ бокъ, а другою обнять даму, какъ въ обыкновенномъ вальсѣ; дама тоже должна подбочениться. Танцевать надобно очень, очень, очень скоро.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

Вчера былъ у меня Ганка и потомъ вмѣстѣ пошли въ Винницкую Семинарію. Сегодня отнесу письмо на почту и пойду къ Ганкѣ; а послѣ обѣда къ Станьку, гдѣ будутъ Шафарикъ, Ганка, Челяковскій³⁾, Палацкій и Амерлингъ⁴⁾. Въ воскресенье иду въ концертъ консерваторіи⁵⁾.

XXI.

№ 9. 1840. Марта 16-е Суббота. Прага.

Приготовляясь писать къ Вамъ, милая Маменька, письмо, съ тѣмъ чтобы въ немъ поздравить Васъ съ праздникомъ Св. Хр. Воскр., я сталъ самъ не свой. Пишу—и не пишется: то мнѣ кажется, что въ этой комнатѣ не право живете Вы, душенька Маменька, и вотъ уже я хочу идти туда; то

¹⁾ Ф. С. Питра.

²⁾ М. А. Аничкова, по мужу Носачева.

³⁾ Францъ Ладиславъ Челяковскій (Fr. Lad. Čelakovský)—известный панславистъ—сотрудникъ Коллара, поэтъ, литераторъ и филологъ. Какъ поэтъ Челяковскій получилъ известность, благодаря своей книгѣ «Ohlas písní ruských» (Отголосокъ Р. пѣсень.), имѣвшей громадный успѣхъ при своемъ появленіи (1829) и до сихъ пользующейся почетомъ. Другія его поэтическія произведенія: Smíšené básně, Ohlas písní českých, Ruže stolistá и др. Изъ его трудовъ слѣдуетъ указать на Slovanské národní písně, изданныя въ первые годы его лит. дѣятельности (1822—27), и обратившія на себя общее вниманіе. Челяковскій, сначала жившій корректурой и переводами, съ 1834 г. занялъ мѣсто редактора Пражскихъ Новинъ и послѣ Чешской Пчелы; въ 1842 г. достигъ профессуры и занялъ кафедру Славянскихъ языковъ въ Бреславлѣ и Прагѣ; въ это время имъ изданы: сборникъ пословицъ, чтенія о сравнительной Слав. грамматикѣ, чтенія о начаткахъ Слав. образованности и лит. (род. 1799, ум. 1852).

⁴⁾ Karel Amerling (род. 1807)—техникъ-теоретикъ, дѣятель по техническому образованію въ Чехіи. Былъ директоромъ Главной Чешской школы въ Прагѣ; ранѣ состоялъ ассистентомъ при проф. Преслѣ (I. Sv. Presl).

⁵⁾ Приписано на полѣ.

стрѣлю перебѣжить по уму мой дальній, кривой путь изъ Харькова въ Прагу, вспомню гдѣ былъ я, и гдѣ уже тутъ быть увѣрену, что Вы близко! По неволѣ станетъ грустно. Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими и далеко отъ Харькова и васъ: по неволѣ станетъ грустно.... А все мнѣ кажется, что Вы тутъ въ комнатѣ на право,—и мнѣ чуждаются послѣдніе дни Вел. поста, эти домашнія заботы, это ожиданіе великаго праздника, и звонъ колоколовъ—не здѣшнихъ колокольчиковъ, и служба, и пасха, и красныя яйца, и сыръ.—Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька,—и дай Богъ Вамъ встрѣтить, а если уже встрѣтили, то провести свѣтлый праздникъ покойно и весело. Какъ я его проведу—не знаю, думаю, по обычаю,—дома.

Я по прежнему по большей части дома: выхожу только къ Шаффарику, Ганкѣ, Юнгману, Палацкому, Челяковскому, Станьку, Аммерлингу, Каубку ¹⁾, и то часто бываю у трехъ-четырехъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Не забываютъ и они меня: Ганка заходитъ по два раза въ недѣлю, и все еще продолжаетъ меня дарить то тѣмъ, то другимъ. Юнгманъ подарилъ мнѣ свой Словникъ; Шаффарикъ также приносилъ мнѣ почти всякій разъ что-нибудь новое. Обдариваемый, я не знаю, чѣмъ отдавать и не могу не досадовать, что оставилъ свой чемоданъ въ Петербургѣ. У Челяковского я беру уроки ежедневно: онъ очень хорошо знакомъ со всѣми нарѣчіями Славянскими и надъ сравнительной грамматикой и этимологіей трудился очень много. Съ Ганкой разговариваемъ по Русски; съ Каубкомъ (профессоромъ Чешскаго языка въ Университетѣ здѣшнемъ) по Малороссійски. Говорить по Чешски начинаю — по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился—такъ трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно. По Нѣмецки—гм! Изъ всего времени, что я въ Германіи, едва-ли случилось мнѣ говорить по Нѣмецки 50 часовъ. Отчасти не хорошо, что я сижу дома: гораздо скорѣе могъ бы научиться говорить по Чешски; но и выходить изъ дому не хочется, и выходить некуда: съ юными литераторами здѣшними сближаться не хочу; какъ они ни бѣдны, а все же сходятся въ кофейныхъ домахъ и т. п., и нѣкоторые большіе охотники до политики: врагъ политики и кофейныхъ обществъ, я не нахожу съ ними предмета для разговора, и сижу дома.

Что до концертовъ и сцены, вотъ это другое дѣло. Чуть только прочту объявленіе о чемънибудь хорошемъ, тотчасъ справлюсь съ карманомъ — маршъ. О концертахъ Листа я уже писалъ. Теперь три воскресенья съ ряду

¹⁾ Jan Pravoslav Koubek (1805—1854)—докторъ философіи (съ 1848 г.), проф. Чешскаго яз. и литературы въ Пражскомъ унив.; Коубекъ извѣстенъ также какъ литераторъ и какъ переводчикъ Русскихъ и Польскихъ поэтическихъ произведеній.

даютъ концерты ученики Консерваторіума: на сцену выступаютъ инструментовъ 50, и всѣ какъ одинъ. Утонулъ бы въ наслажденіи, если-бы не эта смѣсь одеждъ и лицъ, племень, варъчій, состояній, отъ которыхъ несетъ то масломъ, то сыромъ, то клеємъ, то политикой (и музыка безъ политики не музыка), то глупостью—и болѣе всего и чаще всего этою послѣднею. Можетъ же существовать такой глупой народъ!—Въ театрѣ публика таже. Недавно я былъ на Валленштейнѣ: его игралъ Бейеръ, рожденный для этой роли, и лучший во всей Европѣ актеръ для такого характера; жаль, что женщины, которымъ онъ былъ обставленъ, были обыкновенной породы, и что Текла была настоящая Оекла.

А вчера—ахъ, нѣтъ, третьяго дни—передъ моими окнами на площади былъ парадъ. Главнокомандующій Чешскій, сдавая мѣсто другому, прощался съ войскомъ. Зрѣлище прекрасное: тысяча 6 войска, и тысяча 10 народа. Лица солдатъ прекрасныя, но позитуръ, поступъ, маршъ, правильность движенія... самые костюмы... Наши солдаты немного грубѣе, за то во сто разъ воинственнѣе. Эти выстраиваются рядомъ какъ сороки—случайно. Музыка военная,—ну, здѣсь наши—пассъ: музыка прекрасная. Я слышу ее довольно часто: по здѣшнему прекрасному обычаю умершаго солдата провожаютъ до могилы его товарищи и музыка,—и почти каждый день везутъ покойника солдата мимо моихъ оконъ. Эту музыку нельзя слушать безъ удовольствія. За то нельзя слушать безъ смѣху пьеску командующихъ офицеровъ: когда они начинаютъ кричать команду, голосъ ихъ раздваивается, и одна часть пицить $\frac{1}{4}$ тона выше, другая $\frac{1}{4}$ тона ниже. Это очень занимательно.

Погода здѣсь удивительная: вчера напримѣръ былъ прекрасный день, а сегодня валить снѣгъ.

Маменька! Вотъ уже слишкомъ полтора мѣсяца какъ я въ Прагѣ, а до сихъ поръ все еще не получаю отъ Васъ письма. Вѣдь это—горемъ горе. Ради Бога пишите чаще; уѣду изъ Праги, тогда еще труднѣе будетъ мнѣ доставать письма отъ Васъ. Я уже три раза перечиталъ прежнія ваши письма въ Петербургъ и единственное къ Шаффарику. Адресуйте на имя Шаффарика. Stephans Gasse, № 614.

Еще разъ цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

XXII.

№ 10. Прага, 2-е Апр. 1840.

Не знаю, къ какому времени придетъ—пришла эта посылочка; а, посылая ее къ Вамъ, милая Маменька, мнѣ хотѣлось, что-бы Вы ее получили не позже 21-го Мая. Это—день Вашего Ангела. Въ-время или не въ-время, но поздравляю Васъ съ нимъ, и, цѣлая Вашу ручку, желаю и молю Бога, да

сохранить онъ Ваше здоровье и покой. О счастьи ни слова: не Вамъ, душенька Маменька, быть счастливою безъ дѣтей, сколько они ни огорчали Васъ. Еще молю Бога, что-бы скорѣе прошли годы моей разлуки съ Вами: за исключеніемъ немногихъ наслажденій, очень естественныхъ человѣку, который между другими слабостями имѣетъ и страсть къ новизнѣ, эти годы тяжелы мнѣ, и выкупаются развѣ въ будущемъ — воспоминаніями, и, если Богъ поможетъ, исполненіемъ хоть кое-чего изъ того, что теперь предполагаю сдѣлать, воротившись домой.

Боже Васъ сохрани, Маменька, сердиться на меня за издержку: во первыхъ она слишкомъ малозначаща, а во вторыхъ я теперь денежный человѣкъ: получилъ изъ министерства деньги и имѣю 1000 гульденовъ на 5 мѣсяцевъ. Скупаясь издерживать деньги на платье и ѣду, я въ правѣ не скупиться на книги и т. п. Притомъ-же ноты здѣсь такъ дешевы, что въ Россіи надобно за нихъ платить по крайней мѣрѣ вдвое, не говоря уже о томъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ даже нельзя достать послѣднихъ новинокъ. Дешевизна нотъ можетъ мнѣ позволить даже услужить кому-нибудь: вотъ почему я выставилъ на каждой тетради цѣну—безъ раббата (уступки), который всегда дается тому, кто покупаетъ въ большомъ количествѣ; а мнѣ онѣ стоили еще дешевле. И представьте, Маменька, мою досаду. Что-бы продать мнѣ эти ноты, купецъ прислалъ мнѣ цѣлыя кипы, которыя лежали у меня недѣли. Таковъ Германскій обычай,—и что если бы я умѣлъ играть аливуверъ!.. Не упускаю за то случая просматривать книги, которыя получаю отъ книгопродавцевъ въ надеждѣ, что я выберу изъ нихъ что-нибудь. Что до пересылки, то для этого есть, кажется, надежное средство: въ Бродахъ и Радзивиловѣ, слѣдовательно по обѣимъ сторонамъ Австрійско-Россійской границы, имѣетъ дома купецъ Даніиль Гартенштейнъ, который берется исполнять такія порученія. Эта первая попытка моя будетъ образцемъ того, какъ онъ исполняетъ ихъ. Письмо отправили сегодня, посылку на этой недѣлѣ... Вы не забудете, Маменька, увѣдомить меня когда получили.

Между нотами найдется кое-что для Амвросія Лукіановича ¹⁾ и Надьки ²⁾ или Катиньки ³⁾. Да не гнѣвается фра Ambrosio ⁴⁾, что я посылаю ему такъ мало: на другой разъ будетъ больше.

Прощайте, Маменька! Гдѣ я буду 21-го Мая и какъ проведу этотъ день, увѣдомлю.

Измаиль Срезневскій.

¹⁾ А. М. Метлинскій.

²⁾ Н. Е. Топчиса.

³⁾ Вѣроятно Кат. Андр. Аначкова, впоследствии вышедшая замужъ за г. Дьяченко, проф. Кіевского университета.

⁴⁾ А. Л. Метлинскій.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Марѣ Андреевнѣ ¹⁾ и Марѣ Яковлевнѣ ²⁾, если онѣ еще въ Харьковѣ, Марѣ Ивановнѣ ³⁾ и Григорію Григорьевичу ⁴⁾, Маріи Ѳедоровнѣ ⁵⁾ и M-lle Fanny ⁶⁾ и всѣмъ, всѣмъ.

Если кто захочетъ переслать что нибудь, то да посылаетъ на имя Гартенштейна въ Радзивиловъ, и просить его передать или мнѣ, или Шафаряку (Stephans Gasse № 614) ⁷⁾.

Списокъ нотъ ⁸⁾:

S. Thalberg.	1) Mi manca la voce.
	2) La Cadence. op. 36.
	3) Fantaisie. op. 37.
A. Dreyschock.	4) Souvenir. op. 4.
	5) Scene romantique. op. 9.
	6) Campanella. op. 10 (знаменитая).
F. Liszt.	7) Rákóczy indulója.
	8) Sey mir gegrüsst.
	9) Ave Maria.
	10) Die Rose.
	11) Die Taubenpost (знаменитая).
I. Strauss.	12) Rosen blätter. op. 115.
I. Lanner.	13) Liebes-träume. op. 150.
	14) Quadrille. op. 152.
I. Labitzky.	15) Potpourri-böhmische.
	16) » polnische.
	17) » russische.
V. Tomaschek.	18) {
	19) { Tre Allegri. op. 84.
	20) }

Если что нибудь хотите, Маменька, имѣть изъ нотъ, то не покупайте въ Харьковѣ, а напишите мнѣ,—и хоть не очень скоро, а получите—и гораздо дешевле, и въ хорошемъ изданіи.

¹⁾ Ваниотти.

²⁾ М. И. Леонова, жена П. Ѳ. Леонова.

³⁾ Фидлеръ, жена Г. Г. Фидлеръ.

⁴⁾ Г. Г. Фидлеръ, бывший въ Харьковѣ аптекаремъ.

⁵⁾ Пятра — мать А. С. Пятры, впоследствии бывшаго проф. и ректоромъ Харьковскаго университета.

⁶⁾ Пятра — сестра А. С. Пятры.

⁷⁾ Принесла на полѣ.

⁸⁾ На полѣ при названіи каждой нѣссы приписано рукою Е. П. Срезневской «получено».

XXIII.

№ 11. Прага, 7 апр. 1840.

Вчера написалъ къ Вамъ письмо, милая Маменька; ложась спать куда-то положить, сегодня искалъ искалъ,—и вотъ принялся за другой листокъ.

Цѣлую Вашу ручку за — угадайте за что? Письмо отъ Васъ получилъ. Въдь это второе только, съ тѣхъ поръ какъ я за границей. Хотя горько, горько было ждать, за то и радостно получить было. Шафарикъ въ ту же минуту какъ получилъ, переслалъ его мнѣ. Да и долго же странствовало это письмо: писано въ 20-хъ февраля ¹⁾, а пришло сюда въ 20-хъ марта по тому же стилю. Два мѣсяца. Оно гуляло и въ Варшаву, потому что и подлѣ Варшавы есть также Прага. — Но, Маменька, пишите чаще! Вы называете себя сиротою; а я же что? Не только ни отъ кого, даже и отъ Васъ нѣтъ вѣсти изъ Руси.

Читая ваше письмо, сначала я плакалъ отъ радости, потомъ... и теперь не могу безъ слезъ вспомнить о Марьѣ Андревнѣ ²⁾. Блаженная страдальца! Вспоминая о такой жизни, о такой глубинѣ чувства, нельзя не дѣлаться лучше, по крайней мѣрѣ доступнѣе къ стезѣ исправленія. Не могу не пожалѣть и о Марьѣ Яковлевнѣ: лучшіе дни ея кончились, и тяжелы будутъ они для нея въ воспоминаніи. Кто потерялъ такую мать и съ матерью надежду на одну свѣтлую минуту изъ тысячи черныхъ, тому не легко жить на свѣтѣ.

Да Вы, Мамеявка, и описали въ письмѣ своемъ этотъ случай такъ, что, право, страшно становится, когда читаешь. Я вложилъ это письмо въ Чешскую Библію, которую читаю вечеромъ передъ сномъ. Буду заглядывать въ него и напоминать себѣ, какъ дороги дѣти для родителей, какъ слѣдовательно и дѣти должны дорожить родителями.—Простите, душенька, мои прегжніе проступки передъ Вами. Правда, я уже не дитя; но исправляться никогда не поздно. Вы знаете, я былъ хуже, сталъ немного лучше; авось Богъ поможетъ быть и еще лучше.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе Марѣ Ивановнѣ и Григорію Григорьевичу ³⁾, Марьѣ Яковлевнѣ—если она еще въ Харьковѣ и... жива. Такую мать нельзя не любить, трудно пережить.

О Генріетѣ Оед. ⁴⁾ я писалъ къ Вамъ изъ Берлина еще. Я послалъ къ ней письмо Марьѣ Оедоровнѣ ⁵⁾, и получилъ отвѣтъ. Всѣ они здоровы.

¹⁾ Вѣроятно описка; надо читать: въ 20-хъ января.

²⁾ Ваннотти, мать М. И. Леоновой.

³⁾ Фадлерамъ.

⁴⁾ Г. О. Юнкертъ; въ домѣ ея (въ Харьковѣ) жили Е. И. и П. И. О—кіе; въ это время она вернулась за границу—на родину.

⁵⁾ М. О. Пытра.

На днях напишу къ ней еще письмо и буду просить что-бы писала въ Харьковъ. Не мудрено, что и она горюетъ о Марьи Оед. Впрочемъ кто виноватъ? Положивши писать другъ къ другу опредѣленное количество разъ въ годъ, можно писать и не дожидаясь отвѣта. И отвѣтъ ранѣе или позже будетъ, и горя не будетъ; а горе дороже денегъ. Что же до денегъ, то я совѣтую Марьѣ Оед., которой свидѣтельствую мое почтеніе, платить только до границы. Наша переписка не дорога: за письмо въ Харьковъ я плачу 1 двугривенной (цванцигеръ), да Вы 30 коп. серебромъ; вѣдь это всего 50 коп. серебромъ.

Поклонъ мой Ивану Петровичу: чего онъ ждалъ, то надѣюсь уже получилъ. Пусть только сдѣлаетъ какъ я писалъ ему.

Спасибо Амвр. Лук.¹⁾ за приписку. Жаль, что ничего не пишетъ о себѣ, о нашихъ; вѣдь я ничего не знаю, а знать хочется. Ну, so ste napsal? nĕcoliko řadek o tĕm, co giř wĕdel sem s listu pani maminki, a nic wjc. Ne, to nenj mŭy obyĕej. Chtĕlbych dostati od pana takowŭ list, genř by potřĕba bylo ėisti nĕgakau hodinu. Ale mam nadĕgi, ře takowŭ list giř napsanŭ leř u p. Rosslawskĕho. Poruĕam si peknĕ ²⁾.

Мое время проходить по прежнему: утромъ дома до самаго обѣда, т. е. до 2-хъ часовъ; только разъ въ недѣлю утромъ хожу въ Музеумъ. До 3-хъ гуляю. Въ 3 къ Челяковскому или жду къ себѣ его, или самъ дома: у Челяковского я беру уроки четыре раза въ недѣлю (два раза хожу къ нему, два раза онъ ходитъ ко мнѣ), платя ему въ мѣсяцъ 20 гульденовъ—менѣе 50 рублей (!). Вечеръ или дома или гдѣ нибудь. Сижу до 9 часовъ, рѣдко до 10 (сегодня до 11), потомъ ложусь и съ часъ читаю. Потомъ сплю; потомъ въ 7-мъ часу встаю и за работу. Настаетъ весна: буду ходить по утрамъ за городъ, или по крайней мѣрѣ на стѣны города. (Прага вся, какъ крѣпость, окружена стѣнами каменными, и по стѣнамъ сады для гулянья).

Въ воскресенье былъ на Вышеградѣ. Чудное мѣстоположеніе! Гора въ родѣ Хорошевской ³⁾ обрывомъ стоитъ надъ Молдавой, обнесенной отовсюду подобными горами. На вершинѣ горы крѣпость, исправленная не знаю противу какихъ враговъ, по скату развалины старыхъ зданій. Видъ на рѣку, видъ на городъ—преlestь. Едва-ли есть другой городъ въ Европѣ, который былъ бы такъ богатъ видами какъ Прага. Одинъ мой Конскій Торъ чего стоитъ! Въ крѣпости ничего стараго нѣтъ, кромѣ обломковъ столба, принесеннаго, говорятъ, дьяволомъ изъ Іерусалима.

¹⁾ Метлинскій.

²⁾ Ну что вы написали? Нѣсколько строчекъ о томъ, что я уже зналъ изъ письма маменьки, и ничего больше. Нѣтъ это не по моему. Мнѣ хотѣлось бы познать отъ васъ такое письмо, чтобы въ часъ не прочесть его. Надѣюсь, впрочемъ, что письмо уже написано и лежитъ у г. Рославскаго. Низко кланяюсь.

³⁾ Въ Харьковѣ.

Время стоит прекрасное. Солнце и тепло; но до листьевъ еще далеко.

Ахъ, чуть было не забылъ сказать о снѣ, который видѣлъ четвертаго дня, послѣ полученія Вашего письма. Я заснулъ съ письмомъ въ рукахъ—и самъ не знаю какъ рѣшился ѣхать въ Харьковъ—хоть на день, чтобы по-видаться съ Вами. И пріѣхалъ, и брата засталъ дома, и Амвр. Л. въ бібліотекѣ, въ рыжемъ его сюртукѣ, — и никто не вѣрить, что я есмь я. Такая досада, что я взялъ да и проснулся. Но сонъ былъ такъ живъ, что и проснувшись я очнулся нескоро.

Поздравляю Марью Коріѣвну.

Настя—какъ вижу—молодецъ дѣвка. Очень бы хорошо было, Настя, если-бы ты пришла и поучила мою Катель чистить самоваръ, да и ставить также: дѣвка большая, а не умѣетъ. Начнетъ ставить,—потѣетъ, а готовъ не прежде какъ черезъ часъ. И хозяйинъ, и хозяйка сойдутся на помощь—дуютъ... Прощайте, Маменька. Срезневскій.

Письма адресуйте ко мнѣ Prag in Böhmen, на имя Шафарика или Вячеслава Вячеславича Ганки, Böhm. Museum.

Напишите, пожалуйста, брату, чтобы не уѣзжалъ изъ Петербурга, не купивши для меня самую подробную новую карту Россіи. Она мнѣ будетъ очень нужна когда ворочусь ¹⁾).

XXIV.

№ 12. Прага, 26 Апр. 1840 г.

^{16/4} Апр. Зеленый, по нашему—Великій Четвергъ. У св. Вита служилъ самъ Архіепископъ съ 12 канониками, освящая св. міро и омывая ноги. Церковь была биткомъ набита. Я пришелъ поздно и ничего не видѣлъ. За то наслушался. Кто хоть однажды слушалъ службу у св. Вита, то[тъ] не скажетъ, что музыка мѣшаетъ величію обряда или уменьшаетъ чувство благоговѣнія, вредитъ молитвѣ. Нѣтъ; огромный, громовый органъ и полный, стройный оркестръ дѣйствуютъ на душу поразительно. Заслушиваешься, благоговѣешь и молишься.—Послѣ обѣдни весь алтарь былъ очищенъ отъ всѣхъ украшеній.—Колокола смолкли до субботы. Барабаны военные спущены.—Начинается ходьба по церквамъ. Мѣсто для гроба Христова приготовлено: ему-то поклоняться и ходить изъ церкви въ церковь.

^{17/5} Апр. Ходьба для поклоненія гробу продолжается цѣлый день въ Великую пятницу. Ходилъ и я. Мнѣ особенно понравилось убранство Гарнизонной церкви: тутъ свящ. мѣсто убрано старымъ и новымъ оружіемъ.

^{18/6} Апр. Бѣлая суббота. Обѣдать было нѣчего: уху варить тутъ не умѣютъ, да и рыбу сжарили такъ кисло-прѣсно-сладко, что я понюхалъ

¹⁾ Приписки на полѣ.

да и отдалъ; надобно было быть сытымъ двумя пирогами.—Въ три часа будетъ обѣдня. Народъ уже волнуется, и спѣшитъ въ церкви, большею частію голодный, что бы послѣ обѣдни разговѣться мясомъ; потому что католики празднуютъ воскресеніе І-Христово съ сегодняшняго вечера. Кто не успѣлъ въ 3, тотъ пойдетъ въ 4, въ 5, въ 6, въ 7: обѣдня служится каждый часъ, въ однихъ церквахъ въ одинъ, въ другихъ другой.—Я ходилъ въ 7 часовъ въ Славянскій монастырь съ хозяйномъ и хозяйкой. Этотъ монастырь памятенъ тѣмъ, что въ немъ въ XV столѣтіи служба служилась на языкѣ Славянскомъ. Монастырь очень бѣденъ. Когда мы пришли народъ еще стоялъ у гроба Христова и пѣлъ молитвы. Въ 7-ѣ аббатъ съ нѣсколькими монахами пошелъ къ гробу, и торжественно понесъ оттуда «Тѣло Божіе», т. е. св. дары на алтарь, и затѣмъ началась обѣдня, или лучше сказать молебствіе. Я стоялъ на хорахъ. Внизу была гибель народа, такъ что по окончаніи не менѣе 20 минутъ продолжалось, пока народъ вышелъ изъ церкви. Я разгавливался съ хозяйномъ и хозяйкой у него, а потомъ они у меня пили чай.

^{19/7}. Великая ночь, т. е. свѣтлое воскресеніе. Ни поздравленій, ни «Христосъ воскресъ» тутъ нѣтъ. Впрочемъ не безъ освященныхъ яицъ, пасхи и барашка, хотя все это не такъ замѣтно какъ у насъ. Пасха называется мазанцемъ. Хозяйка пожалѣла денегъ и не купила себѣ мазанца; пожалѣла и моихъ денегъ, не купила и мнѣ. Быть такъ.—Въ 11-мъ часу мы пошли съ хозяйномъ къ св. Виту, гдѣ долженъ былъ служить Архіепископъ, и добыли себѣ такое мѣсто, какого никто не имѣлъ, именно у олтаря, гдѣ одни каноники, и я сидѣлъ на одинъ шагъ отъ архіеписк. кресла. Архіепископъ—молодой человѣкъ, и болѣе похожъ на чиновника. Онъ былъ въ бѣлыхъ золотомъ вышитыхъ туфляхъ и перчаткахъ. 8 камер-лакеевъ его стояли поотдалъ. Служба была обыкновенная. Все хорошо; мнѣ не нравятся только колокольчики, въ которые звонятъ во время обѣдни, въ опредѣленное время, подъ самымъ ухомъ архіепископа. Ихъ пискъ вовсе не гармонируетъ съ органомъ.—Послѣ обѣда Конскій торгъ мой наполнился гуляющими. Было на что посмотрѣть: дамы и кавалеры тысячами повалили тѣ въ ту, тѣ въ другую сторону, разряженные въ пухъ, веселые, благовонные. Тутъ и сапожницы, тутъ и сидѣльцы, тутъ и купчихи, и полудворянки, и трактирные франты, словомъ дамы и кавалеры всякаго рода. Хорошенькихъ очень много. Къ вечеру вышелъ и я, зашелъ къ Станьку и ѣлъ тутъ мазанецъ—съ медомъ какъ требуетъ обычай. Мазанецъ мнѣ не понравился: тѣсто тяжелое, сахару мало.—

^{20/8} Апр. Понедѣльникъ. До 4-хъ часовъ былъ дома. Въ 4 пошелъ въ Чешское дивadlo ¹⁾: давали l'elisire d'Amore, оперу Доницетти на Чеш-

¹⁾ т. е. театр.

ескомъ языкѣ. Зрителей было мало, потому что время прекрасное, и почти весь городъ ушелъ за городъ. Несмотря на это играли прекрасно. Особенно Подгорская ¹⁾ пѣла такъ, что можно было заслушиваться. Она уже въ лѣтахъ, но еще очень хороша собою, на театрѣ кажется довольно молоденькою и имѣетъ хрустальный голосъ. Сама опера очень богата мотивами, полными жизни и красоты.—Выходя изъ театра сошлася съ Шафарикомъ, который былъ также въ театрѣ съ дѣтьми, и пошелъ къ нему. Тутъ пилъ чай и просидѣлъ до 9 часовъ.

^{21/9} Апр. Вторникъ. Сегодня празднуется рожденіе Императора. Въ 5 часовъ гремѣли пушки. Въ 9 и 11 была обѣдня и въ 1 часу освященіе цѣпнаго моста, который будетъ поставленъ черезъ Молдаву на западъ отъ Карлова каменнаго, вамъ извѣстнаго. Послѣ обѣда я пошелъ къ Челяковскому и отъ него съ нимъ, по окончаніи урока, гулять въ Бубенчи, версты за 2 отъ Праги. Это гулянье называется Strohsack—Соломенникъ, и было когда-то гуляньемъ портныхъ. Теперь общее всепражское. Дорога въ Бубенчи очаровательна. Народу гибель, десятки тысячъ, и сотни экипажей. Играла музыка, пили пиво, кофе, шоколадъ, больше пиво. Бубенчи—огромный садъ, расположенный въ долинѣ и по горамъ. Виды вокругъ—роскошь. Каково должно быть лѣтомъ, когда и теперь хорошо, хотя деревья еще голы. По воскресеньямъ тамъ играетъ музыка, и народу всегда собирается много.

^{24/12} Апр. Пятница. Въ среду должно было быть гулянье въ Нусляхъ, въ верстѣ отъ Праги, называемое «фидловачка», т. е. гладилка, досочка, которою сапожники гладятъ сапоги или я не знаю что, гулянье преимущественно сапожниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Праги. Это гулянье вѣроятно и было; но дождикъ помѣшалъ намъ идти, и мы (съ Челяковскимъ) просидѣли дома, читая Сѣверную Пчелу, которую утромъ взялъ я у Ганки. Нечего дѣлать: возмемся и за С. Пчелу, когда ничего другого новаго изъ Руси нѣтъ.—Вчера я нечаянно попалъ въ соборъ св. Вита: думалъ, что день Георгія, одинъ изъ двухъ дней, когда отворяется древнѣйшая въ Прагѣ церковь св. Георгія, пошелъ на Градчинъ, т. е. на Замковую гору, поцаловался съ замкомъ двери этой церкви, и пошелъ къ Виту, который отъ нея въ двухъ шагахъ. Чудо церковь! Казанскій соборъ богаче, но св. Витъ не уступитъ ему въ величїи, хотя и совершенно другого рода. Съ наслажденіемъ мечтаю о томъ времени, когда, воротившись къ вамъ, разложу

¹⁾ О Подгорской И. И. С.—ѣ писалъ А. А. Краевскому (Отеч. зап. 1841. 14): «Имя ея должно навсегда остаться въ исторіи Чешской литературы рядомъ съ именамъ Тили и другимъ почтенными именами ученыхъ и литераторовъ, сдѣйствовавшихъ къ возобновленію литературы Чешской». Въ томъ же письмѣ И. И. С. описываетъ замѣчательной дебютъ Подгорской 28 дек. 1823 г. по воспоминаніямъ Пражскихъ жителей; она выступила тогда подъ своей дѣвичьей фамиліей Кометовой.

передъ вами рисунки и планы его, и буду пересказывать вамъ, что знаю о немъ. Отъ Вига къ Ганкѣ на минуту, потомъ домой, потомъ опять къ Ганкѣ и съ нимъ въ Виндійскій Семинаріумъ (какъ обыкновенно—въ Четвергъ). Сегодня другой разъ ходилъ къ св. Георгію, и не напрасно. Сегодня день Георгія, и въ церкви этой «поужъ», т. е. праздникъ. То-же что и у насъ. Въ церкви молятся, около церкви продаютъ пряники и разныя разности въ такихъ же точно палаткахъ, какъ и у насъ, во время церковныхъ праздниковъ. Молиться я не молился, а осмотрѣлъ церковь и достопримѣчательности, между [прочимъ] гробъ св. Людмилы, и кости первой игуменни Милады съ лицомъ изъ *parier maché*, и множество надгробныхъ надписей. Народу толпа и пробираться можно было съ трудомъ; но я за пятиалтынный купилъ описаніе церкви и вслѣдствіе сего былъ сопровождаемъ кистеромъ во все углы. Penje здѣсь очень хорошій проводникъ.

²⁶/14 Апр. Воскресенье. Утро было дома. Въ четыре часа послѣ обѣда пошелъ въ театръ. Давали Донъ-Хуана Моцартова. Театръ былъ довольно полонъ. И музыканты и актеры исполняли свое дѣло прекрасно, особенно Подгорская, Пражскій соловей.—Вамъ нравится?—спросилъ меня Ганка, съ которымъ сидѣли мы вмѣстѣ.—Какъ-же!—Да, хорошо; но прежде было несравненно лучше, прежде, лѣтъ за 15. Подгорская была молода, Донъ Хуана игралъ Држка, который теперь въ Дрезденѣ, превосходный баритонъ, и вообще и публика, и актеры были какъ-бы наэлектризованы. Нѣмецкая сцена была оставлена для Чешской самими Нѣмцами. Въ свое время это много содѣйствовало пробужденію Славянскаго духа въ Чехахъ.—Изъ театра пошли съ Ганкой гулять, зашли и на Барвиржскій островъ, гдѣ я еще никогда не былъ. Онъ напомнилъ мнѣ Лейпцигъ, вокругъ котораго много подобныхъ мѣстъ. Островъ занятъ садомъ, а посредию его большой домъ прекрасной наружности съ залами для танцевъ и концертовъ. На площадкахъ скамьи и столы для желающихъ пить и кушать. И все мило. Съ береговъ—виды на рѣку и городъ. Такъ что островъ малъ, а народу бываетъ много: это бываетъ иногда скучно.—Съ острова пошли ко мнѣ, мимо дома, въ которомъ нашъ Касторскій ¹⁾ утушилъ однажды пожаръ. Шли они однажды съ Ганкою вечеромъ мимо, и увидѣли что изъ этого дома дымъ валить клубомъ. Касторскій вскочилъ въ окно, увидѣлъ, что тѣветъ хлопчатая бумага, а женщины, единственныя обитательницы этого жилища, вопятъ и ничего не дѣлаютъ,—и давай руками и ногами тушить. Пріѣхавшая полиція додѣлала остальное, заливши начавшіе горѣть окна, двери и полы.—Пили мы чай и читали Сѣв. Пчелу, которую Ганка имѣлъ въ карманѣ.—Теперь уже поздно Пора спать. Перо и рука не пишеть.

¹⁾ Мих. Ив. Касторскій, впоследствии проф. Сиб. университета.

²⁷/15. Понедѣльникъ. Утро по обычаю дома. Послѣ обѣда пошелъ къ Челяковскому,—и потомъ съ нимъ и съ его сыномъ гулять за городъ. Шли, шли, и дошли до Нуслей, гдѣ бываетъ Фидловачка. Долина прекрасная,—покрыта садами и загородными домиками. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ, гуляли, пили кофе,—и воротились домой уже вечеромъ, въ 9-мъ часу. Челяковский веселый человѣкъ и мастеръ рассказывать. Въ Нусляхъ я нахохотался въ-доволь. Поля уже зелены; деревья тоже начинаютъ зеленѣть, вишни и яблони начинаютъ цвѣсти.—Въ городѣ продаютъ множество цвѣтовъ. На окнахъ всюду резеда, розы, левкое и т. д. Погода прекрасная, даже жарко; но дождя нѣтъ, и хозяева начинаютъ горевать.

Что-же еще писать?—Развѣ напиться чаю: авось онъ напомнитъ.— Нѣтъ, ничего не напомнилъ. Развѣ пересказать нѣсколько анекдотовъ о Добровскомъ, которые сегодня рассказывалъ мнѣ Челяковский. Подъ старость былъ онъ большой чудакъ, а иногда и просто сумасшедшій. «У меня есть вторая часть Лузацкаго словаря, который присланъ былъ Добровскому изъ Лузаціи. Первая часть истерлась, исполняя должность тряпки. Однажды Добровскому пришла охота вымыть у себя въ кабинетѣ полъ. Онъ и принялся. Вылилъ на полъ всю воду изъ умывальника и графина, и давай мыть; тряпокъ не было, за то было вдоволь бумагъ: онъ и сталъ ими возить по полу. Цѣлая куча ихъ легла въ углу комнаты, принявши прежній видъ тряпокъ,—и первая часть словаря тамъ-же.—А вотъ что сдѣлалъ Добровский въ голодный годъ, когда хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что для завтрака человѣку надобно было купить его на два рубля. Зашедши въ одинъ женскій монастырь, онъ узналъ, что монашенкамъ ѣсть нечего. «Надобно промыслить денегъ!» сказалъ онъ и пошелъ. На другое утро пошелъ съ визитами къ вельможамъ, которые принимали его всегда ласково и радушно. Пришелъ въ одинъ домъ, замѣтилъ часы на столѣ, взялъ ихъ, да въ карманъ; пришелъ въ другой, увидѣлъ перетень,—и его въ карманъ; пришелъ въ третій,—и тамъ нашелъ что положить въ тотъ-же карманъ. Обходилъ всѣхъ, и изъ всякаго дому понесъ въ карманъ по добычѣ. Съ набраннымъ добромъ въ монастырь, и отдалъ игуменѣ, прося хранить. Черезъ нѣсколько дней снова обходомъ по домамъ, гдѣ собиралъ добычу. Всюду ему говорятъ о покражѣ и пропажѣ; всюду онъ удивляется и говоритъ: «а все же вещи должно отыскать».—Прошло еще нѣсколько дней; Добровский опять въ обходъ, и говоритъ, что онъ нашелъ вещи и мѣсто гдѣ хранятся, но что не отдадутъ безъ выкупа. Вещи были выкуплены, и монашенки сыты.—И пр. и пр.—

Прощайте, Маменька! Кланяйтесь нашимъ добрымъ знакомымъ, и не забывайте (т. е. письмами) Вашего Пражанина.

Амвросія Лук. и Никол. Ив.¹⁾ прошу прислать все, что могутъ, печатнаго Малороссійскаго. Адресовать въ Броды на имя Данила Гартенштейна 1-й гильдіи купца, а его просить переслать мнѣ. Платить за пересылку до границы. Малороссія тутъ вовсе неизвѣстна, а денегъ платить за Русскія книги нѣтъ, да и выписывать ихъ сюда обыкновеннымъ путемъ было бы дорого (Юнгману Исторія Карамзина стоила 150 сереб. гульденовъ, каждый въ 2—40 коп.).

Какъ я дурно написалъ это письмо. Простите. Горбатаго могла исправить. Вѣчно то перо, то бумага виновата.—

XXV.

№ 13. Прага 1840. Май. 4.

1-ое Мая, а у васъ еще 19 Апр. Не знаю какъ у Васъ, а здѣсь весна въ полномъ цвѣтѣ: деревья зеленѣютъ, цвѣты цвѣтутъ, все наслаждается природою, и соловей поетъ. Теперь нельзя не любить Праги: природа, ее окружающая, такъ прекрасна, такъ разнообразно-картинна, что любуешься, въ какую сторону ни взглянешь. Отъ меня до Музеума идти и довольно далеко, и довольно скучно (потому что нельзя миновать ни торговыхъ улицъ, гдѣ вѣчная толкотня, ни сходцевъ въ 204 камен. ступени); но я хожу чаще прежняго, потому что можно (за грошъ) переѣхать черезъ Молдаву на лодкѣ и переѣзжая любоваться видами рѣки, а потомъ, поднявшись на гору, любоваться видомъ цѣлой Праги и окрестностей. Это—такая панорама, какой роскошнѣе и желать нельзя. Грустно иногда становится, когда вспомнишь, глядя на Прагу съ Градчина, что въ ней; но все таки любишься ею.

Вотъ и сегодня я пошелъ было въ Музеумъ; впрочемъ не дошелъ. Меня догналъ на полудорогѣ одинъ изъ юныхъ литераторовъ и потащилъ на выставку картинъ. Заплативши гривенникъ за билетъ для входа и каталогъ, я вошелъ и остался тамъ до обѣда. Эта выставка предназначена преимущественно для живописцевъ Чешскихъ и Австрійскихъ, но въ нынѣшнемъ году прислано много вещей изъ Дюссельдорфа, Мюнхена и пр., и по этой причинѣ многіе изъ Пражскихъ живописцевъ покапризились выставить свои работы. Тѣмъ не менѣе есть чѣмъ любоваться. Особенно обворожителенъ колоритъ Дюссельдорфскихъ работъ: краски такъ свѣжи, тѣни такъ естественны, что и не хотѣлъ бы смотрѣть, а смотришь. Самая замѣчательная изъ картинъ есть Ахенбахова Норвегія: горы, тундра, туманъ, и сквозь него солнце, и только птицы оживляютъ эту дичь природы. Картина огромна: въ длину аршинъ до 5, а въ вышину около 3. Есть и еще нѣсколько такой величины ландшафтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не идетъ въ сравненіе съ этою. И не дорога: только 200 имперіаловъ, вмѣстѣ съ рамою. Вотъ бы купить!! Жаль,

¹⁾ А. Л. Метлинскій и Н. П. Костомаровъ.